
B - 3

+

(Стр. 125-128 отделены)

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ.

В. Вересаевъ.

ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ.

На мертвой дорогѣ.—Товарищи.—Порывъ.—
Прекрасная Елена.—Загадка.—Безъ дороги.—
Повѣтріе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1898.

НА МЕРТВОЙ ДОРОГѢ.

(изъ лѣтнихъ встрѣчъ).

Изморенный ходьбою и зноемъ, я сидѣлъ съ Михайлой на порогѣ его убогой, крытой соломою сторожки. Вдали, гдѣ степь сливалась съ сверкавшимъ небомъ, дымились трубы шахтъ, проносились, свистя и погромыхивая, товарные поѣзда. Кругомъ же насъ все дышало покоемъ и запустѣніемъ. За лощинкою, подъ покосившимся соломеннымъ навѣсомъ, молчаливо ютилась крестьянская шахта, покинутая хозяиномъ для косовицы, а мимо нашей сторожки бѣжала вдаль узкая, пыльная полоса травы, въ которой рыжѣли растрескавшіеся, насквозь проржавѣвшіе рельсы. Эта заброшенная желѣзная дорога принадлежитъ крупному углепромышленнику Сохатову и ведетъ на давно уже выработанный Солодиловскій рудникъ; но Сохатовъ не снимаетъ рельсовъ: онъ разсчитываетъ заарендовать у крестьянъ богатый углемъ участокъ земли рядомъ съ Солодиловкой; если же снять рельсы, то придется опять хлопотать объ отчужденіи земли подъ подъѣздной путь. И вотъ тянется по

степи мертвая дорога. Шпалы погнили, рельсы заржавѣли и заросли бурьяномъ; у переѣзда нѣтъ заставы, нѣтъ даже столбика. И Михайло одиноко бродитъ по протоптанной въ бурьянѣ тропинкѣ, оберегая рельсы и шпалы отъ расхищенія.

Былъ шестой часъ вечера. Зной стоялъ невыносимый, солнечный свѣтъ рѣзалъ глаза; вѣтерокъ дулъ со степи, какъ изъ жерла раскаленной печи, и вмѣстѣ съ нимъ отъ шахтъ доносился острый, противный запахъ каменноугольнаго дыма... Мухи назойливо липли къ потному лицу, въ головѣ мутилось отъ жары; на душѣ накипало глухое, безпричинное раздраженіе.

Михайло, съ трубкою въ зубахъ, сидѣлъ рядомъ со мною и разсказывалъ мнѣ о своей далекой орловской деревнѣ и кулакѣ старшинѣ, забравшемъ въ руки всю волость.

— Кабакъ открылъ, лавку открылъ!.. Въ волостные старшины попалъ!..—говорилъ онъ, мрачно и негодующе глядя въ степную даль.—Ребятенками вмѣстѣ въ рюхи играли, а теперь посмотри: пару гнѣдыхъ завелъ,—лихіе кони, такъ и ерзаютъ,—ахнешь!.. Заговорятъ на сходѣ: „учесть бы его!"—„Ишь,—скажетъ,—податей не платятъ, а тоже—*учесть*!.. Разговариваютъ, с—ны дѣти, заковыриваютъ"!..

Ужъ больше часу разсказывалъ мнѣ Михайло о всевозможныхъ бѣдахъ и притѣсненіяхъ, которыя ему пришлось претерпѣть въ жизни. Я слушалъ его и, угрюмо

гляря на изнемогавшую отъ зноя степь, думалъ о томъ, что мнѣ нескоро еще можно будетъ итти дальше, что еще не одинъ часъ придется мнѣ провести здѣсь, пережидая жару. Стыдно признаться, но мало сочувствія вызывали во мнѣ разсказы Михайлы. И степь, безсильно выгоравшая подъ солнцемъ, и лѣнивый, душный воздухъ, и негодующія сѣтованія Михайлы,—все дышало чѣмъ-то такимъ тоскливымъ, разслабляющимъ и безнадежнымъ... Странно было подумать, что гдѣ-нибудь теперь свѣжо и прохладно, что есть на свѣтѣ бодрые, дѣятельные и неунывающіе люди.

На далекихъ Аѳанасьевскихъ копяхъ раздался гудокъ, на него откликнулась одна шахта, потомъ другая,—и вскорѣ вся ихъ дымящаяся цѣпь загудѣла на разные тоны дѣловито-угрюмыми гудками. Откуда-то изъ-за горизонта чуть слышно донесся звонъ церковнаго колокола.

— Ко всенощной звонятъ,—сказалъ Михайло, снимая шапку и крестясь.

Колоколъ продолжалъ мѣрно звенѣть, и его звонъ съ трудомъ пробивался сквозь ноющее гудѣніе шахтъ.

— Нынче ночью отецъ-покойникъ приходилъ ко мнѣ,—помолчавъ, заговорилъ Михайло:—въ тулупѣ новомъ, въ новыхъ валенкахъ, другую пару въ рукахъ держитъ.—„Все, говоритъ, Миша, ноги зябнутъ, никакъ не могу согрѣться"... Панихидку бы надо отслужить...

Михайло задумчиво поглядѣлъ вдаль, гдѣ медленно струился и переливался горячій воздухъ.

*

— Все помину желаютъ родители, баринъ, а мы отощали!.. Э-эхъ!..—тяжело вздохнулъ онъ и сталъ раскуривать погасшую трубку.

Гудки смолкли одинъ за другимъ. Затихъ благовѣстъ. Только безчисленные жаворонки звенѣли и заливались въ яркомъ небѣ, и казалось, что это звенитъ само небо,—звенитъ однообразно, назойливо... Да и въ небѣ ли это звенитъ? Не звенитъ-ли это кровь въ разгоряченной головѣ?.. Ковыль волновался и сверкалъ подъ солнцемъ, какъ маленькіе клубы бѣлоснѣжнаго пара; по степи шныряли юркіе рыжіе овражки; изъ рудничныхъ трубъ лѣниво валилъ дымъ и длинными, мутными полосами тянулся по горизонту.

Мимо сторожки прошелъ худощавый, бородатый шахтеръ въ синей блузѣ, съ кожаною сумкою за плечами. Замѣтивъ насъ, онъ въ нерѣшительности остановился и вдругъ круто повернулъ къ сторожкѣ.

— Дозвольте, господа, немножко посидѣть съ вами!—произнесъ онъ съ быстрой улыбкой.—Жарко, нѣтъ никакой возможности итти.

— Просимъ милости!—отвѣтилъ Михайло.

Я гдѣ-то ужъ видѣлъ это нервное лицо съ впалыми щеками и странно-блестящими глазами, съ быстрой, нескладной улыбкой, видимо, очень рѣдко появлявшеюся на губахъ. Шахтеръ спустилъ съ плечъ сумку, прислонилъ ее къ облупившейся стѣнѣ сторожки и утеръ платкомъ потный лобъ.

— Никитинъ, да это вы!—вдругъ сказалъ я.

— Какъ-же! Я самый, В. В—вичъ!

Встрѣчался я съ Никитинымъ, и не одинъ разъ, на Миримановскомъ рудникѣ, въ одномъ изъ „балагановъ“, какъ здѣсь называютъ рабочія казармы. Зайдешь въ праздникъ въ балаганъ,—все пьяно, на нарахъ кипитъ игра въ карты и орлянку, въ воздухѣ одни только скверныя слова и слышны; а Никитинъ молчаливо сидитъ за столомъ, склонясь своимъ худымъ лицомъ надъ какими-то чертежами; вокругъ разложены краски, готовальня, линейки. Заговоришь съ нимъ, онъ отвѣчаетъ очень вѣжливо, но односложно и сдержанно. Первое время я принималъ его за механика, но потомъ узналъ, что онъ простой шахтеръ.

Никитинъ присѣлъ на свою сумку и закурилъ папиросу.

— Вы куда же это направляетесь?—спросилъ я.

— На Карачевскіе рудники иду. Взялъ расчетъ у Мириманова.

— Что такъ? Порядки тамошніе не нравятся?

— Нѣтъ, что же? Гдѣ ни работай, все одно... Дѣло у меня есть въ Карачевскихъ рудникахъ.

— Дѣло?

— Да... Кое - что надобно тамъ поразвѣдать, посмотрѣть...

— Т.-е. что же именно?

— Такъ... Свои различныя дѣла,—уклончиво отвѣтилъ Никитинъ.

Ужъ и раньше нѣсколько разъ наши разговоры съ нимъ кончались такимъ образомъ. При прежнихъ встрѣчахъ мнѣ иногда казалось, что Никитину хочется поговорить со мною, а заговоришь,—онъ вспыхнетъ и отвѣчаетъ односложно и уклончиво. Но теперь, повидимому, Никитинъ рѣшился побороть свою застѣнчивость. Онъ покраснѣлъ, поправилъ подъ собою сумку и оглядѣлъ меня быстрымъ, испытующимъ взглядомъ.

— Позвольте васъ, В. В—чъ, спросить, я ужъ давно все собираюсь, хорошо вотъ, что встрѣтился,—заговорилъ онъ, улыбнувшись своею нескладною улыбкою, причемъ лицо его покрылось странными морщинками.— Что это, дорого стоитъ какія-нибудь изображенія отпечатать, вотъ какъ иконы для продажи печатаютъ, азбуки, царскіе портреты?

— Т.-е. картины, значитъ?

— Т.-е., значитъ... планты!—запнувшись, отвѣтилъ Никитинъ.

— Планы?.. Видите-ли, хорошо я съ этимъ дѣломъ не знакомъ, но, кажется, это будетъ стоить не одну сотню рублей.

Никитинъ молчалъ, видимо пораженный.

— Почему же царскіе портреты за двугривенный можно купить?—спросилъ онъ.

Я сталъ ему объяснять. Никитинъ слушалъ, задумчиво теребя свою рѣдкую бороду.

— Почему это васъ такъ интересуетъ?—спросилъ я.

Никитинъ встрепенулся, еще разъ быстро оглядѣлъ меня, откашлялся и началъ поспѣшно развязывать свою сумку.

— А вотъ позвольте васъ спросить,—можетъ, вы мнѣ объясните,—сказалъ онъ, вытаскивая изъ сумки небольшую иллюстрированную азбучку.—Извольте смотрѣть! Все у насъ въ Россіи пропечатано: гуси... дѣвочки вотъ!.. коровы... солдаты... хомуты... Почему нѣту плантовъ?

— Какихъ плановъ?

— А рудниковъ!

— Для чего же ихъ печатать?

— Для чего?—удивился Никитинъ.—Для правоученія!

Мы нѣсколько времени молча смотрѣли другъ другу въ глаза.

— Я васъ не понимаю. Какое же въ планахъ правоученіе?

— Въ нихъ большое правоученіе состоитъ!.. Вы вотъ въ рудникъ спускались, видали все; есть тамъ вентиляція, позвольте васъ спросить?

— Есть.

— Есть?.. Тамъ вентиляція такая, что есть-ли она, нѣтъ-ли,—все одно. Только для виду печи стоятъ. Почему это, позвольте спросить, если на поверхности работать, то работай сколько хочешь и ничего тебѣ не будетъ, а въ шахтѣ часъ посидишь,—и начнешь черной

харковиной плевать? Тутъ причина вотъ какая: току воздуха дается неправильное направленіе, поэтому газамъ некуда уходить, они и идутъ въ середину къ человѣку. Я вамъ сейчасъ все это объясню.

Никитинъ досталъ изъ сумки толстый свертокъ и развязалъ его. Въ немъ оказалось около десятка большихъ, довольно неумѣло начерченныхъ и раскрашенныхъ плановъ. Развертывая передо мною одинъ планъ за другимъ, Никитинъ сталъ объяснять мнѣ, въ чемъ заключаются недостатки вентиляціи въ шахтахъ. Я совершенно незнакомъ съ вопросомъ о рудничной вентиляціи, но чувствовалось мнѣ, что критика Никитина представляетъ изъ себя что-то крайне-нелѣпое. Впослѣдствіи я разсказывалъ о своемъ разговорѣ съ нимъ нѣсколькимъ инженерамъ, и всѣ они нашли, что указанія Никитина въ корнѣ игнорировали самыя элементарныя правила горнаго искусства.

— Вотъ въ чемъ все дѣло!—закончилъ Никитинъ свои объясненія.—Это все на плантахъ видно, всякій сразу бы понялъ, кабы пропечатать... Азбуки вотъ у насъ печатаютъ, ситцы печатаютъ,—отчего-же не печатаютъ плантовъ?... Двѣнадцать часовъ народъ въ шахтѣ сидитъ, а дышать ему нечѣмъ. Воротится шахтеръ домой и помретъ. Вы взрѣжьте его, посмотрите,—у него всѣ кишки пропитались газомъ... Вотъ отчего нашего народу рассейскаго такъ много помираетъ!

— До-овольно его, хватитъ!—съ усмѣшкою произнесъ Михайло.—Хлѣба нѣтъ, ѣсть нечего... Погляди, надѣлы-то какіе стали: курицѣ ступить некуда!

— „Хватитъ!..“ А вотъ помрешь,—дѣти останутся,—сдержанно возразилъ Никитинъ.

— Э, живы будутъ, и сыты будутъ, — сказалъ Михайло, махнувъ рукою.—Выростутъ,—сами работать станутъ.

— Вы и въ Карачевскіе рудники для того поступаете, чтобъ планы снять?—спросилъ я Никитина.

— Для этого самаго. Я ужъ разспрашивалъ ребятъ: много непорядковъ тамъ! Дождутся взрыва, какъ Равицкіе! Слыхали, въ Равицкомъ рудникѣ зимою взрывъ былъ? Двѣнадцать человѣкъ побило газомъ!.. Это что-же такое? Должны бы они смотрѣть или нѣтъ? Навесть хотѣли,—и навели, и сдѣлали дѣло... *Двѣнадцать человѣкъ* погубили!.. А все оттого, что вентиляціи нѣтъ.

— Развѣ отъ этого? А я слышалъ,—оттого, что работы производились безъ предохранительныхъ лампъ.

— Нѣтъ, тутъ дѣло не въ лампахъ! Лампы что!.. Тутъ штука вотъ какая: вентиляціи настоящей не было. Я вамъ сейчасъ все это правильно докажу.

Никитинъ порылся въ сверткѣ и досталъ планъ рудника Равицкихъ.

— Извольте смотрѣть: вотъ она нижняя продольная идетъ, вотъ она—верхняя. По *мáштабу* въ каж-

дой пятьдесятъ саженъ длины. По нимъ какой вѣтеръ долженъ бы ходить?—чтобъ шапки срывалъ! А у нихъ народъ задыхается... Почему тутъ просѣка нѣтъ, позвольте спросить? Отъ бремсберга долженъ во всю длину просѣкъ итти къ вентиляціонной печи,—гдѣ онъ?—строго и отрывисто спросилъ Никитинъ, словно обращаясь къ невидимому подсудимому.—Почему воздушная шахта въ сторонѣ поставлена?.. Я имъ все это въ подробности объяснилъ, письмо послалъ. Недѣлю жду, другую,—не шлютъ отвѣта. Пошелъ самъ... „Получили письмо?"—При этомъ Никитинъ грозно нахмурилъ брови; затѣмъ откинулъ голову и, прищуривъ лѣвый глазъ, протянулъ медленно и высокомѣрно:—По-лу-чи-ли, но намъ нѣтъ надобности давать вамъ отвѣтъ.—„Поч-чему нѣтъ надобности?!"—Потому что это дѣло до васъ не касается.

Никитинъ замолчалъ и выжидательно взглянулъ на меня своими странно-блестѣвшими глазами.

— Позвольте спросить: какъ это, принадлежно къ ихъ званію?

Я съ сожалѣніемъ пожалъ плечами.

— Разумѣется, этого и слѣдовало ожидать. Съ какой стати они вамъ будутъ давать отвѣтъ?

— Небось, какъ планты пропечатаютъ, такъ придется отвѣтъ дать!

— Да и тогда наврядъ-ли придется.

Я сталъ доказывать Никитину совершенную безцѣль-

ность и ненужность его предпріятія; я указывалъ ему на то, что никто и покупать-то не станетъ его плановъ, если же и купитъ, то все равно ничего въ нихъ не пойметъ; что о тяжеломъ положеніи шахтеровъ уже много писалось въ газетахъ, а дѣло все остается въ прежнемъ положеніи, что изданіемъ плановъ всего менѣе можно чего-либо достигнуть... Михайло сочувственно поддакивалъ мнѣ. Никитинъ оживился; на его самолюбивомъ лицѣ выступили красныя пятна, глаза враждебно заблестѣли.

— Какъ это вы можете говорить, что ничего понять нельзя?—возражалъ онъ мнѣ.—Тутъ всякій можетъ понимать! Извольте смотрѣть.

И онъ разворачивалъ передо мною одинъ планъ за другимъ и взволнованно водилъ пальцемъ по желтымъ, краснымъ и сѣрымъ квадратикамъ, испещреннымъ непонятными для меня надписями: „квершлагъ", „бремсбергъ", „капитальный просѣкъ" и т. п. Для Никитина эти планы, въ которые онъ вложилъ столько любви и труда, видимо, дышали жизнью; ему казалось, что достаточно любому взглянуть на нихъ, чтобъ сразу получить яркое представленіе о тяжелой судьбѣ шахтера. Я видѣлъ, что разубѣждать Никитина было безполезно: слишкомъ ужъ онъ сжился съ своимъ дѣломъ, чтобъ такъ легко отказаться отъ него.

— Ну, во всякомъ случаѣ, дай вамъ Богъ удачи!—сказалъ я.—Если обратятъ вниманіе на ваши планы,

то вы сдѣлаете хорошее дѣло... Вы что же, сами собираетесь издать ихъ?

— Обязательно!—неумолимо отвѣтилъ Никитинъ, словно я просилъ его пощадить тѣхъ, для кого онъ готовилъ ударъ изданіемъ своихъ плановъ.—Развѣ всѣ эти безобразія возможно дозволять? Нѣ-ѣтъ!..

Онъ быстро свернулъ планы и молча, не глядя на меня, сталъ укладывать ихъ въ сумку; увязавъ сумку, онъ надѣлъ ее на плечи.

— Что это, вы ужъ итти собираетесь?—спросилъ я.—Вѣдь жарко еще. Посидѣли бы, переждали, пока жаръ спадетъ.

— Время итти: и такъ дай Богъ къ ночи поспѣть... Просимъ прощенія!

Никитинъ угрюмо приподнялъ фуражку, поправилъ ремни на плечахъ и пошелъ по направленію къ рудникамъ.

— Тоже—планты печатать собрался!.. Землемѣръ!... — сказалъ Михайло, иронически глядя ему вслѣдъ.—Вотъ какъ наладитъ его хозяинъ по шеямъ, чтобъ не въ свое дѣло не совался, такъ забудетъ о плантахъ думать!

Онъ выбилъ о порогъ выгорѣвшую трубку и молча сталъ набивать ее табакомъ. Никитинъ, миновавъ соломенный навѣсъ крестьянской шахты, быстро и нервно шагалъ по пыльной дорогѣ.

— Прошибешь ихъ плантами! — заговорилъ Ми-

хайло, раскуривъ набитую трубку.—Вонъ у нашего хозяина,— поди-ка, погляди, въ какихъ конурахъ народъ живетъ! Собаку въ такую землянку загнать совѣстно, а у него въ каждой по два семейства да по два нахлѣбника живетъ. Зайдешь въ землянку осенью,— грязь, слякоть, хлѣвъ настоящій, народу, что сноповъ въ скирдѣ... А на Солодиловкѣ вонъ огромадныя зданія пустыя стоятъ, ч-чортъ ихъ душитъ!..

И опять полился потокъ суровыхъ обличеній. И вдругъ я опять почувствовалъ, какъ кругомъ жарко, душно и тоскливо... Солнце жгло, жгло безъ пощады и отдыха; нечѣмъ было дышать, воздухъ былъ горячій и влажный, какъ въ банѣ; ласточки низко носились надъ степью, задѣвая крыльями желтую траву. Никитинъ ужъ исчезъ изъ виду. Вдали, на дорогѣ, длинною полосою золотилась пыль; въ пыли этой двигался обозъ съ углемъ; волы ступали, устало помахивая свѣтло-сѣрыми головами; хохлы-погонщики, понурившись, шли рядомъ. Все изнемогало отъ жары...

А Михайло попыхивая трубкою, неутомимо разсказывалъ мнѣ о безчисленныхъ злоупотребленіяхъ здѣшнихъ углепромышленниковъ,—и роптал, ропталъ безъ конца...

Кругомъ стало темнѣй, по степи пошла тѣнь, и воцарилась странная тишина.

— Никакъ гроза идетъ,—сказалъ Михайло, прислушиваясь.

Я вышелъ въ степь. Съ запада медленно, словно подкрадываясь, ползли по небу тяжелыя грязно-желтыя и лиловыя тучи; чуть слышно погромыхивалъ громъ. Все вокругъ примолкло, вѣтеръ упалъ. А далеко на западѣ, по дорогѣ, вился и клубился огромный столбъ золотистой пыли; на глазъ этотъ столбъ двигался медленно, но чувствовалось, что онъ мчится съ страшною быстротою. Вотъ онъ захватилъ и окуталъ могилу у перекрестка... Вдругъ кругомъ все завыло и засвистѣло, отъ крестьянской шахты взвилась туча черной пыли и смѣшалась съ набѣжавшимъ золотистымъ вихремъ. Трудно было устоять на ногахъ, пыль залѣпляла глаза, набивалась въ ротъ. Громадные клубы ея, словно спѣша куда-то, неслись между шахтой и сторожкой, перебѣгали наискосокъ рельсы и исчезали за балкой. Сквозь пыль едва видны были на дорогѣ тѣни обоза; хохлы стояли на фурахъ и, согнувшись, поспѣшно надѣвали развѣвавшіяся по вѣтру свиты; волы склонили свои красивыя рогатыя головы навстрѣчу вихрю. Вдругъ рѣзко блеснула молнія, по небу, съ запада на востокъ, съ оглушительнымъ, прерывистымъ трескомъ пронесся громъ, повернулъ обратно и съ глухимъ грохотомъ скатился за шахту. Хлынулъ дождь...

Дождь хлынулъ крупный, частый; онъ съ силою забилъ по землѣ, заволакивая ее мелкою водяною пылью.

Даль замутилась, все небо стало ровнаго сѣраго цвѣта, и только на югѣ шевелились и быстро таяли мутные клочья тучъ. Свѣжій вѣтеръ мчался по степи, въ брызги разбивая сплошныя струи дождя, и, казалось, какія-то туманныя тѣни несутся подъ дождемъ въ сырую даль. Молніи то и дѣло сверкали малиновымъ свѣтомъ, громъ весело катался по небу изъ конца въ конецъ. Передъ сторожкою образовалась большая лужа; она росла, вздувалась и, обогнувъ полынные кусты, медленно поползла по дорогѣ, оставляя за собою грязный, пѣнистый слѣдъ.

Мы съ Михайлой сидѣли въ сѣнцахъ сторожки,— онъ на боченкѣ изъ-подъ квасу, я на скамейкѣ. Въ дверь тянуло бодрящею, влажною прохладою; грудь жадно дышала. Михайло оживился: его суровое, всегда нахмуренное лицо смотрѣло теперь мягко и радостно.

— Вотъ такъ дождичка Богъ послалъ!—повторялъ онъ.—Гляди-ка, какъ теперь яровые подымутся!.. Гляди-ка, какъ пшеница зацвѣтетъ!..

Я слушалъ его съ невольною улыбкою, и въ то же время у меня сжималось сердце отъ невыразимой жалости къ Михайлѣ: онъ сіялъ такимъ довольствомъ, такимъ торжествомъ, какъ будто и ему самому дождь сулилъ невѣсть какія выгоды; но я прекрасно зналъ, что ничего здѣсь у Михайлы нѣтъ, кромѣ тянущейся передъ нами ржавой, гнилой дороги, заросшей негоднымъ бурьяномъ.

На тропинкѣ показалась женщина въ выцвѣтшемъ

голубомъ платочкѣ, съ котомкою за плечами; она бѣжала, согнувшись и опустивъ голову, обливаемая дождемъ; вѣтеръ трепалъ ея мокрую юбку, липнувшую къ ногамъ. Путница черезъ лужи добѣжала до нашей сторожки и, охая, вошла въ сѣнцы.

— О, Господи-Батюшка!.. Вотъ дождикъ-то полилъ!..—проговорила она, тяжело дыша.—Ужъ и не чаяла добѣжать... Здравствуйте, господа честные!

— Экъ тебя промочило! Нитки сухой не осталось!—соболѣзнующе воскликнулъ Михайло.

— Да ужъ бѣжала, бѣжала... Вижу, тучки идутъ, а укрыться некуда. Спасибо, хатка ваша по дорогѣ встрѣлась.

Она спустила съ плечъ котомку, поставила ее въ уголъ и положила на нее свою бѣлую камышевую трость съ жестянымъ набалдашникомъ; потомъ подошла къ двери и стала выжимать мокрый, отрепанный подолъ юбки. Лицо у путницы было худое, почти черное отъ загара, и на немъ странно бѣлѣли бѣлки глазъ.

— Льетъ, льетъ дождикъ—не судомъ Божіимъ!..—усталымъ голосомъ произнесла она, садясь на опрокинутый досчатый ящикъ.—Дорога-то эта на Таганрогъ идетъ, ай нѣтъ?

— На какой Таганрогъ! На Солодиловку дорога идетъ,—отвѣтилъ Михайло.

Путница огорченно покачала головою.

— То-то я все смотрю: что это, словно... А мнѣ въ Ясиноватой сказали,—на Таганрогъ.

— Тутъ дальше Солодиловки-то и дороги нѣту... Какъ-же это ты такъ? Спросила-бы толкомъ, поразвѣдала.

— Такъ видишь ты, спрашивала я; сказали,— сюда идти.

— На Константиновку надобно было тебѣ идти, вотъ куда.

— То-то на Костентиновку, значитъ! А мнѣ говорятъ,—сюда.

— Зачѣмъ сюда? Нѣтъ... На Таганрогъ здѣсь не пройти. Надобно было тебѣ толкомъ спросить,— всякій-бы показалъ. Тутъ и малый ребенокъ не скажетъ плохо. Придется назадъ ворочаться тебѣ.

— Задаромъ сколько верстъ прошла!—вздохнула путница.—И такъ ужъ идешь, идешь, не знаешь, когда конецъ будетъ. Ноги опухли, язвы по нимъ пошли...

— А ты издалека идешь?

— Изъ Іерусалима.

— На богомолье ходила?

— На богомолье.

— Въ пути-то вамъ долгонько пришлось побыть!— сказалъ я.

— Да вотъ отъ Одессы никакъ седьмыя сутки иду. Еще спасибо кондуктору, подвезъ на машинѣ,— рубль и два двугривенныхъ взялъ... Тяжело теперь идти! Вышли мы осенью, тогда хорошо было, дожди шли. А теперь земля твердая,—силъ нѣтъ,—жарко...

А всетаки лучше, чѣмъ по морю, — прибавила она, помолчавъ.—Вотъ гдѣ мукъ-то натерпѣлись! Качаетъ пароходъ, народу много, скотъ тутъ-же; всѣ на одну сторону сбиваются. Рветъ всѣхъ, духота... Вспомнишь, такъ тяжко становится!

— А въ Іерусалимѣ жарко было?

— Жарко... Мы тамъ больше отъ воды пропадали. Воды мало тамъ; и холодную, и горячую турки продаютъ за деньги. Вода тяжелая, вредная. Много тамъ съ нея нашего народу померло.

— Тамъ что-же, турки все? — съ любопытствомъ спросилъ Михайло.

— Больше турки. Серьезный народъ, все, знай, молчатъ. Ходятъ они босые; какіе ни будь острые камни, никогда не обуются. Скажи имъ: „хорошо—нѣтъ!“ это имъ пріятно.

— Ишь! Любятъ!—засмѣялся Михайло.

— Да... — улыбнулась богомолка. — Греки тоже есть. Они нашей вѣры, а только ничего не поймешь, что они, прости Господи, лопочатъ: „ерасиха! ерасиха! ерасиха! Ерапь! ерапь!“ А то еще: „берша! берша!“ И патріархъ-батюшка то же самое, по-грецки. Погодите, вотъ я вамъ его сейчасъ въ панорамѣ покажу.

Она развязала свою котомку и достала изъ нея плохенькій стереоскопъ и пачку фотографій. Мы перешли къ порогу, ближе къ свѣту. Теперь дождь моросилъ лѣниво и скупо, тучи уходили на востокъ, и перекаты грома доносились издалека.

Богомолка вынула изъ пачки двойную стереоскопическую фотографію іерусалимскаго патріарха.

— Вотъ онъ патріархъ-батюшка!.. въ панорамѣ они двое въ одно пойдутъ. Дай-ка, я его вставлю. Шибко-хорошо въ панорамѣ выходитъ! Къ свѣту только ладьте.

Стекла въ стереоскопѣ были пузырчатыя и мутныя, видно въ нихъ было плохо. Когда мы разсмотрѣли іерусалимскаго патріарха, богомолка стала намъ показывать другія фотографіи, съ видами святыхъ мѣстъ. Мы смотрѣли въ стереоскопъ, а богомолка давала намъ объясненія.

— Дубъ мамврійскій,— онъ въ панорамѣ большой оказывается... А это будетъ градъ Виѳлеемъ, гдѣ Христосъ родился... Гробъ Господень изнутри... Въ этомъ самомъ гробѣ въ христову пятницу благодатный огонь съ неба сходитъ.

— Мнѣ приходилось объ этомъ слышать, что огонь сходитъ. Скажите, вы сами не видѣли этого?—спросилъ я.

— Какъ-же не видѣла?.. Вотъ придетъ христова пятница, народу сойдется видимо-невидимо. Пріѣдетъ патріархъ,—видали его въ панорамѣ?.. Турки его сейчасъ раздѣнутъ до рубашки, осмотрятъ всего, обыщутъ, нѣтъ-ли гдѣ спичекъ, и запираютъ въ гробъ Господень. Онъ стоитъ тамъ, молится, а мы ждемъ, не шелохнемся. Вдругъ въ дырочку ударяетъ съ неба молонья. Турки отпираютъ гробъ,—патріархъ выходитъ, а въ рукѣ у него свѣча горитъ. Тутъ у всѣхъ такой восторгъ подымется! Ревутъ, ревутъ, какъ ребятишки

малые... Особенно арабы, нашей вѣры,—такихъ много; такъ тѣ смотрятъ, другъ дружкѣ на плечи позабираются... Колоколовъ тамъ мало, и они въ церкви самой висятъ; тоже въ доски такія бьютъ. Такъ вотъ, какъ выйдетъ патріархъ со свѣчой, сейчасъ—въ палки, въ доски, въ музыки эти!.. Арабы пляшутъ, въ ладоши щелкаютъ... Всѣ зажигаютъ себѣ свѣчи,—по тридцать три свѣчки у каждаго, вокругъ руки навязаны,—и начинается служеніе... И вѣдь какой, парни, огонь-то! Вотъ такъ водишь свѣчой (разказчица быстро развязала узелъ головного платка и подняла загорѣлый подбородокъ, рѣзко отдѣлявшійся отъ бѣлой шеи), водишь, водишь, кажись, все спалило-бы; а ничего не жжетъ!

— Не жжетъ?!—съ одушевленіемъ спросилъ Михайло.

— Ни капельки!.. Другой арабъ въ безуміе придетъ,—огнемъ этимъ въ животъ себя тыкаетъ, въ лицо,—и ничего!.. Отъ всякихъ болѣзней этотъ огонь помогаетъ.

На дворѣ начинало темнѣть. Дождь прекратился, но небо было покрыто окладными тучами; съ крыши капало. Кругомъ трещали сверчки, въ сосѣдней балкѣ слабо и неувѣренно щелкала камышевка, неумѣло подражая соловью.

— Однажды не захотѣли, чтобъ православнымъ огонь достался,—продолжала богомолка, помолчавъ.— Сговорились всѣ: не пускать! Вотъ стали они въ церкви,

заперлись всѣ: турки, католики, армяне и четвертые... То-ли скопцы, то-ли, я ужь не знаю, кто. Кажется, словно... Ко-оп... Нѣтъ, ужъ не знаю, не могу назвать.

— Копты?

— Да, да, копты! Стоятъ... А русскіе возлѣ церкви. Вдругъ съ неба молонья, всѣ свѣчи у русскихъ зажгла. А тѣ стояли, стояли, не дождались ничего. Выходятъ, а у русскихъ свѣчи горятъ. Съ той поры стали пускать.

— Пустишь, братъ, какъ безъ русскихъ ничего не сможешь сдѣлать! —негодующе сказалъ Михайло. —Они тоже— рады православнаго человѣка обидѣть! Вонъ землякъ у насъ съ войны воротился, сказывалъ; что они тамъ дѣлали, турки эти,—не накажи, Господи! Православныхъ христіанъ, что барановъ, свѣжевали; кишки имъ выпускали, на огнѣ жарили!

Богомолка задумчиво выслушала Михайлу, видимо носясь мыслью далеко.

— Ужъ чего-чего тамъ не насмотришься! — снова заговорила она.— Ей-Богу, смотришь, — и сама не знаешь, что это съ тобою: и ужасно какъ-то, и весело... Золотыя Ворота тамъ есть, теперь ихъ турки камнями заклали; въ эти ворота Христосъ въѣзжалъ на ослѣ. Евреи Ему стлали по дорогѣ бархаты-шелки, а Онъ говоритъ: „Не поѣду по бархатамъ-шелкамъ, поѣду по вербамъ, что мнѣ дѣти настлали“. Евреи смотрятъ,— „зачѣмъ, говорятъ, Онъ по вербамъ ѣдетъ,—царь, что-

ли?“ Хотѣли дѣтей поразогнать... Только Христосъ имъ этого не дозволилъ, говоритъ: „не препятствуйте имъ! Если, говоритъ, воспрепятствуете, то *аще камни возопіе*!“... И что-же, миленькіе вы мои? Такъ до сего времени всѣ тѣ камушки, разинувши рты, и лежатъ!..

Богомолка долго еще разсказывала намъ о святыхъ мѣстахъ. Много въ ея разсказахъ было страннаго и наивнаго, но она относилась ко всему съ такимъ глубокимъ благоговѣніемъ, что улыбка не шла на умъ. Лицо ея смотрѣло серьезно и какъ-то успокоенно, какъ бываетъ у очень вѣрующихъ людей послѣ причастія. Видимо, изъ своего долгаго путешествія, полнаго тяжелыхъ лишеній, собесѣдница наша несла съ собою въ душѣ нѣчто новое, безконечно для нея дорогое, что всю ея остальную жизнь заполнитъ тепломъ, счастьемъ и миромъ.

— А довольны вы, что удалось вамъ побывать въ святой землѣ?—спросилъ я ее.

— Какъ-же нѣтъ? Вѣдь все тамъ... всюду все осмотрѣла. На страшный-то судъ, небось, туда-же потребуютъ, въ тѣ мѣстности.

— Развѣ туда?—удивленно спросилъ Михайло.

— А какъ-же?.. Изъ пропасти подъ Давидовымъ домомъ сѣрный пламень забьетъ, по Асафатовой долинѣ огненыя рѣки потекутъ, трубы вострубятъ, мертвые воскреснутъ. Христосъ въ Золотыя Ворота въѣдетъ и начнетъ судить.

Богомолка помолчала.

— Намъ тамъ говорилъ отецъ Пароентій одинъ, святой жизни—сказала она, понизивъ голосъ.—Богомъ взысканный... Мы у него на исповѣди были. Строго исповѣдуетъ! „Все,—говоритъ,—говори, не утаи чего передъ Господомъ-Богомъ!..“ Ну, все ему и разсказываешь. Выслушаетъ, вздохнетъ. „Велики,—говоритъ,—грѣхи твои, поклонница Божія!..“ Ничего больше не скажетъ, уйдетъ въ алтарь—и плачетъ, плачетъ, навзрыдъ рыдаетъ; въ грудь себя бье-етъ!.. Такъ вотъ онъ намъ говорилъ: „рабы Божіе, поклонники и поклонницы! Жизнь ваша недолга, концы къ концамъ приходятъ!..“

— Видишь ты! — воскликнулъ Михайло, широко раскрывая глаза.

— Да-а... Не долго, значитъ, ждать будемъ. А тамъ ужъ каждый давай отвѣтъ, какъ слѣдуетъ: какъ жилъ? благочестиво-ли? Тамъ ужъ все раскроется.

Всѣ замолчали.

— Теперь говоримъ: „трудно жить“... Трудно? А то-ли еще тогда будетъ!—проговорила богомолка.

Михайло сокрушенно вздохнулъ.

Изъ-за тучъ выглянулъ мѣсяцъ. Степь тонула въ сумракѣ, только ковыль за дорогою бѣлѣлъ одинокими махрами и тихо, какъ живой, шевелился. На горизонтѣ дрожало зарево отъ доменныхъ печей завода, съ рудника доносился мѣрный стукъ подъемной машины.

ТОВАРИЩИ.

Уѣздная картинка.

Василій Михайловичъ сидѣлъ со стаканомъ чая у открытаго окна. Онъ спалъ послѣ обѣда и только что поднялся,—заспанный, хмурый. Спалъ онъ плохо: все время сквозь сонъ онъ напряженно и тоскливо думалъ о чемъ-то; теперь онъ забылъ, о чемъ думалъ, но на душѣ щемило, а въ головѣ неотвязно стояли два стиха, Богъ-вѣсть съ чего пришедшіе на память:

Еще работы въ жизни много,
Работы честной и святой...

Моросилъ дождь, на заросшей улицѣ чернѣла грязная дорога; березы противуположнаго сада смутно рисовались на сѣромъ, дождливомъ небѣ; гдѣ-то кричали галки.

Василій Михайловичъ задумчиво и неподвижно смотрѣлъ въ окно. Онъ думалъ о томъ, что уже цѣлыхъ два года прожилъ въ Слесарскѣ; эти два года пролетѣли страшно быстро, какъ одна недѣля, а между тѣмъ

воспоминанію не на чемъ остановиться: дни вяло тянулись за днями,—скучные, безсмысленные; опротивѣвшая служба, безконечныя прогулки по комнатѣ, выпивки и тупая тоска, изъ которой нѣтъ выхода, которая стала его обычнымъ состояніемъ... Неужели же такъ всю жизнь прожить? А между тѣмъ впереди ужъ ничего нѣтъ. Не нужно-бы яркихъ радостей, разнообразія, счастья; довольно было бы знать, что живешь для чего-нибудь, что хоть кому-нибудь нужны твое дѣло, твой трудъ...

Дождь за окномъ моросилъ безъ конца; вода съ однообразнымъ шумомъ лилась изъ жолоба въ подставленную кадушку; въ темнѣвшей комнатѣ мѣрно тикалъ маятникъ.

Съ улицы кто-то окликнулъ Василія Михайловича. Четверо мужчинъ въ бѣлыхъ фуражкахъ, съ раскрытыми зонтиками, перебирались наискосокъ черезъ дорогу къ его квартирѣ. Это были акцизники Зубаренко и Ивановъ, сослуживцы Василія Михайловича, врачъ Чуваевъ и Егоровъ, учитель прогимназіи. Ивановъ, высокій и толстый человѣкъ, размахивая палкою, перепрыгивалъ впереди черезъ лужи и кричалъ что-то Василію Михайловичу. Они шли къ нему.

Василій Михайловичъ стоялъ у окна и, сморщившись, смотрѣлъ на Иванова. Теперь ему вдругъ стала мила его печаль: онъ охотно остался бы съ нею одинъ.

Гости, стуча калошами, вошли въ прихожую.

— Что это, господа, какъ васъ рѣдко видно?—сказалъ Василій Михайловичъ, встрѣчая ихъ.

— Вопросъ теперь не объ этомъ,—лѣниво произнесъ докторъ Чуваевъ, отряхивая воду съ зонтика.—Вы лучше скажите: чаемъ насъ напоите? пиво поставите?

— Ну, разумѣется! — отвѣтилъ Василій Михайловичъ, переходя въ шутливо-грубоватый тонъ Чуваева. — Что я съ вашимъ братомъ безъ пива дѣлать буду?

Онъ пошелъ въ кухню распорядиться. Когда онъ вернулся въ залу, Ивановъ, смѣясь и быстро расхаживая по комнатѣ, разсказывалъ что-то; его широкое, добродушное лицо дышало весельемъ, но маленькіе глаза смотрѣли, по обыкновенію, жалко и растерянно.

Этотъ Ивановъ своею разговорчивостью спасалъ всѣхъ; Василій Михайловичъ не зналъ, что бы онъ безъ него сталъ дѣлать со своими гостями; да, впрочемъ, они бы и не пришли къ нему безъ Иванова. Съ тѣхъ поръ, какъ всѣ они, товарищи по университету, неожиданно встрѣтились въ Слесарскѣ въ роли скромныхъ чиновниковъ, между ними легло что-то неискреннее и натянутое.

Василій Михайловичъ молча сѣлъ къ окну.

— Нужно вамъ сказать, что эта дорога на Серебряные Пруды — очень живописная, — торопливо, словно боясь опоздать куда-то, разсказывалъ Ивановъ.—Налѣво Засѣка; справа, за рѣкой, Зыбинскія горы. . Одинъ только недостатокъ: уже лѣтъ пять по этой дорогѣ ни одинъ чортъ не ѣздилъ. Ну, вотъ я и счелъ нужнымъ восполнить этотъ недостатокъ,—прибавилъ онъ, громко разсмѣявшись и оглядывая слушателей своимъ растерян-

нымъ взглядомъ.—Зайцевъ такая масса,—просто удивительно! — продолжалъ онъ, обращаясь къ Василію Михайловичу.—И смѣлые какіе!..

— Да вотъ какъ,—лѣниво вмѣшался Чуваевъ, никогда не бывавшій въ описываемыхъ мѣстахъ: — идешь,—на краю дороги заяцъ; возьмешь его за уши, встряхнешь и опять пускаешь.

— Да, да, почти такъ!—засмѣялся Ивановъ.— Ѣдемъ мы съ хозяйкою верхомъ,—на дорогѣ два зайца. Она кричитъ на нихъ, чтобъ спугнуть съ дороги...

— А они оборачиваются: „убирайся къ чорту! Мы сами знаемъ, въ какое время намъ уходить!“— серьезно докончилъ Чуваевъ.

Учитель Егоровъ разсмѣялся частымъ, густымъ смѣхомъ.

— Эдакая дурища, чортъ знаетъ, что такое!—воскликнулъ онъ.—Чего она обезпокоилась? Раздавить, что ли, боялась зайцевъ? „Мы сами знаемъ, въ какое время намъ уходить“,—ей-Богу, славно!

Онъ сталъ закуривать папиросу, продолжая смѣяться про себя остротѣ Чуваева.

Въ подобныхъ разговорахъ пройдетъ весь вечеръ, Василій Михайловичъ зналъ это. Не молчать же, сойдясь вмѣстѣ; а больше имъ говорить не о чемъ. Взгляды у всѣхъ очень честные, симпатичные—и до мелочей одинаковые; заговори кто о чемъ-либо серьезномъ,—и его слова встрѣтятся скрытою улыбкою: вѣдь все, что

онъ скажетъ, давно уже прочитано всѣми въ такихъ-то и такихъ-то хорошихъ книжкахъ.

Кухарка внесла самоваръ и заварила чай. Всѣ пересѣли къ столу.

— А бой-баба эта хозяйка ваша,—небрежно сказалъ Чуваевъ, парѣзывая лимонъ.—Что она теперь, съ Почекаевымъ, что ли, въ связи?

— Д-да, кажется,—неохотно проговорилъ Ивановъ и замолчалъ.

— Развѣ?—съ удивленіемъ спросилъ Егоровъ, насторожившись.—Вотъ тутъ и говори! Почекаевъ,—эдакій, съ позволенія сказать, шишъ!

— А вы что думаете? Онъ большимъ успѣхомъ пользуется у женщинъ.

— Да вѣдь это положительно уродецъ какой-то: маленькій, на кривыхъ ножкахъ, лицо, какъ маска!

— Ну, тамъ каковъ ни на есть,—улыбнулся Чуваевъ,—а его и сама Авдотья Николаевна близко знаетъ, не то, что хозяйка его.

Василій Михайловичъ сидѣлъ у окна и молчалъ. Зубаренко, приземистый хохолъ въ темныхъ очкахъ, угрюмо нахмурившись, курилъ папиросу за папиросой и тоже молчалъ. Остальные гости пили чай и спокойно разговаривали, словно не замѣчая настроенія своего хозяина. Василій Михайловичъ пересѣлъ къ столу и принялъ участіе въ общемъ разговорѣ.

Чай отпили. Чуваевъ и Василій Михайловичъ раз-

спрашивали Егорова объ его товарищахъ-учителяхъ. Зубаренко и Ивановъ пересматривали на концѣ стола альбомъ; имъ попалась карточка Глѣба Успенскаго, и они молчали, задумчиво глядя на его страдающее, измученное лицо.

— Да вообще безъ винта тутъ не проживешь,—говорилъ Егоровъ.—Придешь къ кому-нибудь: „а слышали вы, вчера Петръ Петровичъ на большомъ шлемѣ сѣлъ безъ шести?“ Слушаешь, какъ остолопъ, и хлопаешь ушами. Ей-Богу, хорошо бы научиться: славно бы можно вечера проводить.

— Найдите учителя, я тоже поучусь,—сказалъ Чуваевъ.

— Да, поди-ка! Кого ни попросишь,—ну, говорятъ, это слишкомъ скучно!

— Въ семьѣ, въ школѣ намъ никто никогда не говорилъ о нашихъ обязанностяхъ,—донесся съ конца стола тихій, пришептывающій голосъ Зубаренка.—Не воруй, не лги, не обижай другихъ, не, не, не... Вотъ была мораль.

Всѣ насторожились и стали прислушиваться.

— Мы думали спокойно прожить съ этою моралью, какъ жили наши отцы. И вдругъ приходитъ книга и обращается къ намъ съ неслыханно-громаднымъ запросомъ: она требуетъ, чтобъ вся жизнь была однимъ сплошнымъ подвигомъ. Но гдѣ взять для этого силъ? Книга этихъ силъ дать не могла,—она ихъ предпола-

гала уже существующими... И вотъ результатъ: она только искалѣчила насъ и пустила гулять по свѣту съ „больною совѣстью"...

Всѣ молчали и внимательно слушали; и столько враждебной, пугливой недовѣрчивости было въ этомъ вниманіи! Какъ будто Зубаренко выдавалъ всѣмъ тайну, которую они старательно скрывали другъ отъ друга. Чуваевъ съ усмѣшкою почесалъ затылокъ.

— А что, Василій Михайловичъ, пиво поставите вы намъ сегодня?—громко спросилъ онъ.

Зубаренко покраснѣлъ и замолчалъ. Всѣ вдругъ какъ-то неестественно оживились. Василій Михайловичъ, жадно слушавшій Зубаренка, уныло поднялся и пошелъ распорядиться.

Подали пиво; Чуваевъ разлилъ его по стаканамъ. Заговорили о борьбѣ Бисмарка съ Вильгельмомъ, о выборахъ въ Англіи; но разговоръ шелъ вяло; собесѣдники избѣгали смотрѣть другъ другу въ глаза.

— Что, господа,—спѣть бы что-нибудь!—предложилъ Егоровъ.

— Все старыя, избитыя пѣсни,—надоѣли!—слабо запротестовалъ Ивановъ.

Чуваевъ потрепалъ его по плечу.

— Ничего, Петръ Сергѣевичъ! Вы въ нихъ каждый разъ на новый манеръ врете.

— Ужъ лучше спойте вы намъ для начала что-нибудь одинъ.

Чуваевъ всталъ и потянулся.

— Развѣ что для начала!—согласился онъ.—Что же вамъ спѣть?

— Спойте: „Такъ жизнь молодая“, — сказалъ Егоровъ.

Чуваевъ выпилъ стаканъ пива, прислонился къ стѣнѣ и откашлялся; помолчавъ немного, онъ запѣлъ:

Такъ жизнь молодая проходитъ безслѣдно,
А тамъ—тамъ ужъ близко конецъ;
И все, какъ посмотришь, такъ пусто, такъ блѣдно!..

Какъ будто совсѣмъ другой человѣкъ стоялъ теперь передъ Василіемъ Михайловичемъ: Чуваевъ выпрямился, брови его нахмурились, и въ нихъ легла скорбная складка; въ мягкомъ полусвѣтѣ, бросаемомъ абажуромъ лампы, его лицо смотрѣло сурово и необычно.

Чѣмъ вспомнить кипучую жизнь молодую,
Любовью ль холодной, любовью ль безстрастной?..

Всѣ молчали. Просто, безъ всякихъ усилій, пѣсня вдругъ съютила ихъ и сблизила; всѣ переживали одно и то же, и переживали вмѣстѣ, и хорошо всѣмъ было... А Чуваевъ пѣлъ,—и несдерживаемою тоскою зазвучалъ его голосъ при послѣднихъ словахъ пѣсни:

Застынь же ты, сердце, и съ жизнью ненастной!..

Нѣсколько времени царило молчаніе.

— Славно, ей-Богу, славно!—произнесъ, наконецъ, Егоровъ, проведя рукою по лбу.

— Ну, господа, теперь общее что-нибудь!—сказалъ оживившійся Василій Михайловичъ; ему вдругъ стали

милы его гости.—Андрей Ивановичъ, за ваше здоровье!—обратился онъ къ Чуваеву, съ любовью глядя на него.

Они чокнулись и выпили.

Пробки хлопали одна за другою. Исчезла прежняя неловкость, всѣ чувствовали себя свободно, пиво развязало голоса. Чуваевъ запѣвалъ, и остальные подхватывали. Пѣли: „Ой, въ лузи“, „Гой, ты, Днiпръ“, „Не осеннiй мелкiй дождичекъ“...

И Василiй Михайловичъ пѣлъ. Голова его слегка кружилась, все вокругъ приняло мягкiй, поэтическiй оттѣнокъ; на душѣ было грустно. Опять вспомнились ему два послѣднiе года,—бездѣятельные, позорные: сердце спало, мысль довольствовалась готовыми отвѣтами и ни разу не шевельнулась самостоятельно. И дальше то же будетъ. А между тѣмъ онъ учился, онъ когда-то думалъ, искалъ... И все это для того, чтобы здѣсь, гдѣ такъ нужны люди, только пьянствовать, сплетничать и жалѣть, что не у кого научиться играть въ карты.

Еще работы въ жизни много,
Работы честной и святой...

Было время, когда и онъ говорилъ это, и они всѣ. Тогда хорошо было жить, будущее было свѣтло, думалось, что не на пустяки даны силы...

А знакомыя пѣсни звучали въ ушахъ и будили воспоминанiя. И на остальныхъ всѣхъ пахнуло преж-

нимъ временемъ; лица были задумчивы и грустны. Не выдержалъ Василій Михайловичъ.

— Эхъ, господа!—воскликнулъ онъ прерывающимся голосомъ.—Давайте старую споемъ, хорошую:

Этихъ чудныхъ ночей
Ужъ немного осталось,
Золотыхъ юныхъ дней
Половина промчалась!..

Да, господа, не половина, а *всѣ* промчались!.. Все назади осталось,—и молодость, и вѣра, и идеалы...

— Ну, оставьте, Василій Михайловичъ!—усмѣхнулся вдругъ Чуваевъ.—Какіе тамъ идеалы! Пиво-то вотъ пейте: совсѣмъ выдохлось.

Василій Михайловичъ осѣкся и опустилъ голову надъ столомъ.

— Нѣтъ, что же?.. У насъ... идеалы...

— О, Господи! Ну, какіе у васъ „идеалы“?—спросилъ Чуваевъ съ такою улыбкою, что выдержалъ бы не только человѣкъ, много и крѣпко вѣрящій въ себя.

Василій Михайловичъ печально поднялся и сталъ ходить по комнатѣ. Остальные были тоже недовольны. Чуваевъ вмѣшался совсѣмъ некстати: пива было выпито достаточно, и теперь прежняя недовѣрчивость исчезла; всѣмъ хотѣлось раскрыть другъ передъ другомъ души, каяться въ чемъ-то, даже плакать, пожалуй.

— Нѣтъ, господа, что же? Неужто такъ-таки и не было у насъ ничего за душою?—сказалъ Егоровъ, сердито покосившись на Чуваева.

Чуваевъ злорадно усмѣхнулся.

— Было, Алексѣй Ивановичъ, — кто споритъ! Только ужъ давно быльемъ поросло... Чего же вспоминать? Всякій заранѣе знаетъ, что другой скажетъ: „Эхъ, господа,—было, а теперь нѣтъ... а могло бы быть“... И все-таки не будетъ... Старая это исторія, Алексѣй Ивановичъ, а наше пошехонское дѣло теперь— пиво пить.

Чуваевъ попалъ въ точку. Онъ въ двухъ словахъ исчерпалъ то, что собесѣдники его собирались выразить въ длинныхъ рѣчахъ, о чемъ готовы были плакать хоть и пьяными, но искренними слезами. И вотъ теперь эти накипѣвшія слезы и рѣчи уперлись, такъ сказать, въ пустое мѣсто.

Всѣ неловко молчали. Вѣтеръ ударилъ въ окна брызгами дождя, въ спальнѣ стукнула ставня... Василій Михайловичъ ходилъ по комнатѣ и поглядывалъ на своихъ замолкшихъ гостей. И вдругъ онъ почувствовалъ, какъ всѣ они несчастны и, главное, какъ *одиноко* несчастны, какъ тяжело имъ нести это одинокое горе. И что-то горячее шевельнулось у него въ сердцѣ, и ему захотѣлось сблизить ихъ всѣхъ, хотѣлось сказать: „Господа! Чуваевъ правъ,—все это такъ. Но для чего намъ обманывать другъ друга, для чего давить въ себѣ то, что рвется наружу? Посмотрите, какіе мы всѣ измученные, какъ темно и холодно на душѣ! Вѣдь искра была,—почему же она погасла, почему не разгорѣлась? Почему жить такъ тяжело?!..“

Но Василій Михайловичъ ничего не сказалъ: онъ видѣлъ, что теперь его слова ни въ комъ не нашли бы отголоска. Чуваевъ заставилъ всѣхъ очнуться, и каждый поспѣшилъ снова пугливо запереться въ себѣ. Всѣ были несчастны,—да; но никто изъ нихъ не *уважалъ* своего горя, да и не стоило оно уваженія... Вотъ это-то послѣднее съ особенною ясностью почувствовалъ теперь Василій Михайловичъ: да, горе ихъ—горе дряблое, бездѣятельное, ему нѣтъ оправданія; стыдиться его нужно, а не нести въ люди.

И онъ, и всѣ другіе были какъ-бы придавлены этимъ сознаніемъ. И еще болѣе чуждыми, еще болѣе далекими стали всѣ другъ другу...

— А что, господа, вѣдь пива-то нѣтъ больше,— сказалъ вдругъ Егоровъ.

— Какъ нѣтъ?—испуганно спросилъ Василій Михайловичъ. — Я велѣлъ Матренѣ полторы дюжины принести, а тутъ всего десять бутылокъ.

Онъ сталъ искать на окнѣ, подъ столомъ, вышелъ въ кухню и разбудилъ Матрену: оказалось, она не разслышала приказанія и принесла только десять бутылокъ; теперь идти было уже поздно.

— Чортъ знаетъ, что такое! хоть-бы дюжину, а то какія-то десять бутылокъ!—съ досадою сказалъ Василій Михайловичъ.—Ну, что-же, господа, давайте хоть такъ что-нибудь еще споемъ.

Но дѣло не клеилось. Всѣ опять замолчали. Это

не тихій ангелъ пролетѣлъ, а проползало что-то мутное, тяжелое, скверное... Въ окна смотрѣла темная ночь, дождь стучалъ по крышѣ, изъ кухни доносилось храпѣніе Матрены... Молча всѣ поднялись, молча стали расходиться.

— Пошехонцы ѣдутъ, цыцъ!—сердито ворчалъ Чуваевъ, пробираясь черезъ огромную лужу на дворѣ и отмахиваясь зонтикомъ отъ собакъ.

ПОРЫВЪ.

I.

Я помню, въ тотъ вечеръ мы долго не расходились. Дождь за окномъ лилъ не переставая, деревья шумѣли, журчала вода въ дождевыхъ трубахъ; гдѣ-то наверху, за стѣною, глухо и мѣрно капало. Все это сливалось въ смутный и однообразный шумъ, изъ-за котораго еще тише казалось въ нашей маленькой деревенской залѣ. Самоваръ уже убрали, и одинокая свѣча тускло освѣщала пустой столъ.

Мать сидѣла на диванѣ и тихо водила своею блѣдною, худою рукою по кудрявой головкѣ прижавшейся къ ней Шуры. Лиза съ другой стороны прижалась къ матери; я стоялъ у печки. Только старшая сестра, Катя, никогда не сидѣвшая безъ дѣла, и теперь, придвинувъ къ себѣ свѣчу, шила что-то на ручной машинѣ; мѣрный стукъ колеса одиноко раздавался въ залѣ, не мѣшаясь съ шумомъ дождя и скрипомъ деревьевъ за окномъ.

— Это теперь единственный исходъ,—грустно го-

ворила мать.— Наша Солнцевка съ каждымъ годомъ все меньше и меньше даетъ доходу; въ этомъ году намъ ужъ пришлось войти въ долги, чтобъ заплатить проценты въ банкъ и хоть какъ-нибудь свести концы съ концами. Дальше то-же самое будетъ,— только и оставалось папѣ, что поступить на должность: полторы тысячи въ годъ—большія деньги. Но вѣдь это въ Пожарскъ ѣхать, за двѣсти верстъ!.. Отпускъ Богъ-знаетъ, когда дадутъ,— живи тамъ одинъ-одинешененекъ... И какъ ему самому не хочется ѣхать! Вчера онъ говоритъ мнѣ: „уѣду я въ Пожарскъ,— когда я опять увижу мою Шурку?..“ Какъ онъ, право, всѣхъ васъ любитъ! Съ виду, кажется, такой холодный, а сколько въ немъ любви, заботы объ васъ!

— Мамочка, да зачѣмъ-же ѣхать папѣ?—быстро и какъ-то умоляюще сказала Лиза. — Ну, ты говоришь, что мало денегъ; такъ мы можемъ ѣсть черный хлѣбъ, а не бѣлый. Потомъ: зачѣмъ у насъ пирожное? Вѣдь можно и безъ пирожнаго очень хорошо... Всѣ эти деньги и можно бы копить, и тогда папѣ совсѣмъ не нужно ѣхать.

— Все это, голубушка, мало поможетъ. Вотъ теперь ты въ гимназію поступаешь, Митѣ черезъ три года ужъ ѣхать въ университетъ; а тамъ Шура подрастетъ. Вѣдь на все нужны деньги, деньги... Съ пирожнаго тутъ немного выгадаешь.

Она замолчала. Катя, склонившись надъ работой, медленно расправляла пальцами прошитую строчку.

— А когда онъ рѣшилъ ѣхать? — спросила она тихо.

— Въ слѣдующій четвергъ, должно быть, или въ пятницу... Да что это онъ тамъ, право, все у себя въ кабинетѣ сидитъ? Василій Алексѣевичъ, иди, голубчикъ, къ намъ!—повысила она голосъ.—Что это, въ самомъ дѣлѣ? И такъ всего недѣлька осталась, а ты тамъ все у себя сидишь за бумагами. Успѣешь еще!

Отецъ кашлянулъ, поднялся и, разминаясь, вошелъ въ залу. Сухощавое лицо его было устало, глаза, какъ всегда, смотрѣли сумрачно и озабоченно.

— Вѣдь ей-Богу, такъ и не увидишь тебя совсѣмъ. Посиди съ нами хоть немножко.

— Нужно было тамъ счеты свести за іюнь, — сказалъ отецъ, опускаясь въ кресло.—А дождь-то,—слышишь?—все идетъ и идетъ!.. Это ужъ третій день безъ перерыву. Совсѣмъ сопрѣетъ хлѣбъ въ полѣ.

— А что барометръ говоритъ?

— Э, что тамъ барометръ! — Отецъ безнадежно махнулъ рукою и сталъ закуривать сигару.—Ну, а ты что, козявка, смотришь?—ласково обратился онъ къ Шурѣ, тихо щекоча ее.

Шура поежилась и, удерживая его руку, переглянулась съ Лизой.

— Папа, а что я тебѣ скажу!

— Ну, что-жъ ты мнѣ скажешь?

— Я сказку знаю.

— Сказку?.. Разскажи, разскажи!

Шура съ значительною улыбкою снова взглянула на Лизу. Лиза слабо вспыхнула.

— Меня Лиза научила.

— Вотъ какъ? Ну, садись ко мнѣ на колѣни, разсказывай.

Шура взобралась на колѣни къ отцу, глубоко вздохнула, еще разъ переглянулась съ Лизой и, улыбаясь, поправила на себѣ передникъ.

— Ну, разъ были три дѣвочки... Маленькія. У двухъ дѣвочекъ была мама, а одна дѣвочка была... Какъ это?.. Знаешь, у ней не было мамы. Это называется, когда безъ мамы дѣвочка... это...

— Ну, сиротка,—подсказалъ отецъ.

— Да, сиротка. Ну, хорошо. Двѣ дѣвочки были нехорошія, а мама ихъ любила...

Шура разсказывала не торопясь, съ чуть замѣтною улыбкою на губахъ. Лиза зато сильно волновалась; она не спускала съ Шуры пристальнаго взгляда и каждую минуту готова была придти къ ней на помощь. Но у Шуры дѣло шло хорошо.

Отецъ съ тихою улыбкою слушалъ ее, играя ключикомъ отъ часовъ.

— Ну, она танцовала, танцовала, — и нечаянно потеряла туфельку,—разсказывала Шура.—Царь посмотрѣлъ, —чья это туфелька? А Машечка взяла и поскорѣй уѣхала домой...

— Шура! Сандрильона!—быстро подсказала Лиза.

— Санди... лё...

Шура помолчала.

— Лиза, можно, я лучше „Машечка“ буду говорить?—спросила она недовольнымъ голосомъ.— А то такъ трудно,—„Сирдилё“!

— Говори, душечка, какъ хочешь, это все равно,—поддержалъ ее отецъ.—Ну?

— Ну, царь взялъ туфельку, посмотрѣлъ... А туфелька была така-я хорошая! Царь взялъ и говоритъ: ту дѣвочку, которой какъ-разъ... эта дѣвочка моя мама будетъ...

— Жена, то-есть?—улыбнулся отецъ.

— Да, да, жена!—подхватила Шура.-- Ну, тогда солдаты по-ошли, по-ошли... Взяли одну дѣвочку,—знаешь, ту, злую?—а ей пальчикъ не какъ-разъ.. Мама ей тихонько сказала: отрѣжь себѣ пальчикъ! Ну, хорошо. Царь пріѣхалъ, посмотрѣлъ,—туфелька какъ-разъ. Вдру-угъ...

Торжествующая улыбка озарила лицо Шуры, глаза ея насмѣшливо съузились.

— Вдругъ голубочки летятъ! Летятъ, летятъ, крыльями махаютъ... Всѣ испугались: что такое? А они летятъ и поютъ:

«Царь, царь, посмотри:
Кровь течетъ на пальчикѣ!»

Царь посмотрѣлъ,—да!.. А-а, вотъ какъ! Ну, пшолъ вонъ!..

Мы расхохотались. Шура удивленно замолчала и съ нерѣшительною полуулыбкою оглядѣла насъ: она этого смѣха не ждала и не знала, относится-ли онъ къ содержанію ея разсказа или къ ней самой. Но это тянулось не долго; она также расхохоталась и припала къ матери, пряча раскраснѣвшееся лицо на ея груди.

— Ахъ ты, Шурка, Шурка!—хохоталъ отецъ.—Ну, иди сюда, дай себя поцѣловать... „Пшолъ вонъ“!—туда и дорога, ха-ха-ха!..

Вдругъ въ окно передней раздался снаружи рѣзкій, отчаянный ударъ; стекла такъ и зазвенѣли въ рамахъ. Всѣ замолчали и переглянулись. Ударъ повторился,—разъ, другой, третій, все чаще и сильнѣе.

II.

— Что такое?—въ недоумѣніи сказалъ отецъ, поднимаясь.

Мы всѣ тоже поднялись и вышли въ переднюю. Я раскрылъ окно. Влажный, холодный вѣтеръ ворвался въ комнату. Въ черномъ mракѣ двора не было ничего видно.

— Кто тамъ?—крикнулъ я.

— Я, баринъ, Алешка съ мельницы! — раздался подъ окномъ испуганный голосъ.—Впусти поскорѣй, стараго барина мнѣ повидать!

Катя отперла дверь. Въ комнату вошелъ рябой, при-

земистый парень въ неуклюжихъ сапогахъ и большой, надвинутой на уши шапкѣ. Онъ былъ блѣденъ, какъ мѣлъ, широко раскрытые глаза блестѣли, зубы выстукивали мелкую дробь. Съ его промокшаго кафтана вода ручьями сбѣгала на полъ.

— Помоги, баринъ! — лихорадочно заговорилъ Алешка, стаскивая съ головы шапку.—Тонемъ!

— Какъ тонемъ?! Въ чемъ дѣло?

— Хлещетъ вода черезъ плотину,—удержу нѣтъ! Городище все залило, подъ самую мельницу подходитъ, гляди, сейчасъ амбаръ снесетъ. Ребятки малые въ избѣ остались, скотинка вся... Меня ужъ батька къ тебѣ послалъ, нельзя ли ребятъ вашихъ на подмогу. Не въ моготу однимъ: смерть пришла!

— Господи ты мой Боже!—въ ужасѣ воскликнула мать, кладя на себя широкій крестъ. Сестры всѣ были блѣдны не хуже Алешки.

Отецъ кашлянулъ и нахмурился, что̀ всегда бывало, когда онъ волновался.

— Да съ чего это все?—спросилъ онъ.—Щиты-то вы на плотинѣ подняли?

— То-то, что нѣтъ! Да кто жъ ихъ зналъ? Полегоньку прибывала вода,—думали, всегда спустить спѣемъ: что ее понапрасну передъ помоломъ спускать? А тутъ вдругъ какъ хлынуло,—такъ хлынуло, такъ хлынуло, сразу, Господи помилуй! На три четверти!.. Ни тебѣ щитовъ поднять, ни тебѣ воду спустить... Должно, верхнюю мельницу снесло, богучаровскую.

— Ступай же, Митя, разбуди скорѣй работниковъ,—обратилась ко мнѣ мать.—Боже ты мой, Боже! Вотъ несчастье-то!

— Да скажи, чтобъ багровъ захватили и веревокъ,—добавилъ отецъ.

— Ты имъ, баринъ, на лошадяхъ прикажи ѣхать,—сказалъ Алешка.—Пѣшкомъ теперь не проберешься черезъ Городище.

Я поспѣшилъ вонъ. Ночь была непроглядно-темна. Садъ шумѣлъ глухо и зловѣще, дождь бѣшено сѣкъ желѣзныя крыши построекъ. Вѣтеръ тяжелымъ, шумнымъ дыханіемъ проносился въ воздухѣ. Я весь дрожалъ мелкою, нервическою дрожью: тамъ, въ этомъ холодномъ, бурномъ мракѣ, крылись стоны, гибель, смерть...

Я вбѣжалъ въ сарай, гдѣ спали работники, ощупью нашелъ койку моего пріятеля Герасима и сталъ его будить. Онъ спалъ, какъ убитый, и мнѣ съ трудомъ удалось его растолкать; долго не могъ онъ понять, чего мнѣ нужно.

— Да вставай же, Герасимъ!—торопилъ я его.—Наводненіе на мельницѣ,—поскорѣй!

— На-во-дне-ніе? — протянулъ Герасимъ позѣвывая.

Онъ сѣлъ на доскахъ и обѣими горстями сталъ скрести голову.

— Поскорѣй, Герасимъ! А то тамъ всѣ потонутъ, пока вы соберетесь!

— Небось не потонутъ... Эй, ребята! вставай!.. Семенычъ!..

Въ углахъ заворочались.

— Чего тамъ? — глухо отозвался Власъ, рабочій староста.

— На мельницу ѣхать!.. Вставай, эй!..

— На мельницу?—сонно пролепеталъ Власъ.

— Да ну, вставайте! Черти!!. Завалились!

Герасимъ спрыгнулъ на полъ. Въ углахъ заворочались сильнѣй.

— На какý-такý мельницу? — угрюмо спросилъ кто-то въ темнотѣ.

— Да вставайте же, наконецъ! — съ отчаяніемъ воскликнулъ я.— Наводненіе на мельницѣ... Поскорѣй! Богучаровскую мельницу ужъ снесло, все Городище залило...

Работники стали подниматься.

Я сказалъ Власу о баграхъ и телѣгахъ и поспѣшилъ домой, къ себѣ наверхъ. Въ темнотѣ я отыскалъ и надѣлъ большіе сапоги, пальто, но фуражки не было. Я вспомнилъ, что она лежитъ въ залѣ на окнѣ.

— Куда это ты, Митя?—спросила мать, когда я вбѣжалъ въ залу и схватилъ фуражку. Въ комнатѣ, кромѣ матери, были старшая сестра и Шура, обѣ блѣдныя и растерянныя.

— На мельницу съ работниками,—торопливо отвѣтилъ я.

— Это еще что тебѣ вздумалось!—воскликнула мать.—Утонуть, что-ли, тебѣ хочется, или простудиться? Нѣтъ, голубчикъ, вздоръ! И не думай!

Я остановился.

— Ну, мамочка, позволь мнѣ ѣхать!—сказалъ я упавшимъ голосомъ.—Вѣдь вотъ работниковъ же ты посылаешь!

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, и не думай! Работники—совсѣмъ другое дѣло.

— Я лучше всѣхъ ихъ плаваю, а съ Герасимомъ мы вчера, когда боролись...

— Нѣтъ, оставь это, пожалуйста! Нельзя—и нельзя. Объ этомъ нечего и говорить.

— О чемъ это? Въ чемъ дѣло?—спросилъ вошедшій въ залу отецъ.

— Да пустяки: Митя хочетъ ѣхать на мельницу.

Отецъ нахмурился.

— Что тебѣ тамъ понадобилось? Оставь, братъ, это, сдѣлай милость! И безъ тебя тамъ все прекрасно обойдется. Ступай-ка лучше спать: ужъ давно первый часъ... Спать, спать, дѣтки! Пора!—обратился онъ къ сестрамъ.—И ты, клопенокъ, еще не спишь? Ахъ, ты, козявка! Сію минуту всѣмъ въ постель! Маршъ! Разъ, два, три!

Веселый тонъ отца ободрилъ сестеръ. Онѣ простились и ушли. Отецъ съ матерью отправились въ кабинетъ. Я постоялъ въ опустѣвшей залѣ и побрелъ къ себѣ.

Въ полутемной передней, у окна, слабо рисовалась чья-то небольшая тѣнь; я вглядѣлся: это была Лиза. Она лихорадочно грызла ногти, слѣдя за мною нахмуренными, блестящими глазами. Я встрѣтился съ нею взглядомъ и почему-то остановился.

— Ми-тя!—протянула она, серьезно глядя на меня.

— Что?—прошепталъ я чуть слышно.

— Митя, ты... поѣдешь туда?

— Вѣдь ты слышала, папа не позволилъ,—угрюмо отвѣтилъ я.

— Я не знаю... Я бы...—Лиза испуганно оглянулась.

Странная злоба вдругъ охватила меня.

— Что бы ты?!—закричалъ я задыхаясь.—Чего ты тутъ стоишь? Скоро часъ, давно пора спать? Вотъ я папѣ скажу, что ты тутъ... по ночамъ...

Я не договорилъ и поспѣшно вышелъ вонъ, хлопнувъ дверью

III.

Когда я поднялся къ себѣ наверхъ, сердце мое билось, колѣни дрожали и подгибались. Я постоялъ среди комнаты, подошелъ къ окну и раскрылъ его. Ворвавшійся вѣтеръ обдалъ меня мелкими брызгами; небо было такъ черно, что на немъ не видно было даже слабыхъ очертаній шумѣвшихъ передъ окномъ деревьевъ. Я высунулся изъ окна и сталъ смотрѣть влѣво, на дворъ.

Въ темнотѣ двигались тусклые огни трехъ-четырехъ фонарей; колеблющійся свѣтъ падалъ то на морду лошади, то на задокъ телѣги, то на сумрачную фигуру работника. Съ воемъ вѣтра мѣшались грубые, заспанные голоса людей и напряженное лошадиное ржаніе. Я смотрѣлъ, весь дрожа порывистою дрожью.

Работники снаряжались быстро. Телѣги были запряжены, огни фонарей замелькали быстрѣе, раздались понуканья и стукъ колесъ, и черезъ минуту все,—фонари, люди, лошади,—исчезло въ темнотѣ. Сердце мое упало; я вдругъ пересталъ дрожать и совершенно обезсиленный, съ какимъ-то сквернымъ чувствомъ на душѣ, отошелъ отъ окна.

Раскрылъ книгу, попробовалъ читать; книга была хорошая, я ею всегда восхищался,—и такою теперь безцвѣтною, такою жалкою нелѣпицею показалась она мнѣ! Я закрылъ ее и снова высунулся изъ окна.

Дождь все лилъ и лилъ; деревья клонились отъ вѣтра и глухо стонали. Я сталъ внимательно вслушиваться; въ шумѣ непогоды мнѣ чудились далекіе отчаянные вопли, какой-то трескъ и гулъ.

На дворѣ послышался быстрый, хляпающій по грязи топотъ скачущей лошади.

— Микола-ай!—прокричалъ торопливый голосъ.—Подь-ка у Степанъ-Степаныча весла спроси: лодку требуютъ!

У меня ёкнуло сердце: то кричалъ Герасимъ. Я какъ-

будто обрадовался его возвращенію, но прежняя дрожь охватила меня съ новой силой.

На дворѣ снова замелькалъ фонарь; вскорѣ послышался говоръ: Герасимъ спорилъ о чемъ-то съ дворникомъ Николаемъ.

— Ишь, ч-чортъ косоногій!—донесся до меня озлобленный голосъ Герасима.—Да одинъ съ нею не справишься! Въ эдакую-то пору!.. Я и веселъ въ руки никогда не бралъ!

Словно что толкнуло меня. Торопясь и замирая, я надѣлъ пальто, фуражку, и полѣзъ изъ окна. Цѣпляясь руками и ногами за склизкія планки, я спустился внизъ и спрыгнулъ въ росшіе подъ окномъ кусты сирени.

Дрожь быстрою, щекотною зыбью бѣгала у меня по спинѣ и плечамъ; въ груди накипало что-то и захватывало духъ, руки крѣпко сжимались въ кулаки. Я подошелъ къ спорившимъ.

— О чемъ вы?—спросилъ я Герасима.

— Чортъ косоногій, право!—повторилъ Герасимъ, взглянувъ на меня, и, не отвѣчая на вопросъ, снова обратился къ Николаю.—Слышь, пойдемъ, что-ли! Бобисси!.. Нешто одинъ съ нею справишься?

— Сказано тебѣ: барыня отъ двора отлучаться не приказала,—огрызался Николай.

— „Барыня не приказала“!—злобно передразнилъ Герасимъ.—Лѣшій эдакій, бонсси, въ конуру запрятался!

Что-то вдругъ сдавило мнѣ горло; чувство восторга и беззавѣтной удали охватило меня.

— Э, плюнь ты на него! — крикнулъ я. — Гераська, идемъ со мной!

— О-о? — радостно отозвался Герасимъ. — Вотъ такъ баринъ! Пойдемъ!

Онъ взвалилъ весла на плечи, и мы поспѣшили въ садъ.

IV.

Шлепая по лужамъ, мы пробѣжали густую липовую аллею, обдававшую насъ сверху холодными брызгами, перелѣзли черезъ плетень и по крутой, скользкой тропинкѣ спустились къ рѣкѣ.

Вода сажени на двѣ выступила за обычную линію берега. Далеко въ видѣ черной, уродливой массы выдѣлялась купальня, сильно накренившаяся на-бокъ и въ половину залитая водой.

— Эге!.. Мостки-то снесло! — сказалъ Герасимъ, останавливаясь. — Купальню-то какъ свернуло! Теперь и не доберешься до лодки.

Онъ бережно сложилъ весла на землю и почесалъ затылокъ.

Я торопливо раздѣлся и съ разбѣгу бросился въ холодную, черную воду; не разсчитавъ глубины, я больно ударился колѣнками о дно, — поскорѣй вынырнулъ и поплылъ къ лодкѣ. Въ первую секунду мнѣ показалось

въ водѣ очень холодно, потомъ все мое тѣло разгорѣлось, словно охваченное кипяткомъ. Я влѣзъ въ лодку, отвязалъ ее отъ купальни и, работая руками, какъ веслами, медленно подогналъ ее къ берегу.

Между тѣмъ вѣтеръ, прежде рѣзкій и порывистый, перемѣнилъ направленіе и подулъ ровнымъ, влажнымъ холодкомъ; окладныя тучи разорвались, кое-гдѣ слабо замигали звѣзды; на востокѣ чуть сѣрѣла свѣтлая полоска. Пока я одѣвался, Герасимъ вложилъ весла въ уключины. Черезъ минуту я также былъ въ лодкѣ, налегъ на весла и въ три взмаха вывелъ ее на середину рѣки.

Лодка плавно понеслась по теченію. Медленно отошелъ назадъ темный садъ, съ тихимъ ропотомъ отряхивавшійся отъ дождевыхъ капель; огонекъ мелькнулъ сквозь вѣтви и исчезъ. Тьма непроглядная налегла на лодку со всѣхъ сторонъ; торчавшія изъ воды верхушки молодыхъ лозинокъ, еле видныя, одпѣ намѣчали русло рѣки, широко разлившейся по лугу.

Герасимъ неподвижно сидѣлъ на кормѣ, понуривъ голову и держась обѣими руками за борты лодки; онъ не привыкъ къ водѣ и, видимо, чувствовалъ себя неловко въ этой лодкѣ, быстро мчавшейся по теченію въ глубокомъ мракѣ. А у меня грудь дрожала отъ какого-то страннаго ощущенія: мнѣ никогда еще не было такъ безумно-весело. И силу я въ себѣ чувствовалъ такую, какъ никогда: весла гнулись и трещали подъ моими руками, лодка неслась впередъ, какъ ласточка.

*

— А Городище какъ залило, страсть! —заговорилъ Герасимъ.—Подъѣхали мы,—лошади нейдутъ, назадъ ворочаются. Ребята по тайдаковской дорогѣ въ объѣздъ поѣхали, на березовую рощу... Можетъ, какъ разъ съ ними въ одно время поспѣемъ,—прибавилъ онъ, помолчавъ.

Изъ темной дали все явственнѣй сталъ доноситься гулъ бѣжавшей черезъ плотину воды. Герасимъ встрепенулся и тряхнулъ головою.

— Ишь, какъ хлещетъ! – съ улыбкой сказалъ онъ, прислушиваясь.—Вотъ погоди, нанесетъ насъ на плотину, тогда держись: не спросится у тебя, такъ прямо въ бучило и хахнетъ!

Я усмѣхнулся, продолжая работать веслами.

— А въ бучилѣ-то шутъ сидитъ, дожидается,—продолжалъ пугать меня Герасимъ. — Какъ схватитъ за ноги, —ге-ге!.. Тогда, братъ, посмѣешься!

Мнѣ было странно,—неужели Герасимъ думаетъ, что мнѣ хоть немного страшно! Я, напротивъ, жалѣлъ, что кругомъ такъ мало опасности; меня тянуло бѣшено разогнать лодку и пустить ее прямо на плотину.

— Держи, баринъ, держи лѣвѣй!—вдругъ испуганно крикнулъ Герасимъ.

Мы неслись прямо на выступъ, образовавшійся въ этомъ мѣстѣ отъ крутого поворота рѣки. Я небрежно оглянулся и быстро проскользнулъ съ лодкою мимо самаго выступа, такъ что правое весло вылетѣло изъ уклю-

чины и всю лодку сильно встряхнуло. Шумъ падающей воды раздался неожиданно почти подъ самымъ носомъ лодки, хотя до плотины оставалось еще съ четверть версты. Далеко въ темнотѣ, на склонѣ рощи, мелькали блестящія точки фонарей, приближавшіяся къ плотинѣ. У мельницы также бѣгали огоньки и слышался заунывный женскій вой, покрываемый гуломъ воды.

— Вонъ они и ребята подошли!—сказалъ Герасимъ, вглядываясь впередъ.—Эге! Избу-то ужъ снесло!

Мы были недалеко отъ мельницы. Вода дѣйствительно снесла правую мельничную избу, стоявшую у самаго берега, и ударялась объ уцѣлѣвшую еще людскую, достигая мягкими, извилистыми волнами ея оконъ. Лодка подъ самой мельницей выбилась изъ теченія и очутилась въ сравнительно тихой заводи, образовавшейся вокругъ мельницы.

V.

Работники только что подъѣхали и, тихо переговариваясь, слѣзали съ телѣгъ. Къ нимъ навстрѣчу бросился мельникъ; онъ былъ босикомъ, въ рубахѣ, насквозь промокшей и неровно липнувшей къ его жирному тѣлу; волосы безпорядочными, мокрыми космами падали на обезумѣвшее отъ отчаянія лицо.

— Гляньте-ка, братцы, гляньте!—плакалъ онъ.—Все какъ-есть залило,—ничего не осталось!.. Изба-то, глядите вонъ, — нѣтъ ея! Все снесло... Голубчики вы мои! Помирать пора пришла!

Онъ суетился вокругъ работниковъ и дрожащими руками указывалъ на мельницу.

— Ребятокъ-то спасли-ли? — сурово спросилъ Власъ, снимая сермяжный халатъ.

— Слава те Господи, повытаскали ребятъ! А добро все тамъ осталось... И скотина вся тамъ, и сундукъ женинъ, — семьдесятъ, братцы, цѣлковыхъ въ немъ!.. Хрякъ вотъ въ сѣнцахъ остался, слышь, визжитъ!

Работники нерѣшительно толклись вокругъ телѣгъ, распутывая веревки. Вдругъ одинъ изъ нихъ, Аѳиногенъ,—высокій, рябой мужикъ съ надменнымъ и презрительнымъ лицомъ, — встрепенулся и бросилъ въ телѣгу веревку, которую только что распуталъ.

— Ну, ну, ребята, пошевеливайся! — крикнулъ онъ.—Берись за багры, чего стоишь?.. Да вонъ, никакъ, и Гараська съ лодкой!

Мы въѣхали въ кругъ свѣта и подплыли къ работникамъ.

— Эге, и баринъ тоже тутъ, — молодчага!—небрежно кинулъ Аѳиногенъ, скользнувъ по мнѣ взглядомъ.

Я улыбнулся гордою, радостною улыбкою, но улыбка эта закончилась неловкимъ смѣшкомъ, когда я разобралъ тонъ Аѳиногеновыхъ словъ и замѣтилъ его взглядъ. Аѳиногенъ прыгнулъ въ лодку.

— Садись, Иванычъ, съ нами! — крикнулъ онъ мельнику.—Показывай, гдѣ сундукъ.

— Въ избѣ, братцы, въ избѣ подъ хорами стоитъ; самъ изъ горницы перенесъ.

Иванычъ торопливо усѣлся въ лодку, на самую корму.

— Ну, баринъ, везите къ избѣ! — скомандовалъ Аѳиногенъ.

Я взялся за весла.

— Смотри, ребята, — робко произнесъ одинъ изъ оставшихся работниковъ; — трещитъ плотина-то: прорветъ, — и лодку унесетъ, и васъ всѣхъ.

— Ты-то чего боишься? Не тебя вѣдь унесетъ! — засмѣялся я, бросивъ взглядъ на Аѳиногена.

— Прихвати на случай веревкой за кольцо, да придержи конецъ, — сказалъ Аѳиногенъ.

Веревка была привязана къ носу. Я налегъ на весла и ударовъ въ пятнадцать подъѣхалъ къ людской. Аѳиногенъ съ Иванычемъ и Герасимомъ бросились въ избу. Я остался ждать въ лодкѣ.

Огни фонарей ложились на воду тусклыми, дробящимися полосами; черная группа работниковъ по ту сторону заводи стояла недвижно и молча. Небо совсѣмъ очистилось; на востокѣ становилось все свѣтлѣй; изъ-за угла людской несся непрерывный, зловѣщій гулъ бившей черезъ плотину воды; лодка подо мною мѣрно качалась вверхъ и внизъ, изрѣдка стукаясь о стѣну избы.

Вдругъ гдѣ-то, — я не успѣлъ сообразить, гдѣ, — что-то глухо затрещало, и потомъ тяжело, раскатисто

охнуло. Въ ту же минуту я почувствовалъ, что меня съ лодкою куда-то потянуло...

— Хо-о-оо!!. Держи, держи!!.--услышалъ я отчаянный крикъ.

Лодка какъ-то странно запрыгала и вдругъ сильно тряхнула меня; я инстинктивно впился руками въ перекладину, передъ глазами мелькнуло сѣрое небо,— и все вокругъ меня завертѣлось съ оглушительнымъ ревомъ. Огромный потокъ, какъ мнѣ казалось, подхватилъ меня и съ стремительною силою помчалъ куда-то въ бездну. Я захлебывался...

Вдругъ я почувствовалъ, что лежу на чемъ-то мягкомъ и склизкомъ; земля подо мною дрожала отъ страшнаго гула. Я вскочилъ на ноги. Кругомъ воды ужъ не было; ко мнѣ подбѣгали работники; рядомъ въ грязи валялась лодка.

— Ну, что, баринъ? живъ? не унесло?—сыпались на меня вопросы.

Я молча взглянулъ на рѣку. Напоръ воды опрокинулъ болѣе половины плотины, сорвавъ по пути мельничныя колеса и сильно покачнувъ свайный амбаръ. Далеко за плотиною, крутясь въ огромныхъ клубахъ желтой пѣны, выплывали обломки бревенъ, хворосту и колесъ. Вода бѣшено неслась черезъ пробитое отверстіе.

— И какъ это баринъ нашъ въ бучило не уплылъ!— изумлялся маленькій, пухлый Ѳедосѣй, любовно глядя

на меня. — Вижу я, братцы мои, прорвало плотину,— ну, думаю, погибай нашъ баринъ! Мѣсто глыбкое,—и не найдешь потомъ. Держу я конецъ, а самъ думаю: лодку, дескать, спасемъ, а барина нашего и не доищемся. Анъ вотъ-онъ онъ! цѣлехонекъ!

— Долго ли до грѣха!—вздохнулъ Власъ.—Такъ бы и пропалъ паренекъ... О, Господи-Батюшка!

— Ну, что объ этомъ разговаривать!—сказалъ я, тряхнувъ головою и засмѣявшись.—Не унесло, цѣлъ,— чего еще? Что такъ стоять? Пора и за работу.

Въ это время мнѣ бросилось въ глаза лицо Аѳиногена; онъ смотрѣлъ на меня съ легкою, едва замѣтною улыбкою подъ рѣдкими усами; съ такой улыбкой смотрѣлъ бы человѣкъ на своего спасеннаго младшаго брата. Аѳиногенъ подошелъ ко мнѣ.

— Ну, баринъ, вы теперь домой ступайте,—сказалъ онъ.—Ишь, промокли какъ: сухой нитки нѣтъ. Холодно; да и папаша разсердятся: небось, не спросясь ушли?

— Пускай разсердится!—радостно улыбнулся я.— Да мнѣ и не холодно вовсе.

Но это была неправда: я весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ; промокшее пальто коробомъ сидѣло на плечахъ; рубашка непріятно липла къ тѣлу.

Аѳиногенъ и Власъ совѣтовались съ Иванычемъ, что теперь дѣлать. Одни работники слушали ихъ, вставляя свои замѣчанія, другіе смотрѣли на рѣку, быстро гнав-

шую мутно-желтую воду сквозь узкій проходъ полуразрушенной плотины. Кондратьевна, жена Иваныча, молча сидѣла на заваленкѣ, апатично слѣдя за мужемъ красными, опухшими отъ слезъ глазами.

Было ужъ совсѣмъ свѣтло. Заря разгоралась все ярче, съ востока дулъ холодный утренній вѣтерокъ. Я постоялъ на мѣстѣ, окинулъ всѣхъ взглядомъ и побрелъ домой.

Въ окольномъ пути теперь не было надобности: схлынувшая вода очистила Городище,—лугъ, лежавшій между мельницей и нашей усадьбой; я прошелъ его и сталъ подниматься по дорогѣ въ гору. На полпути я оглянулся. Косые лучи утренняго солнца заливали всю ширь зеленаго Городища, весело играя по лужамъ и мокрой, блестящей отавѣ луга. Въ березовой рощѣ, за лугомъ, протяжно стонали иволги; жаворонки заливались въ синемъ небѣ.

Вокругъ мельницы кипѣла дружная, горячая работа. Аѳиногенъ и Герасимъ какимъ-то непостижимымъ образомъ пробрались въ свайный амбаръ, въ который всею своею силою билъ прорвавшійся потокъ. Ужъ нѣсколько разъ, какъ показалось мнѣ, замѣтно дрогнуло крѣпкое бревенчатое зданіе, а въ слуховое окно все еще вылетали мучные кули и, описавъ дугу надъ потокомъ, ударялись въ берегъ, испуская клубы бѣлой пыли. Остальные работники, съ Власомъ и Иванычемъ во главѣ, перебрались на ту сторону рѣки и старались поднять щиты, чтобъ спасти уцѣлѣвшую часть плотины.

Мнѣ стало грустно и стыдно, что я ухожу, меня потянуло назадъ. Но ужъ было поздно: дома могли меня хватиться. Я пошелъ дальше.

Съ горы навстрѣчу мнѣ бѣжала какая-то низенькая, толстая фигура человѣка въ темной одеждѣ.

— Кто бы это могъ быть? — съ безпокойствомъ подумалъ я, слѣдя за неуклюже-быстрыми движеніями странной фигуры. Она все приближалась. Я вздрогнулъ: то была мать...

Рѣдкіе волосы ея выбились изъ-подъ платка и мокрыми прядями стлались по лицу; пальто было мокро и забрызгано грязью, лицо измучено долгою тревогою. Я въ смущеніи отступилъ назадъ и остановился. А она бѣжала, скользя по грязи, черезъ лужи и промоины, устремивъ на меня сіявшіе отъ слезъ глаза.

Въ два прыжка я очутился передъ матерью и подхватилъ ее на руки. Она страстно прижала меня къ груди и осыпала безумными поцѣлуями.

— Ну, слава, слава Богу! —проговорила она наконецъ, отрываясь, и начала креститься, въ глубокомъ экстазѣ поднявъ глаза къ небу. Изъ этихъ глазъ обильною струею текли слезы.

VI.

На слѣдующій день я проснулся поздно.

Въ комнатѣ стоялъ золотистый сумракъ отъ лучей, кой-гдѣ пробившихся сквозь занавѣски; муха со звономъ

билась о стекло. Въ домѣ было тихо; отъ людской доносился мѣрный лязгъ отбиваемыхъ косъ.

Я вскочилъ съ постели бодрый, выспавшійся, и быстро сталъ одѣваться. Первыя двѣ-три минуты я почти не вспоминалъ о вчерашнемъ; на душѣ было почему-то такъ хорошо и легко, чувство это такъ нераздѣльно владѣло мною, что воспоминанія проносились въ головѣ, почти не схватываемыя сознаніемъ. Лишь во время умыванія я вдругъ вспомнилъ о происшедшемъ наканунѣ и немножко смутился. Конечно, мать никому ничего не сказала бы; но знала о моемъ ночномъ путешествіи не она одна; ей самой сообщила о немъ экономка Липатьевна, съ которою мать и бросилась меня искать. А у Липатьевны языкъ былъ очень длинный... Смущеніе мое, впрочемъ, длилось недолго, и внизъ я спустился въ томъ же свѣтломъ, безотчетно-веселомъ настроеніи.

Чай уже отпили. Передъ потухавшимъ самоваромъ въ ожиданіи меня сидѣла Катя и вязала что-то крючкомъ. Она встрѣтила меня долгимъ, серьезнымъ взглядомъ и молча опустила глаза на вязаніе.

Я спросилъ ее, что теперь дѣлается на мельницѣ. Она неохотно отвѣтила и стала наливать мнѣ чай. Вдругъ изъ сосѣдней комнаты, гдѣ была спальня матери, раздался протяжный стонъ.

Я въ смущеніи прислушался и взглянулъ на сестру; она молча продолжала вязать, только губы ея на минуту страдальчески сжались.

— Катя, что это?—спросилъ я.

— У мамы ревматизмъ,—тихо отвѣтила она.

У меня непріятно сжалось сердце. Катя сидѣла, склонившись грустно-сосредоточеннымъ лицомъ надъ вязаніемъ.

— Никогда еще такого сильнаго не было,—прибавила она, не поднимая глазъ.—Мама *плакала*.

Значить, страданія дѣйствительно были изъ ряду выходящими: мы знали слезы матери лишь о насъ.

Изъ спальни вышелъ отецъ,—нахмуренный, разстроенный, и, холодно скользнувъ по мнѣ взглядомъ, прошелъ къ себѣ. Я всталъ и медленно поплелся въ комнату матери.

Она сидѣла, вся укутанная, въ креслѣ, съ стыдливо-страдальческою улыбкою на закушенныхъ губахъ. Липатьевна, суетясь и вздыхая, оправляла ей сидѣніе. Пахло камфорою и хлороформомъ. У окна стояла Лиза и, косясь на мать, нервно грызла ногти. Мы встрѣтились съ нею глазами; она пугливо скользнула взглядомъ въ сторону и съежилась.

— Ну, что, голубчикъ, какъ ты себя чувствуешь?—спросила мать, крѣпко цѣлуя меня.

— Я?.. Ничего...—пролепеталъ я чуть слышно.

— Смотри, ничего ли? Можетъ быть... Оо-о!—вдругъ застонала она, крѣпко прикусивъ нижнюю губу.—Липатьевна, голубушка, подай мнѣ вонъ ту стклянку!—сказала она, передохнувъ.

Я постоялъ на мѣстѣ и, совершенно уничтоженный, вышелъ изъ комнаты.

Придя къ себѣ наверхъ, я сѣлъ къ столу и стиснулъ голову руками. Господи, что я надѣлалъ!

Вчерашній мой поступокъ представлялся мнѣ теперь недостойною мальчишескою выходкою,—выходкою возмутительной, неизвиняемой. Что мнѣ тамъ понадобилось? Я-то тамъ, все забывъ, возился съ лодкой, а въ это время... И передо мною вставало лицо матери, вчерашнее,—сіяющее восторженною любовью, сегодняшнее,—блѣдное, страдающее... И ни одного упрека, ни одной жалобы, ни даже намека!

На лѣстницѣ раздались быстрые шаги и отрывистое покашливанье. Я, какъ сидѣлъ, такъ и замеръ на мѣстѣ: это былъ отецъ.

Онъ вошелъ. Я всталъ, чтобы поздороваться съ нимъ. Но отецъ, какъ будто не замѣчая моего движенія, медленно прошелъ къ столу и сѣлъ въ кресло.

— Я, братъ, поговорить съ тобой хотѣлъ,—сказалъ онъ, немного задыхаясь, и, взявъ со стола карандашъ, сталъ вертѣть его въ рукахъ.—Правда, что ты сегодня ночью ѣздилъ на мельницу?

— Да,—чуть слышно отвѣтилъ я.

— Такъ это пра-вда?..—протянулъ онъ словно про себя.—А я, братъ, когда мнѣ разсказали, сначала вѣрить не хотѣлъ. Что-же, самостоятельные, значитъ, теперь люди, а?

Я молчалъ.

— Значитъ, что отецъ тамъ и мать запретили, до этого намъ дѣла нѣтъ? Я самъ себѣ теперь хозяинъ, а? такъ? Первый порывъ,—что тамъ о другомъ думать? Пускай тамъ мать въ грязи мокнетъ, пускай тамъ все... Намъ-то какое дѣло!

Онъ положилъ карандашъ и заходилъ по комнатѣ.

— Ну, полюбуйся теперь, послушай-поди, какъ мать отъ боли стонетъ... А мы зато мельникова поросенка отъ потопленія спасли!—горько усмѣхнулся онъ.

Я все молчалъ. Отецъ тоже замолчалъ, продолжая ходить по комнатѣ.

— То-есть чтобъ до того увлечься, чтобъ до того все забыть!—снова заговорилъ онъ, словно разсуждая самъ съ собою.—Хоть немножко, хоть немножко подумать о томъ, что дѣлаешь! Первый порывъ, какой-то сумашедшій, безумный порывъ! Хоть бы ты о томъ подумалъ: что бы ты тамъ помогъ,—ты, ребенокъ еще! Вѣдь тамъ сильные, здоровые мужики были! Ну, а хорошо было-бы, еслибы ты тамъ простудился и схватилъ тифъ? Пролежалъ бы три мѣсяца, отъ товарищей отсталъ бы, и пришлось бы на второй годъ оставаться въ томъ же классѣ. Да еще слава-бы Богу, еслибы только тифъ! Ну, а еслибы ты утонулъ? Тебѣ наше горе, наши слезы нипочемъ?

Онъ остановился передо мной.

— Другъ мой,—мягко продолжалъ онъ,—не забы-

вай, что ты у насъ одинъ. Мы съ матерью—старики, не сегодня-завтра умремъ,—на кого сестры останутся? На тебѣ, братъ, лежатъ священныя обязанности, и ты не имѣешь права относиться къ нимъ съ легкимъ сердцемъ.

Отецъ совсѣмъ успокоился; голосъ его звучалъ все мягче и ласковѣй. Но странно: чѣмъ дальше, тѣмъ быстрѣе улетучивалось во мнѣ то настроеніе, въ которомъ онъ меня засталъ; что-то тяжелое и непріятное стало шевелиться у меня на душѣ.

Отецъ сдѣлалъ движеніе; онъ, кажется, хотѣлъ обнять меня и поцѣловать, онъ, кажется, ждалъ, что я выражу раскаяніе. Я переступилъ съ ноги на ногу, поднялъ глаза—и вдругъ почувствовалъ, что непроизвольно, неожиданно для меня самого, въ нихъ вспыхнулъ холодный, злой огонекъ.

Я быстро метнулся взглядомъ въ сторону и закусилъ губу. Не знаю, замѣтилъ-ли что-нибудь отецъ. Онъ ласково положилъ мнѣ руку на плечо и сказалъ:

— Ну, такъ не будемъ же, голубчикъ, ссориться съ тобою; пожалуйста только, чтобъ этого впередъ никогда не было. Я понимаю, что ты поступилъ такъ не отъ злого сердца; но думай же хоть немного надъ тѣмъ, что ты дѣлаешь.

— Я не виноватъ!—вдругъ угрюмо буркнулъ я, не поднимая глазъ.

Отецъ опустилъ руку.

— Не ви-но-ватъ?! —протянулъ онъ и замолчалъ.

Я стоялъ, все такъ же потупившись и закусивъ губу.

— Ты себя, Митя, не считаешь виноватымъ? —спросилъ онъ измѣнившимся голосомъ.

— Нѣтъ! —оборвалъ я.

— Ахъ, тогда другое дѣло! Тогда, разумѣется, другое дѣло. Въ такомъ случаѣ и разговаривать нечего.

Онъ круто повернулся и вышелъ изъ комнаты.

VII.

Я долго стоялъ неподвижно, уставясь глазами въ одну точку. Въ головѣ смутно шевелилась мысль, что совершилось нѣчто невѣроятное, ужасное, чему даже нельзя подыскать имени, до того это не вяжется ни съ чѣмъ. „Не виноватъ!“ Неправда, я былъ виноватъ, я чувствовалъ себя виноватымъ. Какой-то безсмысленный, злобный порывъ вырвалъ у меня это грубое: „нѣтъ!“

Я медленно спустился внизъ и черезъ садъ ушелъ въ поле.

Въ головѣ стоялъ туманъ, мысль не работала,— я словно былъ пришибленъ сознаніемъ всей неизмѣримости совершеннаго мною преступленія. Иногда я взглядывалъ на свой поступокъ со стороны, и мнѣ казалось невѣроятнымъ, чтобъ я могъ его совершить. Вдругъ словно что осѣнило меня.

Господи, да чего же я! Итти скорѣй, сказать, что я самъ не знаю, какъ это вышло, попросить прощенія...—Нѣтъ!—раздался въ душѣ негодующій голосъ. И то-же злобно-упрямое чувство, какъ тогда, разомъ охватило меня...

Я воротился домой поздно вечеромъ, когда заря ужъ почти погасла и работники проѣхали въ ночное. За эти семь часовъ, которые я провелъ въ полѣ, во мнѣ выросло и созрѣло новое, дотолѣ мнѣ невѣдомое чувство,—глухая, затаенная ненависть къ отцу.

За что?—Еслибы меня кто спросилъ, я не сумѣлъ-бы отвѣтить: тихо, незамѣтно родилось во мнѣ это чувство, не спрашиваясь у разсудка. Мало того, разсудокъ все время съ неумолимою ясностью твердилъ мнѣ: „ты виноватъ, виноватъ!“—и я соглашался съ нимъ, я не могъ ему противиться. Но что-то смутное, робкое, несознанное поднималось ему въ отвѣтъ изъ самой глубины души: тутъ была и обида, и сознаніе своей правоты, и тоскливое желаніе отстоять эту правоту. Но разсудокъ повторялъ властно, твердо: „Ты виноватъ! Иди и проси прощенія!“ И тотъ голосъ становился еще тише. Я не могъ разслушать его доводовъ, я видѣлъ, что разсудокъ остается правымъ,—и все сильнѣе разгоралось во мнѣ глухое ожесточеніе къ тому, къ кому онъ меня посылалъ,—къ отцу.

Въ саду передъ домомъ я остановился и заглянулъ въ окна. Въ залѣ ужинали; слышенъ былъ звонъ ножей

и ложекъ, тихій говоръ; мнѣ видно было отца, сидѣвшаго у самаго окна, спиною ко мнѣ. Я сталъ ждать. Наконецъ задвигались стулья, отецъ всталъ. Сестры подошли къ нему прощаться; онъ перекрестилъ ихъ и перецѣловалъ.

Я почувствовалъ, что все время упорнымъ, злобнымъ взглядомъ слѣжу за отцомъ. Страшно мнѣ стало: это къ *нему* такое чувство!

Въ залѣ стихло. Я подождалъ немного и сталъ осторожно пробираться къ себѣ. Но мать еще не спала. Когда я проходилъ по корридору, она окликнула меня. Дѣлать было нечего; я собрался съ духомъ и вошелъ, стараясь не смотрѣть ей въ глаза.

Она сидѣла въ томъ же креслѣ, что и утромъ; мнѣ показалось, что лицо ея за этотъ день похудѣло, а глаза стали больше.

— Слушай, Митя...—начала она, пристально глядя на меня.

Я смотрѣлъ въ сторону, но чувствовалъ на себѣ ея взглядъ, печальный и долгій. Она помолчала.

— Ты, конечно, попросилъ у папы прощенія?

Я прикусилъ губу и насупился.

— Нѣтъ.

Мать молча и внимательно смотрѣла на меня.

— Да я и не знаю, въ чемъ мнѣ прощенія просить,—процѣдилъ я.

— Голубчикъ мой, что это съ тобою сдѣлалось?—

съ болью спросила она.—Вѣдь ты его такъ обидѣлъ! Онъ пришелъ ко мнѣ,—я его просто не узнала: совсѣмъ лица нѣтъ... И за что это, за что? Что онъ тебѣ ласково попенялъ, что ты насъ не послушался? За это? Такъ неужели же отецъ не можетъ этого даже *требовать?* Или ты себя теперь считаешь самостоятельнымъ человѣкомъ? Голубчикъ мой, вѣдь тебѣ же пят-над-цать лѣтъ всего!

Я молчалъ; глаза ея были устремлены на меня, страдающіе и кротко-укоризненные.

— Да, можетъ быть, я еще попрошу прощенія,— тихо сказалъ я.

Мать облегченно вздохнула.

— Ну, пойди же, голубчикъ!—сказала она.—Сейчасъ иди, не откладывай до-завтра. Господь съ тобою!

Я пошелъ.

Въ кабинетѣ отца еще горѣлъ огонь; я взялся за ручку двери...

Но не прошло и минуты, какъ я ужъ сидѣлъ у себя наверху, сгорбившись и угрюмо глядя въ уголъ: дальше двери я къ отцу не пошелъ. Теперь я окончательно чувствовалъ себя преступникомъ,—закоренѣлымъ, неспособнымъ къ раскаянію. Но я не ужасался этого; я ожесточенно закусывалъ губы и думалъ: „и пускай!“

Передо мною вставало лицо матери, кроткое, моля-

щее, слышались слова всеобщаго осужденія и негодованія... „Ну что жъ, и пускай!“—угрюмо повторялъ я.

VIII.

Спустившись назавтра къ утреннему чаю, я засталъ всѣхъ, кромѣ матери, въ сборѣ. Разговоръ прекратился, какъ только я вошелъ. Отецъ поднялъ голову и съ холоднымъ удивленіемъ измѣрилъ меня взглядомъ, словно недоумѣвая, что нужно здѣсь этому неизвѣстному человѣку. Я насупился и, ни съ кѣмъ не здороваясь, сѣлъ къ столу.

Я не поздоровался съ отцомъ, — это былъ уже прямой, рѣзкій вызовъ, подчеркивавшій мое намѣреніе не дѣлать перваго шага къ примиренію. Отецъ отвернулся и, кашлянувъ, принялся за свой стаканъ.

Чай прошелъ въ полномъ молчаніи; что-то тяжелое и холодное повисло надъ всѣми. Катя сидѣла не шевелясь, уставясь строгимъ взглядомъ въ ножку самовара, Лиза уныло молчала. Видимо, обѣ онѣ ужъ знали, если не все, то по крайней мѣрѣ очень многое. Шура, и та притихла, съ удивленіемъ оглядывая всѣхъ.

Отецъ выпилъ стаканъ и сейчасъ-же ушелъ. Молчаніе не прерывалось. Молча всѣ встали изъ-за стола. Я подошелъ къ Лизѣ.

— Хочешь, Лиза, идти на Волчьи Ямы?—спро-

силъ я.—Тамъ сегодня снопы возятъ,—и работники наши, и щепотьевскіе мужики.

Я постарался сказать это самымъ обычнымъ голосомъ, но вышло какъ-то очень неестественно. Лиза печально и покорно взглянула на меня.

— Пойдемъ,—отвѣтила она.

Мы отправились низомъ, черезъ садъ. Я шелъ, посвистывая и сбивая палкою головки попадавшимся татарникамъ и чертополоху. Лиза молча шла рядомъ.

— Митя!—вдругъ тихонько сказала она, не поднимая глазъ.

— Что ты?

— Митя... попроси у папы... прощенія,—робко и съ усиліемъ произнесла она.

— Прощенія?—нахмурился я.—Въ чемъ это?

Лиза молчала.

— Пожалуйста, не суйся, куда тебя вовсе не спрашиваютъ!—рѣзко сказалъ я.

Лиза еще ниже опустила голову. Я снова началъ сбивать палкою репейныя головки.

— Митя, попроси прощенія!—тихо повторила она, умоляюще взглянувъ на меня.

Я дернулъ плечомъ и пошелъ быстрѣе.

Всю остальную дорогу мы не сказали больше ни слова. Что-то вдругъ отдалило насъ другъ отъ друга. Съ этой минуты я весь ушелъ въ себя; теперь никого не было на моей сторонѣ, я остался одинъ.

И потянулись дни один за другимъ... Одиночество полнѣе того, въ которомъ я находился, наврядъ-ли можно себѣ представить. Нетолько всѣ кругомъ,—собственное мое сознаніе было противъ меня; только слабый-слабый голосъ, въ самой глубинѣ души, поддерживалъ меня; но онъ былъ такъ слабъ, что я съ трудомъ могъ его разслушать. Откуда-же мнѣ было взять для борьбы твердой, спокойной увѣренности въ себѣ?

У меня былъ двоюродный братъ, старше меня тремя годами. Онъ иногда пріѣзжалъ къ намъ гостить. Бывало, заберетъ онъ обѣими руками мою руку и начнетъ ее жать: „Крикни, тогда пущу!“ Но я не кричалъ; онъ усмѣхался и заглядывалъ мнѣ въ лицо; кости моей руки трещали и щелкали, и чѣмъ невыносимѣе становилась боль, тѣмъ сильнѣе овладѣвало мною какое-то тяжелое, сосредоточенное отчаяніе; стиснувъ зубы, я упорно смотрѣлъ въ землю: я боялся, что, если я подниму глаза, мучитель мой прочтетъ въ нихъ, что творится у меня на душѣ. Теперь со мною было то-же самое; я молчалъ передъ отцомъ съ тѣмъ-же тупымъ отчаяніемъ. Чтобъ отецъ первый протянулъ мнѣ руку, объ этомъ нечего было и думать; самъ-же я *не могъ*, буквально не могъ положить оружія: эта борьба за нѣчто смутное, самому мнѣ непонятное, стала для меня вопросомъ всего моего нравственнаго существованія.

А не понималъ я того, за что боролся, до такой степени, что, если бы кто по душѣ спросилъ меня, чего

я собственно добиваюсь, то однимъ требованіемъ отвѣта онъ заставилъ бы меня растеряться и сознаться въ своей неправотѣ. Но зато, если-бы нашелся въ то время кто-нибудь, кто сказалъ-бы мнѣ: — „Ты ненавидишь отца, —ненавидѣть его не за что; онъ тебя любитъ, — плати ему такою-же любовью; но не позволяй оковать себя ею, оставь за собою навсегда право чистаго порыва, право беззавѣтнаго отклика на чужія страданія“, —если бы нашелся такой... то онъ сдѣлалъ-бы хорошее дѣло.

Но никто изъ окружающихъ не могъ сказать мнѣ ничего подобнаго, и я попрежнему оставался одинъ.

Отецъ держалъ себя со мною такъ, какъ будто не замѣчалъ моего присутствія; мать, прикованная ревматизмомъ къ креслу, не выходила изъ своей комнаты; на прекрасномъ, всегда спокойномъ лицѣ Кати я читалъ такое безпощадное осужденіе себѣ, что, казалось, умри я, —и то это лицо не дрогнуло бы. Что же касается Лизы, то ея я теперь самъ избѣгалъ: съ ея блѣднаго, страдающаго лица смотрѣли на меня глаза съ такимъ тоскливымъ вопросомъ... А вѣдь я этого-то вопроса и не могъ разрѣшить.

Иногда приходили минуты, когда какъ-будто что-то прояснялось во мнѣ, и я взглядывалъ на себя со стороны; тогда я удивлялся и спрашивалъ себя: я ли это живу и дѣйствую въ своемъ тѣлѣ? Въ такія минуты я замѣчалъ, что отецъ сильно похудѣлъ, что между его

бровями появилась складка, которой раньше не было. И во мнѣ шевелилась жалость къ нему, и зарождалось желаніе пойти и примириться съ нимъ, снова все поставить по старому. Но это желаніе скоро исчезало, и я снова замыкался въ себѣ.

Время шло, и никакихъ измѣненій въ нашихъ отношеніяхъ не замѣчалось. Но я былъ убѣжденъ, что между мною и отцомъ еще произойдетъ нѣчто необыкновенное и страшное. Если бы отцу не предстояло въ скорости уѣхать, то, можетъ быть, все бы постепенно еще вошло въ обычную колею; но онъ черезъ нѣсколько дней уѣзжалъ, уѣзжалъ надолго: какъ-же онъ отнесется ко мнѣ при прощаніи? Будетъ и тогда совершенно игнорировать мое присутствіе, какъ теперь?—Это невозможно. Еще невозможнѣе было ждать, чтобъ онъ ласково и горячо простился со мною, какъ съ остальными. Очевидно, должно было произойти нѣчто особенное.

Мнѣ это „особенное“ представлялось въ такомъ видѣ. Тарантасъ уже поданъ къ крыльцу; я сижу въ своей комнатѣ, и до меня доносится звяканье колокольчика. Вдругъ ко мнѣ входитъ отецъ; глаза его блестятъ рѣшительно и грозно.

— Ну, Дмитрій, ты все еще стоишь на своемъ? — спрашиваетъ онъ меня.

Я вытягиваюсь во весь ростъ и, смотря прямо въ глаза отцу, твердо произношу:

— Да!

— Это твое послѣднее слово?

— Да.

Отецъ взмахиваетъ рукою и изо всей силы ударяетъ меня кулакомъ по лицу; еще одинъ страшный ударъ, и я падаю на землю. Отецъ съ безумною яростью кидается на меня, бьетъ меня своей толстой палкой, по чемъ ни попало, топчетъ ногами. Изо рта у меня течетъ кровь, нога переломлена.

— Гадина!—злобно произноситъ онъ и, толкнувъ меня ногою, уходитъ.

— Прощай, отецъ! — грустно произношу я ему вслѣдъ.

Я удивляюсь, откуда у меня могла тогда зародиться самая мысль о подобной сценѣ: отецъ не только никогда не трогалъ никого изъ насъ пальцемъ, онъ даже въ уголъ насъ не ставилъ, даже никогда почти не повышалъ на насъ голоса. Должно быть, я безсознательно чувствовалъ, что лишь въ борьбѣ, поставленной на подобную почву, я могъ разсчитывать на побѣду.

IX.

И вотъ, наконецъ, пришелъ этотъ послѣдній день.

Отцу нужно было выѣзжать изъ дому около десяти часовъ вечера, чтобъ поспѣть къ поѣзду. Съ ранняго утра все въ домѣ стало вверхъ дномъ. Липатьевна переносила изъ прачешной въ залу выглаженное бѣлье. Въ

спальнѣ матери, подъ ея наблюденіемъ, горничныя укладывали чемоданы. Аѳиногенъ смазывалъ на дворѣ тарантасъ. Отецъ отдавалъ послѣднія приказанія приказчику и старостѣ.

Я заперся у себя наверху и просидѣлъ тамъ почти весь день. Ни къ завтраку, ни къ обѣду я не вышелъ; мнѣ страшно было идти внизъ: *тамъ* все должно было рѣшиться. И я старался оттянуть эту минуту. Внизу ходили, кричали. Я прислушивался къ этому шуму, какъ воръ, боящійся, чтобъ его не накрыли.

Наконецъ, уже часовъ въ восемь вечера, я собрался съ духомъ и спустился въ залу. Всѣ были заняты, и на меня никто не обратилъ вниманія. Я молча остановился у окна. Мимо меня часто проходили, но никто какъ будто не замѣчалъ меня, словно я былъ вещью вродѣ стола или стула, на который странно оглядываться.

Я ужъ съ полчаса стоялъ, какъ приросшій къ мѣсту.

— Часъ, другой,—и придетъ минута...—вдругъ мелькнуло у меня въ головѣ.

И мнѣ стало ясно, что минута эта ужъ не пройдетъ мимо; до тѣхъ поръ я просто ждалъ ея, теперь я всѣмъ существомъ своимъ почувствовалъ ея неизбѣжность. Вѣдь это *вправду* будетъ, и не когда-нибудь, а вотъ сейчасъ, теперь... Ужъ къ десяти часамъ все рѣшится; теперь восемь... въ эти два часа...

Я прошелся по залѣ и подошелъ къ окну. Сердце мое замирало отъ ужаса, злобы и отчаянной рѣшимости.

— Господи, скорѣе бы!.. Пускай будетъ, что будетъ, только скорѣй, скорѣй...

Жукъ влетѣлъ въ раскрытое окно, за рѣкою засвѣтился огонекъ; садъ былъ еще полонъ стрекотаньемъ и чириканьемъ, но въ ясномъ воздухѣ уже разливалось что-то задумчиво-тихое, молчаливое. Не шевелились деревья, рѣка чуть зыбилась. И меня поразило, какъ все кругомъ было торжественно-спокойно. Умереть бы теперь,—именно теперь же, не дожидаясь ничего...

Въ передней кто-то кашлянулъ.

— Баринъ, поди сюда!—услышалъ я голосъ Власа.

Я вышелъ къ нему.

— Поди, позови ко мнѣ папашу. Совсѣмъ изъ головы вонъ: позабылъ его про слеги новыя спросить. Скажи, что Власъ, молъ, пришелъ.

У меня въ горлѣ задрожалъ смѣхъ: слеги какія-то! Будто въ этихъ несчастныхъ слегахъ теперь дѣло!

Отецъ стоялъ передъ конторкой и перебиралъ какія-то бумаги. При моемъ входѣ онъ быстро поднялъ голову и впился въ меня глазами.

— Папа, тамъ Власъ пришелъ, проситъ тебя на минутку.

— Что?—крикнулъ онъ плачущимъ голосомъ.

— Власъ тебя спрашиваетъ,—робко повторилъ я.— Про слеги новыя.

Отецъ отвернулся и сталъ рыться въ бумагахъ.

— Хорошо... Сейчасъ...—сказалъ онъ упавшимъ голосомъ.

Я ушелъ. Въ залѣ уже накрывали ужинать. Николай, съ связкою веревокъ въ рукахъ, прошелъ въ комнату матери, бережно ступая по полу неуклюжими сапогами. Я вышелъ на балконъ и присѣлъ на ступеньку. Теперь у меня ничего не было въ душѣ,—была какая-то пустота, безъ чувства, безъ мысли; нѣчто подобное, должно быть, испытываетъ казнимый, приложивъ голову къ плахѣ.

Подали ужинать. Молча всѣ сошлись, молча и ѣли всѣ, ни на кого не глядя. Та холодная, тоскливая тяжесть, которая ощущалась всю эту недѣлю, когда намъ приходилось быть вмѣстѣ, теперь достигла крайней степени. Наконецъ отъужинали. Отецъ снова ушелъ къ себѣ.

— Ѳинаге-е-нъ!.. Лошадей запрягай!—услышалъ я на крыльцѣ визгливый голосъ Липатьевны.

Не знаю, откуда у меня взялась смѣлость: я пошелъ къ матери. Николай увязывалъ послѣдній чемоданъ; покончивъ съ нимъ, онъ сложилъ всѣ въ уголъ, одинъ на другой, и ушелъ.

— Митя!—услышалъ я тихій, дрожащій голосъ.

Мать смотрѣла на меня долгимъ, пристальнымъ взглядомъ, словно подзывая къ себѣ. Я сдѣлалъ къ ней два шага.

— Митечка! Попроси у папы... прощенія...—сказала она—и вдругъ, всѣмъ тѣломъ наклонившись впередъ, тихо, безпомощно заплакала.

Я остолбенѣлъ. Новая, дотолѣ мною никогда не слыханная нота звучала въ ея голосѣ: то безвольная рабыня плакала, вымаливая у грознаго господина хоть каплю состраданія.

— Посмотри на папу... Вѣдь онъ въ эту недѣлю... на десять лѣтъ постарѣлъ,—еле проговорила она сквозь рыданія.

Что-то до невозможности напряженное вдругъ оборвалось во мнѣ и упало.

— Мама!.. Я... пойду...—сказалъ я задыхаясь и, высвободивъ руку, медленно пошелъ изъ комнаты.

Какъ будто какая-то посторонняя сила вела меня, не спрашивая, хочу-ли я идти, нѣтъ-ли. Передъ дверью отца я на минуту остановился; та-же сила толкнула меня впередъ. Я вошелъ въ кабинетъ.

Отецъ сидѣлъ за письменымъ столомъ и писалъ что-то въ записной книжкѣ. Я медленно и неловко подошелъ къ нему и, глядя въ землю, тихо произнесъ:

— Папа, прости меня.

Отецъ пересталъ писать и, какъ-будто удивившись, взглянулъ на меня.

— Простить тебя? въ чемъ? — холодно спросилъ онъ.—Я на тебя вовсе не сержусь.

И онъ снова взялся за карандашъ. Съ минуту длилось молчаніе.

— Что жъ ты стоишь? Иди себѣ,—сказалъ отецъ.— Да вотъ, кстати: вели лошадей подавать,—мнѣ ужъ давно пора ѣхать.

— Прости меня!—повторилъ я, быстро взглянувъ на него и снова опуская голову.

— Поздно, голубчикъ мой!—печально проговорилъ отецъ.—Теперь мнѣ ѣхать пора, а не о прощенiи разговаривать. Какъ бы еще на поѣздъ не опоздать. Да я на тебя вовсе и не сержусь. Тебѣ чего, прощенья нужно? Изволь, я прощаю. Вѣдь тебѣ это дѣйствительно, какъ я вижу, крайне необходимо.

Онъ горько усмѣхнулся и замолчалъ. Я тоже молчалъ, не двигаясь съ мѣста.

— О, Господи!—вдругъ воскликнулъ отецъ, хватаясь за голову.—За что, за что мнѣ это?! Я тутъ сижу, какъ дуракъ, ночи напролетъ не сплю... Я пятьдесятъ лѣтъ не плакалъ,—теперь я узналъ, что такое слезы... Оо-о!.. Оо-о!.. Если бы у меня что-нибудь такое съ отцомъ вышло, я на шею бы ему кинулся, и слезами бы... слезами... А ему и горя мало!.. Ему это только пустая формальность!..

Онъ откинулся на спинку кресла и зарыдалъ.

Я быстро поднялъ голову: онъ, *онъ* плакалъ передо мною!.. Я не вѣрилъ глазамъ. Какъ безумный, бросился я впередъ и остановился въ двухъ шагахъ отъ отца, безпомощно опустивъ руки.

— Папочка, прости меня!..—растерянно повторялъ я, съ испугомъ и стыдомъ глядя на него.

— Ступай себѣ,—Богъ тебѣ судья!...

Онъ положилъ голову на руку, продолжая беззвучно рыдать.

Я смотрѣлъ на него, не замѣчая, что у самого у меня слезы градомъ лились по лицу. Все, происшедшее въ послѣднюю недѣлю, вылетѣло у меня изъ головы; я видѣлъ лишь этого сдержаннаго человѣка, теперь плакавшаго передо мною подобно мальчику. Мнѣ больно и обидно было за него, что онъ такъ унизился передо мною, и жалко было его; но главное, я видѣлъ теперь, какъ неизмѣримо былъ я неправъ передъ нимъ, и какъ трудно мнѣ искупить свою вину.

— За что это, за что?—сказалъ отецъ, закрывъ глаза рукою.—Вѣдь ты меня ненавидѣть началъ, я это ясно вижу... Это за то, что я вамъ всю жизнь отдалъ, только о васъ и думалъ. Я не о непослушаніи твоемъ говорю,—за это Богъ тебѣ судья. Но я въ ужасъ прихожу, когда подумаю о твоей безумной, ничего не разбирающей порывистости, твоей способности увлекаться до полнаго ослѣпленія. Ты не знаешь, къ чему это ведетъ,—а я знаю... У меня сердце кровью обливается, какъ представлю себѣ, что̀ ждетъ тебя въ будущемъ съ твоимъ характеромъ... И вѣдь мой долгъ,—*долгъ*, понимаешь-ли ты?—удерживать тебя, предостерегать тебя. И за это-то эта ненависть, эта вражда!.. Богъ тебя прости! Послѣ когда-нибудь ты оцѣнишь все,—тогда ты согласишься со мною, что я былъ правъ...

— Папа... голубчикъ... прости меня!..—проговорилъ я, давясь отъ рыданій.

— Я тебѣ, другъ мой, правду говорю: я на тебя не

сержусь. Если ты не вѣришь мнѣ, если не хочешь видѣть моей любви къ тебѣ...

— Могу-ли я, по крайней мѣрѣ, надѣяться, что не теперь, а хоть потомъ, когда-нибудь, ты меня простишь?—въ тоскѣ сказалъ я.

Не помню, что происходило дальше; помню только, что это было что-то страшно-тяжелое, мучительное, какъ пытка, какъ кошмаръ.

Помню, отецъ простился со мною нѣжно и ласково, перекрестилъ и поцѣловалъ меня; помню, какъ въ туманѣ, наше крыльцо, мерцающіе во мракѣ фонари, отца въ дорожномъ платьѣ, лица матери и сестеръ, поцѣлуи, пожеланія... Наконецъ, звякнулъ колокольчикъ, лошади дернули, и ночная темь поглотила тарантасъ.

Я поднялся къ себѣ наверхъ и подошелъ къ окну. Вдали слабою трелью заливался колокольчикъ; изъ-за зубчатаго силуэта сосны выглядывалъ тонкій серпъ мѣсяца, блестѣвшій фосфорическимъ свѣтомъ въ прозрачномъ темно-синемъ воздухѣ. Вѣтеръ слабо шумѣлъ въ липахъ. Растерянный и оглушенный, безъ единой мысли въ головѣ, я неподвижно смотрѣлъ въ окно.

ПРЕКРАСНАЯ ЕЛЕНА.

Очеркъ.

Воронецкій сидѣлъ на скамейкѣ въ боковой аллеѣ Александровскаго сада и читалъ „Новое Время". Солнце сильно клонилось къ западу, но въ воздухѣ было знойно и нестерпимо-душно; пыльныя садовыя деревья не шевелились ни листикомъ; отъ Невскаго тянуло противнымъ запахомъ извести и масляной краски. Воронецкій опустилъ прочитанную газету на колѣни, потянулся и взглянулъ на часы: было начало восьмого. Къ одиннадцати часамъ ему нужно было быть въ Лѣсномъ; чѣмъ наполнить эти остающіеся три часа?

Изъ знакомыхъ въ Петербургѣ нѣтъ ни души,—всѣ разъѣхались по дачамъ; къ себѣ же домой Воронецкаго не тянуло. Онъ хотя и любилъ свою изящно-убранную, уютную холостую квартиру на Пушкинской, но просидѣть въ ней одному цѣлыхъ три часа, да еще вечеромъ, было слишкомъ скучно: что тамъ дѣлать? Правда, Воронецкій давно уже собирался познакомиться съ философіей и купилъ себѣ для этой цѣли „Исторію новой фи-

лософіи“ Фалькенберга, но дальше четвертой страницы введенія никакъ не могъ пойти; тамъ была одна фраза, на которой его раза два отвлекли отъ чтенія, и съ которой онъ каждый разъ начиналъ читать снова; фраза эта чрезвычайно надоѣла Воронецкому; прочтетъ онъ ее,—и у него пропадаетъ охота читать дальше. И онъ отложитъ Фалькенберга въ сторону и возьмется за Мопассана или Армана Сильвестра... Скучны эти лѣтніе вечера въ Петербургѣ!

Воронецкій лѣниво поднялся и вышелъ изъ сада. На углу Гороховой, въ витринѣ, пестрѣли за проволочной сѣткой разноцвѣтныя афиши лѣтнихъ садовъ и театровъ. Онъ подошелъ и сталъ читать. Ярко-зеленая афиша сообщала, что въ саду „Амуровы Стрѣлы“ идетъ сегодня на открытой лѣтней сценѣ „Прекрасная Елена“ („Большой успѣхъ! Популярная оперетта!“). Въ дивертисментѣ обѣщалось участіе „знаменитой куплетистки г-жи Лины Гиммельблау,—звѣзды Вѣны и Берлина!“ (Недѣлю назадъ, какъ помнилъ Воронецкій, она титуловалась звѣздою одной лишь Вѣны). Въ концѣ стояло:

„Ново!!! Оригинально!!!
Въ первый разъ въ мірѣ!
дебютъ каскадной пѣвицы
г-жи Черноооковой“.

Воронецкій усмѣхнулся и, сѣвъ на извозчика, поѣхалъ въ „Амуровы Стрѣлы“.

Въ Лѣсномъ, куда сегодня вечеромъ собирался Воро-

нецкій, жилъ і дачѣ его университетскій товарищъ Можжеловъ, учитель математики, недавно переведенный изъ провинціи въ Петербургъ. Воронецкій искренно любилъ его, но въ то же время не могъ безъ ироничес-кой улыбки представить себѣ его плотную фигуру съ добродушною, обросшею волосами физіономіею, конфуз-ливымъ смѣхомъ и быстрою, запинающеюся рѣчью. Мож-желовъ остался совсѣмъ такимъ, какимъ былъ студен-томъ: попрежнему въ каждомъ извозчикѣ и дворникѣ видѣлъ „брата“, попрежнему горячо разсуждалъ о Спен-серѣ и Марксѣ, Михайловскомъ и Николаѣ —онѣ. Какъ ему все это не надоѣло, и къ чему они, эти разсужденія? Что для него, кромѣ чисто-теоретическаго, совершенно безплоднаго интереса, представляетъ вопросъ о томъ, какъ развивается личность, и въ какой закоулокъ гро-зитъ завести насъ нарождающійся капитализмъ? Жена Можжелова, Анна Сергѣевна,—молоденькая провинціал-ка съ прекрасными, задумчивыми глазами и немножко застѣнчивая,— повидимому, порядкомъ-таки скучала, слушая безконечныя рѣчи мужа; и когда Воронецкій, остроумный и бывалый, начиналъ что-нибудь разсказы-вать или шутливо поддразнивать Анну Сергѣевну, она видимо оживлялась.

Однажды Воронецкій, разговаривая съ нею, поймалъ на себѣ ея долгій и пристальный, какой-то особенный взглядъ, давно уже знакомый ему въ женщинахъ; и у него вдругъ явилось желаніе обладать Анной Сергѣев-

ной, и въ то же время у него пропало уваженіе къ ней. Все дальнѣйшее было давно и хорошо извѣстно Воронецкому: она будетъ бороться съ собою, будетъ мучиться, придется понемногу брать съ бою все, начиная съ поцѣлуя. Два раза ему уже удалось поцѣловать ее. Вчера Анна Сергѣевна нечаянно проговорилась, что ходитъ по вечерамъ въ паркъ, къ пруду, слушать соловьевъ. Воронецкій объявилъ, что онъ тоже очень любитъ соловьевъ и завтра въ одиннадцать часовъ вечера пріѣдетъ въ паркъ. Услышавъ это, Анна Сергѣевна поблѣднѣла и опустила глаза.

— Ну, смотрите же, приходите и вы!—властно шепнулъ Воронецкій, прощаясь съ нею. И онъ зналъ, что Анна Сергѣевна придетъ.

Воронецкій подъѣхалъ къ „Амуровымъ Стрѣламъ“. Когда онъ вошелъ въ садъ, первый актъ уже начался. Калхасъ, плѣшивый и краснорожій, осматривалъ подношенія богамъ и, разочарованно качая головою, говорилъ: „Слишкомъ много цвѣтовъ!...“ Воронецкій пробрался къ своему мѣсту, отвѣчая высокомѣрнымъ взглядомъ на недовольныя ворчанія потревоженныхъ зрителей.

Дѣйствіе тянулось вяло. Елена, хорошенькая, полная блондинка съ подрисованными глазами, величественно закидывала голову и говорила неестественнымъ, театральнымъ голосомъ; Парисъ, съ непріятными чувственными губами подъ свѣтлыми усиками, то и дѣло расте-

рянно поглядывалъ на публику. Остальные исполнители были не лучше. Сносенъ былъ только Менелай, полный, дряхлый старикъ, съ чрезвычайно доброю улыбкою, шамкающимъ голосомъ и землистымъ лицомъ, въ коронѣ и зеленоватой туникѣ. Зрителей на сидячихъ мѣстахъ было немного. Къ барьеру тѣснились безбилетные гуляющіе. Воронецкому бросились въ глаза два молодыхъ парня въ пиджакахъ и новыхъ картузикахъ: они жадными и удивленными глазами слѣдили за Еленой, машинально вытягивая головы каждый разъ, когда при поворотѣ сквозь боковой разрѣзъ туники мелькало ея розовое бедро.

Калхасъ объявилъ, что боги повелѣваютъ Менелаю ѣхать въ Критъ; на Менелая надѣли смѣшной капюшонъ, дали ему въ руки разноцвѣтный зонтикъ, чемоданъ, и Менелай сталъ прощаться. Первое дѣйствіе кончилось.

Воронецкій, недовольно кусая усы, вышелъ въ садъ; онъ любилъ оперетку, потому что она пріятно щекочетъ нервы, потому что она создаетъ вокругъ атмосферу чего-то остроумнаго и изящно-чувственнаго; здѣсь же актрисы были глупы, статистки, съ унылыми и некрасивыми лицами, не пикантны. Воронецкій сѣлъ къ столику и спросилъ себѣ глинтвейну. Военный оркестръ игралъ „Тореадора и андалузку“, кастаньеты щелкали; немногочисленные посѣтители вяло бродили по дорожкамъ. Прошелъ высокій, изящно одѣтый молодой человѣкъ, ведя

подъ-руку стройную даму съ напудреннымъ лицомъ; важно прошли два парня, которыхъ Воронецкій видѣлъ у барьера,—прошли, ступая носками внутрь и чинно опираясь на зонтики; у парней были здоровыя и наивныя деревенскія лица; въ Воронецкомъ шевельнулось глухое раздраженіе, когда онъ вспомнилъ тотъ животный, плотоядный взглядъ, какимъ они смотрѣли на сцену. Онъ нахмурился и, прихлебывая горячій глинтвейнъ, сталъ просматривать программу.

Раздался звонокъ, призывавшій къ сценѣ. Воронецкій занялъ свое мѣсто. Занавѣсъ поднялся, по сценѣ снова заходили актеры и актрисы, жестикулируя и неестественно разговаривая. Елена въ свѣтло-голубой шелковой туникѣ вышла на авансцену и запѣла: „Всѣ говорятъ"...

Пѣла она значительно лучше, чѣмъ играла. Глаза ея вызывающе блестѣли, вся она вдругъ задышала чѣмъ-то порочнымъ и увлекательнымъ; изогнувшись своимъ красивымъ, полунагимъ тѣломъ, щурясь и лукаво улыбаясь, она пѣла:

Вотъ, напримѣръ, съ моей мамашей:
Когда къ ней лебедь подплывалъ,
Который былъ моимъ папашей,—
  Кто бъ устоялъ?
  Кто бъ устоялъ?

И, невинно поднявъ брови, Елена безпомощно разводила руками... Воронецкимъ стало овладѣвать настроеніе, которое онъ такъ любилъ: голова его слегка кру-

жилась отъ выпитаго глинтвейна, женщины облеклись ореоломъ изящной и поэтической, зовущей къ себѣ красоты... И передъ нимъ всталъ темный паркъ въ Лѣсномъ съ соловьями, заливающимися надъ прудомъ, и замирающей отъ волненія Анной Сергѣевной, ждущей его у мостика. Теперь плохая игра перестала раздражать Воронецкаго: онъ улыбался, глядя, какъ Парисъ въ дуэтѣ съ Еленой, страстно обнимая ее, самъ косилъ глаза, внимательно и робко слѣдя за дирижерскою палочкою, какъ онъ началъ понемногу увлекать Елену къ кушеткѣ, причемъ оба они то и дѣло осторожно оглядывались, чтобы не споткнуться. Наконецъ, Елена благополучно упала на кушетку, и Парисъ, ставъ на колѣно, припалъ къ Еленѣ долгимъ поцѣлуемъ.

Дверь открылась и вошелъ Менелай, съ зонтикомъ и чемоданомъ, улыбаясь своею доброю старческою улыбкою. Воронецкаго странно поразила эта улыбка, вовсе не шедшая къ опереткѣ. Менелай увидѣлъ жену въ объятіяхъ Париса. Онъ отступилъ, съ ужасомъ вытаращивъ глаза, весь дрожа, и вдругъ глухимъ, дряхлымъ голосомъ, широко открывая беззубый ротъ, закричалъ:

— Кар-раулъ!!..

Два парня, стоявшіе у барьера недалеко отъ Воронецкаго, засмѣялись. Парисъ и Елена вскочили на ноги, Парисъ бросился къ Менелаю и сталъ убѣждать его не кричать; а Менелай, задыхаясь, метался по сценѣ, безсмысленными, страдающими глазами глядя по угова-

ривавшаго его Париса, и кродолжалъ кричать: „караулъ!..“ Такой игры Воронецкій никогда не видалъ въ „Еленѣ“, и Менелай не былъ смѣшонъ...

Толпою вошли греческіе цари.

— Гдѣ моя честь?—проговорилъ Менелай, растерянно оглядываясь.

— Гдѣ твоя честь?—хоромъ запѣли цари, театрально поднявъ вверхъ правыя руки.

— Гдѣ моя... ч-честь?—повторилъ Менелай, губы его запрыгали, и онъ заплакалъ, жалко скосивъ лицо,—заплакалъ дряхлымъ, безсильнымъ плачемъ.

Это было что-то удивительное. Въ убогомъ садикѣ, на убогой сценѣ, никому невѣдомый актеръ вдругъ перевернулъ все, и тамъ, гдѣ по ходу дѣйствія и замыслу композитора нужно было смѣяться надъ рогоносцемъ, хотѣлось плакать надъ несчастнымъ старымъ человѣкомъ съ разбитой вѣрой въ женщину и въ правду...

Занавѣсъ опустился, толпа сквозь узкіе проходы повалила въ садъ. Воронецкій медленно прошелъ аллею и, сѣвъ на чугунную скамейку, закурилъ папиросу. На душѣ у него было тяжело и непріятно; онъ курилъ и наблюдалъ гуляющихъ, стараясь не замѣчать этого овладѣвшаго имъ непріятнаго чувства. Въ будкѣ военный оркестръ игралъ попурри изъ „Фауста“. Корнетъ-а-пистонъ велъ арію Валентина, и въ вечернемъ воздухѣ мелодія звучала грустно и задушевно.

Богъ всесильный, Богъ любви,
О, услышь мою мольбу:
Я за сестру Тебя молю,
Сжалься, сжалься ты надъ ней!..

Надъ головою тихо шумѣли деревья, заря гасла, небо было чистое, нѣжное. Въ густой зелени серебристыхъ тополей заблестѣли электрическіе фонари. Воронецкій посмотрѣлъ на часы: половина одиннадцатаго; пора было ѣхать въ Лѣсной. Онъ вышелъ изъ сада и взялъ извозчика на Выборгскую, къ лѣсной „конкѣ“.

Была бѣлая ночь. Дворники, кутаясь въ сермяжные халаты, дремали у воротъ; улицы пустѣли; изрѣдка проѣзжалъ извозчикъ или, какъ тѣнь, проносился велосипедистъ, давая на поворотахъ рѣзкіе, короткіе звонки. Воронецкій проѣхалъ узкую Казанскую, безсонный Невскій, повернулъ на Литейный; подъ догоравшей зарей блеснула далекая гладь Невы. Буксирный пароходъ, мерцая зеленымъ фонаремъ, безшумно поворачивалъ къ берегу, оставляя за собою тускло-сверкавшую струю. Воронецкій слѣдилъ за нимъ угрюмымъ взглядомъ; пріятное настроеніе его исчезло и не возвращалось; прелесть предстоящаго свиданія потускнѣла.

Извозчикъ выѣхалъ на Сампсоніевскій проспектъ. Паровая „конка“ только-что отошла; гремя и плавно колыхаясь, поѣздъ быстро исчезалъ въ сумракѣ бѣлой ночи. Слѣдующій поѣздъ долженъ былъ итти черезъ полчаса.

— Прибавили бы, баринъ, полтинничекъ, — свезъ бы васъ въ Лѣсной, — сказалъ извозчикъ.

Воронецкій нѣкоторое время въ колебаніи смотрѣлъ въ даль Сампсоніевскаго проспекта.

— Пошелъ на Пушкинскую! — вдругъ отрывисто сказалъ онъ.

Извозчикъ повернулъ обратно. Воронецкій ѣхалъ, прикусивъ губу и сдерживая презрительную усмѣшку: онъ самъ себѣ былъ невыразимо смѣшонъ, что не поѣхалъ въ Лѣсной.

ЗАГАДКА.

Очеркъ.

Я ушелъ по Московскому тракту далеко за городъ. Вдали, въ широкой котловинѣ, тускло свѣтились безчисленные огни города; оттуда доносился смутный шумъ, грохотъ дрожекъ и обрывки военной музыки: былъ праздникъ, въ городскомъ саду происходило гулянье; надъ окутаннымъ пылью городомъ время отъ времени взвивались ракеты и римскія свѣчи. А кругомъ была тишина. По краямъ дороги, за развѣсистыми лозинами, волновалась рожь и тихо трещали перепела; звѣзды теплились въ глубокомъ и чистомъ небѣ.

Ровная, накатанная дорога, мягко сѣрѣя въ муравкѣ тракта, бѣжала вдаль. Я шелъ впередъ, въ эту темную даль, и меня все полнѣе охватывала со всѣхъ сторонъ тишина; теплый вѣтеръ слабо дулъ мнѣ навстрѣчу и шуршалъ въ волосахъ; въ немъ слышался запахъ зрѣющей ржи и еще чего-то, что трудно было опредѣлить, но что всѣмъ существомъ своимъ говорило о ночи, о лѣтѣ, о безпредѣльномъ просторѣ полей. Мною

все больше овладѣвало странное, но ужъ давно мнѣ знакомое чувство какой-то тоскливой неудовлетворенности. Эта ночь была удивительно-хороша, мнѣ хотѣлось насладиться, упиться ею досыта; но по опыту я зналъ, что она только измучаетъ меня, что я могу пробродить здѣсь до самаго утра, и всетаки ворочусь домой недовольнымъ и печальнымъ.

Мнѣ трудно разъяснить настроеніе, которое овладѣваетъ мною въ подобныя ночи, тѣмъ болѣе, что оно идетъ совершенно въ разрѣзъ съ собственнымъ моимъ разумомъ. Я не могу иначе, какъ съ улыбкою, относиться къ одухотворенію природы поэтами и старыми философами; для меня природа, какъ цѣлое, мертва:

Въ ней нѣтъ души, въ ней нѣтъ свободы...

Но въ такія ночи, какъ эта, мой разумъ замолкаетъ, и мнѣ начинаетъ казаться, что у природы есть своя единая жизнь, тайная и неуловимая, что за измѣняющимися звуками и красками стоитъ какая-то вѣчная, неизмѣнная и до отчаянія непонятная красота. Я чувствую, что эта красота недоступна мнѣ, что я неспособенъ воспринять ее во всей ея цѣлости; и то немногое, что она мнѣ даетъ, только заставляетъ меня мучиться по остальному.

Почему-то никогда еще это настроеніе не овладѣвало мною такъ сильно, какъ теперь. Я поднялся на окаймлявшій дорогу невысокій, заросшій полынью валъ. Огни города давно скрылись за горизонтомъ. Кругомъ тянулись поля, справа, надъ свѣтлымъ моремъ ржи, темнѣлъ гу-

стой, вѣковой садъ барской усадьбы. Ночная тишина была полна жизнью и неясными звуками; надъ рожью слышалось какъ-будто чье-то широкое, сдержанное дыханіе; въ темной дали чудились то пѣсня, то всплескъ воды, то слабый, чуть слышный стонъ: крикнула-ли это въ небѣ спугнутая съ гнѣзда цапля, пискнула-ли жаба въ сосѣднемъ болотѣ,—Богъ вѣсть... Теплый воздухъ тихо струился, звѣзды мигали, какъ живыя. Все дышало глубокимъ спокойствіемъ и самоудовлетвореніемъ; каждый колебавшійся колосъ, каждый звукъ какъ-будто чувствовали себя на мѣстѣ,—и только я одинъ стоялъ передъ этою ночью, одинокій и чуждый всему.

Она жила для себя. Мнѣ было обидно, что ни одной живой души, кромѣ меня, нѣтъ здѣсь; но я чувствовалъ, что ей самой, этой ночи, глубоко безразлично, смотритъ-ли на нее кто, нѣтъ-ли, и какъ къ ней относится. Не будь и меня здѣсь, вымри весь земной шаръ,—и она продолжала бы сіять все тою же красотою, и не было бы ей дѣла до того, что красота эта пропадаетъ даромъ, никого не радуя, никого не утѣшая.

Слабый вѣтеръ пронесся съ запада, ласково пригибая головки полевыхъ цвѣтовъ, погналъ волны по ржи и зашумѣлъ въ густыхъ липахъ сада. Меня потянуло туда, въ эту темную чащу липъ и березъ. Изъ людей я тамъ никого не встрѣчу: это—усадьба старухи-помѣщицы Ярцевой, и съ нею живетъ только ея сынъ—студентъ онъ застѣнчивъ и молчаливъ, но ему рѣдко приходится

сидѣть дома: его наперерывъ приглашаютъ къ себѣ сосѣднія помѣщицы и городскія дамы. Говорятъ, онъ замѣчательно играетъ на скрипкѣ, и его московскій учитель-профессоръ сулитъ ему великую будущность.

Я прошелъ по межѣ къ саду, перебрался черезъ заросшую крапивою канаву и покосившійся плетень. Подъ деревьями было темно и тихо; пахло влажною лѣсною травою. Липовыя аллеи перекрещивались между собою, образуя широкія куртины, засаженныя яблонями. Небо здѣсь казалось темнѣе, а звѣзды ярче и больше, чѣмъ въ полѣ. Я пошелъ по аллеѣ въ глубь сада. Вокругъ меня въ темнотѣ съ чуть-слышнымъ звономъ мелькали летучія мыши, и казалось, будто слабо-натянутыя струны звенятъ въ воздухѣ; съ деревьевъ что-то тихо сыпалось, въ травѣ, за стволами липъ, слышался смутный шорохъ и движеніе. И тутъ вездѣ была какая-то тайна и своя особая жизнь...

У перекрестка аллей, среди кустовъ бузины и шиповника, темнѣли развалины бани; груды кирпичей густо заросли крапивой, надъ ними высилась покосившаяся, готовая обрушиться кирпичная стѣна. Аллея шла, отлого спускаясь къ пруду; оттуда тянуло сыростью и запахомъ тины. Я свернулъ въ траву; лопухъ и болиголовъ, доходившіе до пояса, обдавали меня росой; сначала долго шелъ густой вишенникъ, за нимъ оказалась цѣлая роща молодыхъ осинокъ. Я прошелъ ее, перескочилъ канаву — и неожиданно вышелъ къ пруду.

На востокѣ начинало свѣтлѣть, но звѣзды надъ ивами плотины блестѣли по-прежнему ярко; внизу, подъ горою, по широкой глади пруда шелъ паръ; открытая дверь купальни странно поскрипывала въ тишинѣ. За прудомъ тянулись поля; въ росистой лощинѣ однообразно кричалъ дергачъ. „Ччи-чи! Ччи-чи!“—спокойно и увѣренно звучало въ воздухѣ. Спокойно мерцали звѣзды, спокойно молчала ночь, и все вокругъ дышало тою же увѣренною въ себѣ, нетревожною и мучительно-загадочною красотою.

Усталый, съ накипавшимъ въ душѣ глухимъ раздраженіемъ, я присѣлъ на скамейку, стоявшую подъ старыми березами у поворота тропинки. Вдругъ гдѣ-то недалеко за мною раздались звуки настраиваемой скрипки. Я съ удивленіемъ оглянулся: за кустами акацій бѣлѣлъ задъ небольшого флигеля, и звуки неслись изъ его раскрытыхъ настежъ, неосвѣщенныхъ оконъ. Значитъ, молодой Ярцевъ дома.. Музыкантъ пробѣжалъ пальцами по струнамъ и сталъ играть. Я поднялся, чтобъ уйти: грубымъ оскорбленіемъ окружающему казались мнѣ эти искусственные, человѣческіе звуки.

Я медленно подвигался впередъ, осторожно ступая по травѣ, чтобъ не хрустнулъ сучокъ, а Ярцевъ продолжалъ играть... Странная это была музыка, и сразу чувствовалась импровизація. Но что это была за импровизація! Прошло пять минутъ, десять,—а я стоялъ не шевелясь, какъ приросшій къ мѣсту, и жадно слушалъ.

Звуки лились робко, неувѣренно. Они словно искали чего-то, словно силились выразить что-то, что выразить были не въ силахъ. Не самою мелодіей приковывали они къ себѣ вниманіе,—ея, въ строгомъ смыслѣ, даже и не было,—а именно этимъ исканіемъ, томленіемъ по чемъ-то другомъ, что невольно ждалось впереди.—„Сейчасъ ужъ будетъ *настоящее*“,—думалось мнѣ. А звуки лились все такъ-же неувѣренно и сдержанно. Изрѣдка мелькнетъ въ нихъ что-то,—не мелодія, а лишь обрывокъ, намекъ на мелодію,—но до того чудную, что сердце замирало. Вотъ-вотъ, казалось, схвачена будетъ тема,—и робкіе, ищущіе звуки разольются божественно-спокойною, торжественною, неземною пѣснью. Но проходила минута, и струны начинали звенѣть сдерживаемыми рыданіями: намекъ остался непонятымъ, великая мысль, мелькнувшая на мгновеніе, исчезла безвозвратно.

Что это? Неужели нашелся кто-то, кто переживалъ теперь то же самое, что я? Сомнѣнія быть не могло: передъ *нимъ* эта ночь стояла такою же мучительною и неразрѣшимою загадкою, какъ и передо мною...

Вдругъ раздался рѣзкій, нетерпѣливый аккордъ, за нимъ другой, третій,—и бѣшеные звуки, перебивая другъ друга, бурно полились изъ-подъ смычка; какъ будто кто-то скованный яростно рванулся, стараясь разорвать цѣпи. Это было что-то совсѣмъ новое и неожиданное; и тѣмъ не менѣе чувствовалось, что именно нѣ-

что подобное и было нужно, что при прежнемъ нельзя было оставаться, потому что оно слишкомъ измучило своею безплодностью и безнадежностью... Теперь не слышно было тихихъ слезъ, не слышно было отчаянія; силою и дерзкимъ вызовомъ звучала каждая нота. И что-то продолжало отчаянно бороться, и невозможное начинало казаться возможнымъ, казалось, еще одно усиліе,—и крѣпкія цѣпи разлетятся вдребезги, и начнется какая-то великая, неравная борьба. Такою повѣяло молодостью, такою вѣрою въ себя и отвагою, что за исходъ борьбы не было страшно. — „Пускай нѣтъ надежды, — мы и самую надежду отвоюемъ!“ —казалось, говорили эти могучіе звуки.

Я стоялъ, боясь перевести дыханіе, и въ восторгѣ слушалъ. Ночь молчала и тоже прислушивалась,—чутко, удивленно прислушивалась къ этому вихрю чуждыхъ ей, страстныхъ, негодующихъ звуковъ. Поблѣднѣвшія звѣзды мигали рѣже и неувѣреннѣе; густой туманъ надъ прудомъ стоялъ неподвижно; березы замерли, поникнувъ своими плакучими вѣтвями, и все кругомъ замерло и притихло. Надъ всѣмъ властно царили несшіеся изъ флигеля звуки маленькаго, слабаго инструмента, и эти звуки, казалось, гремѣли надъ землею подобно раскатамъ грома.

Съ новымъ и страннымъ чувствомъ я оглядѣлся вокругъ. Та же ночь стояла передо мною въ своей прежней загадочной красотѣ. Но я смотрѣлъ на нее ужъ дру-

гими глазами: все окружавшее было для меня теперь лишь какъ бы прекраснымъ, беззвучнымъ акомпанементомъ къ тѣмъ боровшимся, страдавшимъ звукамъ.

Теперь все было осмыслено, все было полно глубокой, духъ захватывающей, но родной, понятной сердцу красоты; и эта человѣческая красота затмила, заслонила собою, не уничтожая, *ту* красоту, по прежнему далекую, по прежнему непонятную и недоступную.

. . . .

Въ первый разъ я воротился въ такую ночь домой счастливымъ и удовлетвореннымъ.

БЕЗЪ ДОРОГИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

20-го іюня 1892 г. С-цо Касаткипо.

Теперь ужъ три часа ночи. Въ ушахъ звучатъ еще веселые дѣвическіе голоса, сдерживаемый смѣхъ, шопотъ... Онѣ ушли, въ комнатѣ тихо; но самый воздухъ, кажется, еще дышитъ этимъ молодымъ, разжигающимъ весельемъ, и невольная улыбка просится на лицо. Я долго стоялъ у окна. Начинало свѣтать, въ темной, росистой чащѣ сада была глубокая тишина; гдѣ-то далеко, около риги, лаяли собаки... Дунулъ вѣтеръ, на вершинѣ липы обломился сухой сучокъ и, цѣпляясь за вѣтви, упалъ на дорожку аллеи; изъ-за сарая потянуло крѣпкимъ запахомъ мокраго орѣшника. Какъ хорошо! Я стою и не могу насмотрѣться; душа черезъ край переполнена какимъ-то тихимъ, безотчетнымъ счастьемъ.

И грудь вздыхаетъ радостнѣй и шире,
И вновь кого-то хочется обнять...

Кругомъ все такъ близко знакомо,—и очертанія деревьевъ, и соломеная крыша сарая, и отпряженная бочка

съ водой подъ липами. Неужели я ужъ цѣлыхъ три года не былъ здѣсь? Я какъ будто видѣлъ все это только вчера; а между тѣмъ, какъ долго шло время...

Да, мало что хорошаго вспомнишь за эти прожитые три года. Сидѣть въ своей раковинѣ, со страхомъ озираться вокругъ, видѣть опасность и сознавать, что единственное спасеніе для тебя—уничтожиться, уничтожиться тѣломъ, душою, всѣмъ, чтобъ ничего отъ тебя не осталось... Можно-ли съ этимъ жить? Невесело сознаваться, но я именно въ такомъ настроеніи прожилъ всѣ эти три года.

„Зачѣмъ я отъ времени зависѣть буду? Пускай же лучше оно зависитъ отъ меня". Мнѣ часто вспоминаются эти гордыя слова Базарова. Вотъ были люди! какъ они вѣрили въ себя! А я, кажется, настоящимъ образомъ въ одно только и вѣрю,—это именно въ неодолимую силу времени. „Зачѣмъ я отъ времени зависѣть буду!" Зачѣмъ? Оно не отвѣчаетъ; оно незамѣтно захватываетъ тебя и ведетъ, куда хочетъ; хорошо, если твой путь лежитъ туда же, а если нѣтъ? Сознавай тогда, что ты идешь не по своей волѣ, протестуй всѣмъ своимъ существомъ,—оно всетаки дѣлаетъ по своему. Я въ такомъ положеніи и находился. Время тяжелое, глухое и сумрачное со всѣхъ сторонъ охватывало меня, и я со страхомъ видѣлъ, что оно посягаетъ на самое для меня дорогое, посягаетъ на мое міросозерцаніе, на всю мою душевную жизнь... Гартманъ говоритъ, что убѣжденія

наши—плодъ „безсознательнаго“, а умомъ мы къ нимъ лишь подыскиваемъ болѣе или менѣе подходящія основанія; я чувствовалъ, что тамъ гдѣ-то, въ этомъ неуловимомъ „безсознательномъ“, шла тайная, предательская, невѣдомая мнѣ работа, и что въ одинъ прекрасный день я вдругъ окажусь во власти этого „безсознательнаго“. Мысль эта наполняла меня ужасомъ: я слишкомъ ясно видѣлъ, что правда, жизнь—все въ *моемъ* міросозерцаніи, что если я его потеряю, я потеряю все.

То, что происходило кругомъ, лишь укрѣпляло меня въ убѣжденіи, что страхъ мой не напрасенъ, что сила времени—сила страшная и не по плечу человѣку. Какимъ чудомъ могло случиться, что въ такой короткій срокъ все такъ измѣнилось? Самыя свѣтлыя имена вдругъ потускнѣли, слова самыя великія стали пошлыми и смѣшными; на смѣну вчерашнему поколѣнію явилось новое, и не вѣрилось, неужели *эти*—всего только младшіе братья вчерашнихъ? Въ литературѣ медленно, но непрерывно шло какое-то общее заворачиваніе фронта, и шло вовсе не во имя какихъ-либо новыхъ началъ,—о, нѣтъ! Дѣло было очень ясно: это было лишь ренегатство,—ренегатство общее, массовое и, что всего ужаснѣе, безсознательное. Литература тщательно оплевывала въ прошломъ все свѣтлое и хорошее, но оплевывала наивно, сама того не замѣчая, воображая, что поддерживаетъ какіе то „завѣты“; прежнее чистое знамя въ ея

рукахъ давно уже обратилось въ грязную тряпку, а она съ гордостью несла эту опозоренную ею святыню и звала къ ней читателя; съ мертвымъ сердцемъ, безъ огня и безъ вѣры, говорила она что-то, чему никто не вѣрилъ...

Я съ пристальнымъ вниманіемъ слѣдилъ за всѣми этими перемѣнами; обидно становилось за человѣка, такъ покорно и безсознательно идущаго туда, куда его гонитъ время. Но при этомъ я не могъ не видѣть и всей чудовищной уродливости моего собственнаго положенія: отчаянно стараясь стать *выше времени* (какъ будто это возможно!), недовѣрчиво встрѣчая всякое новое вѣяніе, я обрекалъ себя на мертвую неподвижность; мнѣ грозила опасность обратиться въ совершенно „обезсмысленную щепку“ когда-то „побѣдоноснаго корабля“. Путаясь все больше въ этомъ безвыходномъ противорѣчіи, заглушая въ душѣ горькое презрѣніе къ себѣ, я пришелъ, наконецъ, къ результату, о которомъ говорилъ выше: уничтожиться, уничтожиться совершенно—единственное для меня спасеніе.

Я не бичую себя, потому что тогда непремѣнно начнешь лгать и преувеличивать; но въ этомъ-то нужно сознаться, что такое настроеніе мало способствуетъ уваженію къ себѣ. Заглянешь въ душу,—такъ тамъ холодно и темно, такъ гадко-жалокъ этотъ безсильный страхъ передъ окружающимъ! И кажется тебѣ, что никто никогда не переживалъ ничего подобнаго, что

ты—какой-то странный уродъ, выброшенный на свѣтъ теперешнимъ страннымъ, неопредѣленнымъ временемъ... Ей-Богу, тяжело жить такъ. Меня спасала только работа; а работы мнѣ, какъ земскому врачу, было много, особенно въ послѣдній годъ,—работы тяжелой и отвѣтственной. Этого мнѣ и нужно было: всѣмъ существомъ отдаться дѣлу, *наркотизироваться* имъ, совершенно забыть себя,—вотъ была моя цѣль.

Теперь служба моя кончилась. Кончилась она неожиданно и довольно характерно. Почти противъ во ›› я сталъ въ земствѣ какимъ-то enfant terrible; предсѣдатель управы не могъ равнодушно слышать моего имени. Подоспѣлъ голодный тифъ; я проработалъ на эпидеміи четыре мѣсяца и въ концѣ апрѣля свалился самъ, а когда поправился... то оказалось, во мнѣ больше не нуждаются. Дѣло сложилось такъ, что я *долженъ* былъ уйти, если не хотѣлъ, чтобъ мнѣ плевали въ лицо. Саратовская исторія вовсе не единичное явленіе... Э, да что вспоминать!.. Я взялъ отставку и вотъ пріѣхалъ сюда. Забыть все это!..

Большой залъ стариннаго помѣщичьяго дома, на столѣ кипитъ самоваръ; двѣ лампы ярко освѣщаютъ накрытый ужинъ; дальше, по угламъ комнаты, почти совсѣмъ темно; подъ потолкомъ сонно гудятъ и жужжатъ стаи мухъ. Всѣ окна раскрыты настежъ, и теплая ночь смотритъ въ нихъ изъ сада, залитаго луннымъ свѣтомъ; съ рѣки слабо доносятся женскій смѣхъ и крики, плескъ воды.

Мы ходимъ съ дядей по залѣ. За эти три года онъ сильно постарѣлъ и растолстѣлъ, покряхиваетъ послѣ каждой фразы, но радушенъ и говорливъ по прежнему; онъ разсказываетъ мнѣ о видахъ на урожай, о начавшемся покосѣ. Сильная, румяная дѣвка, съ платочкомъ на головѣ и босая, внесла шипящую на сковородѣ яичницу; по дорогѣ она отстранила локтемъ полузакрытую дверь: стаи мухъ подъ потолкомъ всколыхнулись и загудѣли сильнѣе.

— А вотъ у насъ одно есть, чего у васъ нѣту,— сказалъ дядя, улыбаясь и смотря на меня своими выпуклыми, близорукими глазами.

— Что это?—спросилъ я, сдерживая улыбку.

— Мухи!

Когда я еще студентомъ пріѣзжалъ сюда на лѣто; дядя каждый разъ слово въ слово дѣлалъ это же замѣчаніе.

Тетя Софья Алексѣевна воротилась съ купанья; еще за двѣ комнаты слышенъ ея громкій голосъ, отдающій приказанія.

— Палашка! возьми простыню, повѣсь на дверь въ спальнѣ! Да зовите мальчиковъ къ ужину, где они?.. Котлеты подавайте, варенецъ, сливки съ погреба... Скорѣй!.. Гдѣ Аринка?.. А, яичницу уже подали!—проговорила она, торопливо входя и садясь къ самовару.— Ну, господа, чего же вы ждете? Хотите, чтобъ остыла яичница? Садитесь!

Софья Алексѣевна одѣта въ старую синюю блузу, ея лицо сильно загорѣло, и все-таки она всѣмъ своимъ обликомъ очень напоминаетъ французскую маркизу прошлаго столѣтія; ея посѣдѣвшіе волосы, пушистой каймою окружающіе круглое лицо, выглядятъ какъ напудренные.

— А какъ-же? развѣ безъ барышень можно?—спросилъ дядя.

— Можно, можно! Пускай не опаздываютъ!

— Нѣтъ, это нельзя. Какъ же ты насъ заставляешь нарушить рыцарскій кодексъ?

— Да ну, будетъ тебѣ! Вѣдь Митя голоденъ съ дороги. Тоже—рыцарь! — сказала Софья Алексѣевна съ чуть замѣтной усмѣшкой.

— Ну, нечего дѣлать: приказано, такъ надо слушаться. Что жъ, сядемъ, Дмитрій? Вотъ выпьемъ водочки—и за яичницу примемся.

Онъ поставилъ рядомъ двѣ рюмки и сталъ наливать въ нихъ изъ графинчика полыновку.

— А какъ водка будетъ по-латыни—aqua vitae?—спросилъ онъ.

— Да.

— Гмъ! „Вода жизни“... Дядя нѣсколько времени въ раздумьѣ смотрѣлъ на наполненныя рюмки. — А вѣдь остроумно придумано! — сказалъ онъ, вскидывая на меня глазами, и засмѣялся дребезжащимъ смѣхомъ.— Ну, будь здоровъ!

Мы чокнулись, выпили и принялись за ѣду.

— Гдѣ же, однако, барышни наши? — спросилъ дядя, съ аппетитомъ пережевывая яичницу.—Я безпокоюсь.

— Ѣшь яичницу и не безпокойся. Барышни наши ужъ выкупались,—отвѣтила тетя.

Въ саду подъ окнами раздались голоса, стеклянная дверь балкона звякнула и распахнулась.

— Ну, вотъ тебѣ и барышни наши: слава Богу, за полверсты слышно.

Онѣ шумно вошли въ залу. Лица ихъ послѣ купанья свѣжи и оживленны; темные волосы Наташи влажны, и она длиннымъ покрываломъ распустила ихъ по спинѣ. Дядя увидѣлъ это и пришелъ яко-бы въ негодованіе.

— Наташа, что это значитъ, что у тебя волосы распущены?

— Я ныряла,—быстро отвѣтила она, садясь къ столу.

— Такъ что-жъ такое?

— Соня, передай ветчину... Ну, такъ вотъ нужно, чтобъ волосы просохли.

— Зачѣмъ это нужно?—изумленно спросилъ дядя, юмористически подымая брови.—Нѣтъ, взрослымъ дѣвицамъ вовсе не подобаетъ ходить съ распущенными волосами!—послѣ нѣкотораго молчанія сказалъ онъ, качая головой.

Но поученіе его пропало даромъ; всѣ были заняты

ѣдой и, удерживаясь отъ смѣха, трунили по поводу чего-то надъ Лидой. Лида краснѣла и хмурилась, но когда Соня, проговоривъ: „спасайся, кто можетъ!“, вдругъ прорвалась хохотомъ, то и Лида разсмѣялась.

— Что это вы, Лида, въ большой опасности находились?—вполголоса спросилъ я, невольно и самъ улыбаясь.

Наташа быстро взглянула на меня и незамѣтно повела взглядомъ на отца: значитъ, здѣсь тайна какая-то, которую мнѣ объяснятъ потомъ.

— А чтожъ ты, Дмитрій, макаронъ къ котлетамъ не взялъ?—спохватился дядя.—Дай, я тебѣ положу.

Онъ наложилъ мнѣ въ тарелку макаронъ.

— У итальянцевъ макароны—самое любимое кушанье,—сообщилъ онъ мнѣ.

Очень радушный хозяинъ дядя, но, признаться сказать, скучновато сидѣть между „большими“, и право, я давно знаю, что итальянцы любятъ макароны.

Пришли и мальчики. Миша, — пятнадцатилѣтній сильный парень съ мрачнымъ, насупленнымъ лицомъ,—молча сѣлъ и сейчасъ-же принялся за яичницу. Петька двумя годами моложе его и на классъ старше; это крѣпышъ невысокаго роста, съ большой головой; онъ пришелъ съ книгой, сѣлъ къ столу и, подперевъ скулы кулаками, сталъ читать.

— Ну, Митечка, разсказывай-же, что ты это время подѣлывалъ,— сказала Софья Алексѣевна, кладя мнѣ руку на локоть.

Наташа подняла-было голову и въ ожиданіи устремила на меня глаза. Но мнѣ такъ не хотѣлось разсказывать...

— Ей-Богу, тетя, ничего нѣтъ интереснаго: служилъ, лечилъ,—вотъ и все... А скажите,—я сейчасъ черезъ Шеметово ѣхалъ,—кто это тамъ за околицей новую мельницу поставилъ?

— Да это-же Устинъ нашъ, развѣ ты не зналъ? Какъ-же, какъ-же! Ужъ второй годъ работаетъ мельница...

И начался длинный рядъ деревенскихъ новостей. Въ залѣ уютно, старинные, засиженные мухами часы мѣрно тикаютъ, въ окна свѣтитъ мѣсяцъ... Тихо и хорошо на душѣ. Всѣ эти дѣвчурки-подростки стали теперь взрослыми дѣвушками; какія у нихъ славныя лица! Что-то представляетъ собою моя прежняя „дѣвичья команда"? Такъ называла ихъ всѣхъ Софья Алексѣевна, когда я студентомъ пріѣзжалъ сюда на лѣто...

Съ конца стола раздался какой-то невообразимый ревъ, отъ котораго всѣ вздрогнули.

— Что такое?!—грозно крикнула тетя.—Кто это тамъ?

— Это—я!—торжественно объявилъ Петька.

— Ну, конечно, такъ и есть: кому-же еще? Я тебѣ, дрянь—мальчишка!

— Это я читать кончилъ,—объяснилъ Петька.

Дядя поднялъ голову и, словно только-что проснулся, повелъ кругомъ глазами.

— Э... э... Что это?—спросилъ онъ, покряхивая.—Должно быть Петька опять дикіе звуки испускаетъ, а?

Ему никто не отвѣтилъ. Онъ крякнулъ и подложилъ себѣ въ чай сахару. Петька сидѣлъ, немилосердно развалясь на стулѣ, и широко ухмылялся.

— Крикъ могучій, крикъ пернатый... я въ своемъ сердцѣ ощутилъ... Крикъ ужасный, крикъ... неясный... я изъ себя испустилъ... Кхе-кхе-кхе! Какъ хорошо вышло!

И совершенно довольный, Петька придвинулъ къ себѣ тарелку и сталъ накладывать творогу. Кругомъ смѣялись, а онъ старательно разминалъ ложкою творогъ съ сахаромъ, какъ будто не о немъ совсѣмъ шло дѣло.

Чай отпили.

— А что, Вѣра Николаевна, усладите вы сегодня нашъ слухъ своею музыкой?—спросилъ дядя.

Вѣра, племянница Софьи Алексѣевны,—стройная, худощавая блондинка съ матово-блѣднымъ лицомъ и добрыми глазами; она собирается осенью ѣхать въ консерваторію, и, говорятъ, у нея, дѣйствительно, есть талантъ.

— Да, да, Вѣра!—сказалъ я.—Сыграйте-ка что-нибудь послѣ ужина: я въ Пожарскѣ столько слышалъ о вашемъ талантѣ.

Вѣра встрепенулась.

— Ахъ, Господи! Митя, я вамъ напередъ говорю:

если вы такія вещи говорить будете, я н-ни за что не стану играть!

— Да не безпокойтесь, пожалуйста, я вотъ сначала послушаю. Очень можетъ быть, что послѣ этого и не стану говорить.

Дядя засмѣялся и всталъ изъ-за стола.

— Ну, кажется, всѣ ужъ кончили. Докажите ему, Вѣра Николаевна, что и Пожарскъ можетъ собственныхъ Невтоновъ рождать!

Всѣ перешли въ гостиную. Вѣра сѣла за рояль, быстро пробѣжала рукой по клавишамъ и съ размаху сильно ударила пальцемъ въ серединѣ клавіатуры.

— Что же вамъ сыграть?—спросила она, повернувъ ко мнѣ голову.

— Это всегда такъ знаменитыя музыкантши начинаютъ! — почтительно произнесъ Петька, ткнувъ указательнымъ пальцемъ въ Вѣринъ палецъ, нажимавшій клавишу.

— Да ну, Петя, будетъ!—разсмѣялась она, стряхивая его руку.

Тетя отогнала Петьку отъ рояля.

Я попросилъ играть Бетховена. Наташа широко распахнула двери балкона; изъ сада потянуло росой и запахомъ душистаго тополя; въ акаціи щелкалъ запоздалый соловей, и его пѣсня покрылась громкими, дико-оригинальными бетховенскими аккордами. Въ залѣ, при свѣтѣ маленькой лампочки, убирали чай. Дядя сопѣлъ на диванѣ и слушалъ, выкативъ глаза.

Я мало понимаю въ музыкѣ: я даже не могъ бы сказать, горе или радость выражены въ сонатѣ, которую играла Вѣра; но что-то накипаетъ на сердцѣ отъ этихъ чудныхъ, непонятныхъ звуковъ и хорошо становится... Вспоминается прошлое; многое въ немъ кажется теперь чуждымъ и страннымъ, какъ будто это другой кто жилъ за тебя. Я мучился тѣмъ, что нѣтъ во мнѣ живого огня, я работалъ, горько смѣясь въ душѣ надъ самимъ собою... Да полно, правъ-ли я былъ? Всѣ жили спокойно и счастливо, а я ушелъ туда, гдѣ много горя, много нужды и такъ мало поддержки и помощи; знаютъ-ли они о тѣхъ лишеніяхъ, тѣхъ нравственныхъ мукахъ, которыя мнѣ приходилось тамъ терпѣть? А я для этого сознательно отказался отъ довольной и обезпеченной жизни... И принесъ я съ собою оттуда лишь одно,—неизлѣчимую болѣзнь, которая сведетъ меня въ могилу.

Вѣра играла. Ея блѣдное лицо смотрѣло сосредоточенно, только въ углахъ губъ дрожала лукавая улыбка; пальцы тонкихъ, красивыхъ рукъ быстро бѣгали по клавишамъ... О, да! теперь бы и я могъ увѣренно сказать: сколько задорнаго, молодого счастія въ этихъ звукахъ! Они знать не хотятъ никакого горя: чудно-хороша жизнь, вся она дышитъ красотою и радостью; къ чему же выдумывать себѣ какія-то муки?.. Вершины тополей, освѣщенныя мѣсяцемъ, каждымъ листикомъ вырисовывались въ прозрачномъ воздухѣ; за рѣкою, на склонѣ горы, темнѣли дубовые кусты, дальше тянулись поля, окутанныя

серебристымъ сумракомъ. Хорошо тамъ теперь... Дядя по-прежнему сопѣлъ, понуривъ голову. Дремлетъ-ли онъ или слушаетъ?

Ко мнѣ неслышно подошла Наташа.

— Митя, пойдемъ мы сегодня гулять? — шопотомъ спросила она, близко наклонившись и блестя глазами.

— Конечно!—тихо отвѣтилъ я.—А что, вамъ еще и теперь не позволяютъ гулять по вечерамъ?

Наташа съ улыбкой наклонила голову, указала взглядомъ на отца и отошла.

Пальцы Вѣры съ невозможною быстротою бѣгали по клавишамъ; бѣшено-веселые звуки крутились, словно въ вихрѣ, захватывали и шаловливо уносили куда-то. Хотѣлось смѣяться, смѣяться безъ конца и дурачиться, и радоваться тому, что и ты молодъ... Раздались громовые заключительные аккорды. Вѣра опустила крышку рояля и быстро встала.

— Славно, Вѣра, ей-Богу славно!—воскликнулъ я, обѣими руками крѣпко пожимая ея руки и любуясь ея счастливо-улыбавшимся лицомъ.

Дядя поднялся съ дивана и подошелъ къ намъ.

— Вѣра Николаевна своей музыкой, какъ Орфей въ аду... укрощаетъ камни...—любезно сказалъ онъ.

— Именно, именно,—камни укрощаетъ!—съ какимъ-то мальчишескимъ чувствомъ подхватилъ я.— За вашу музыку я васъ сегодня гулять съ собой возьму,—шутливо шепнулъ я ей.

— Благодарю!—отвѣтила она улыбаясь.

Дядя зѣвнулъ и вынулъ часы.

— Ого! ужъ скоро одиннадцать!.. Пора и па боковую, какъ ты думаешь, Дмитрій? Въ деревнѣ всегда падо рано ложиться и рано вставать. Покойной ночи!.. Какъ это?.. э... э... Leben sie wohl, essen sie Kohl, trinken sie Bier, lieben sie mir!.. Ххе-хе-хе-хе?—Дядя засмѣялся и протянулъ мнѣ руку.—Нѣмцы безъ *бира* никогда не обойдутся!

Онъ простился и ушелъ. Я сталъ перелистывать лежавшую на столѣ „Ниву"; остальные тоже дѣлали видъ, что чѣмъ-то заняты. Тетя окинула всѣхъ насъ взглядомъ и засмѣялась.

— Ну, Митя, вы, я вижу, гулять собираетесь! — сказала она, лукаво грозя пальцемъ.

Я расхохотался и захлопнулъ „Ниву".

— Тетя, посмотрите, какая ночь!

— Да, Митечка, вѣдь ты же больше сутокъ въ дорогѣ былъ! Ну, гдѣ тебѣ еще гулять?

— Рѣчь тутъ не обо мнѣ, тетя...

— Сталъ ты докторомъ, а право, все такой же, какъ прежде...

— Ну, значитъ, позволяете! — заключилъ я. — А мальчиковъ можно съ собой взять?

— Э, да ужъ идите всѣ! — махнула она рукой. — Только, господа, потише, чтобъ папка не слышалъ, а то буря будетъ... Я велю вамъ въ залѣ крынку молока оста-

вить: можетъ быть, проголодаетесь... Прощайте! Счастливаго пути!

Мы спустились въ садъ.

— Ну, что же, господа, на лодкѣ поѣдемъ?—шопотомъ спросилъ я.

— Конечно, на лодкѣ!.. Въ Греково,—быстро сказала Наташа. — Ахъ, Митя, ночь какая! Прогуляемъ сегодня до утра?

Всѣ были какъ-то особенно оживлены,—даже полная, сонливая Соня, старшая сестра Наташи. Мы свернули въ темную боковую аллею; въ ней пахло сыростью, и свѣтъ мѣсяца еле пробивался сквозь густую листву акацій.

— Вотъ, Митя, потѣха была сегодня!—смѣясь, заговорила Наташа. — Выкупались мы передъ ужиномъ и переѣхали въ лодкѣ на ту сторону; возвратились назадъ,—я весла выбросила на берегъ, выпрыгнула сама и нечаянно ногою оттолкнула лодку. Лида сидѣла на кормѣ,—вдругъ какъ вскочитъ: „Ахъ, Господи-Батюшка! Спасайся, кто можетъ!" — и, какъ была, одѣтая, — въ воду!

— Я испугалась: какъ бы мы безъ веселъ къ берегу подъѣхали?—краснѣя, стала оправдываться Лида (сестра Вѣры).

Странная какая-то эта Лида: молчаливая и застѣнчивая, она краснѣетъ при самомъ незначительномъ обращенномъ къ ней словѣ.

— И вся, вся замочилась, выше пояса! — хохотала

Наташа. — Пришлось сбѣгать домой, принести ей сухое платье.

— „Спасайся, кто можетъ!“ Ххо-ххо-ххо! — въ восторгѣ засмѣялся Петька и обѣими руками крѣпко обнялъ Лиду за талію.

— Да ну, Петька, пошелъ прочь! — съ досадою сказала Лида. — Вѣшается ко всѣмъ!

— Ахъ, Лида, Лида! за что ты меня ожесточаешь? — меланхолически произнесъ Петька. — Если бы ты могла знать чувства мужского сердца!

— Ну, Петька! шутъ! — лѣниво засмѣялась Соня.

Аллея кончалась калиточкой. За нею по косогору спускалась къ рѣкѣ узкая тропинка. Наташа неожиданно положила руки на плечи Вѣры и вмѣстѣ съ нею быстро побѣжала подъ-гору.

— Ай!.. Ната-а-аша!! — закричала Вѣра, испуганно смѣясь и стараясь остановиться. Петька помчался слѣдомъ за ними.

Когда мы сошли къ рѣкѣ, Вѣра, совершенно обезсилѣвшая отъ смѣха и усталости, сидѣла на лавочкѣ подъ черемухой и, свѣсивъ голову, громко, протяжно охала: Петька сидѣлъ рядомъ и тоже старательно охалъ.

— Да ну, Петя... Ради Бога!.. Охъ! — стонала она, хватаясь за грудь. — Будетъ!.. Охъ, не могу!.. О-о-охъ!

— Оо-хъ! — вторилъ Петька.

Вѣра морщилась и безсильно махала руками и все-таки смѣялась.

— Ну, Вѣрка! размякла совсѣмъ!—презрительно сказала Наташа, стоя на кормѣ лодки.—Настоящая рыба!

— Господа! Вѣдь насъ не только въ домѣ, а и въ Санинѣ слышно,—запротестовалъ я.

— Ну, садитесь скорѣй въ лодку, а то мы одни уѣдемъ!—крикнула Наташа.

— О-охъ, Наташа, Наташа!—вздохнула Вѣра, поднимаясь и еле бредя къ лодкѣ.—Что ты со мною дѣлаешь!

— Да ну же, садитесь скорѣй!—повторила Наташа, нетерпѣливо раскачивая лодку.

Мы съ Мишей сѣли за весла; Вѣра, Соня, Лида и Петька размѣстились въ серединѣ, Наташа у руля. Лодка, описавъ полукругъ, выплыла на середину неподвижной рѣки; купальня медленно отошла назадъ и скрылась за выступомъ. На горѣ темнѣлъ садъ, который теперь казался еще гуще, чѣмъ днемъ, а по ту сторону рѣки, надъ лугомъ, высоко въ небѣ стоялъ мѣсяцъ, окруженный нѣжно-синею каймою.

Лодка шла быстро; вода журчала подъ носомъ; не хотѣлось говорить, отдавшись здоровому ощущенію мускульной работы и тишинѣ ночи. Межъ деревьевъ всѣмъ широкимъ фасадомъ выглянулъ домъ съ бѣлыми колоннами балкона; окна вездѣ были темны: всѣ ужъ спятъ. Слѣва выдвинулись липы и снова скрыли домъ. Садъ исчезъ назади; по обѣ стороны тянулись луга; берегъ черною полосою отражался въ водѣ, а дальше по рѣкѣ игралъ мѣсяцъ.

— Ахъ, какая чудная луна! — томно вздохнула Вѣра.

Соня засмѣялась.

— Вотъ смотри, Митя, она всегда такая: просто не можетъ равнодушно видѣть мѣсяца. Разъ мы съ нею шли въ Пожарскѣ черезъ мостъ; на небѣ луна,—тусклая, ничего хорошаго; а Вѣра смотритъ: „ахъ, великолѣпная луна!..“ Такая сантиментальная!

— Сантиментальная! А вотъ Наташа только что говорила, что я—рыба. Развѣ рыбы бываютъ сантиментальныя? — спросила Вѣра съ своею медленною и доброю улыбкою.

— Отчего жъ нѣтъ? Высунула рыба носъ изъ воды, смотритъ на луну: „ахъ, ахъ!—великолѣпная луна!“

Соня съострила неожиданно для самой себя и залилась смѣхомъ. Я сложилъ весла и передохнулъ.

— Господа! давайте голоса ночи слушать,— предложила Наташа.—Митя, брось весла.

Лодка медленно проплыла нѣсколько аршинъ, постепенно заворачивая въ бокъ, и, наконецъ, остановилась. Всѣ притихли. Двѣ волны ударились о берега, и поверхность рѣки замерла. Съ луга тянуло запахомъ влажнаго сѣна; въ Санинѣ лаяли собаки. Гдѣ-то далеко заржала лошадь въ ночномъ. Мѣсяцъ слабо дрожалъ въ синей водѣ; по поверхности рѣки расходились круги. Лодка повернулась бокомъ и совсѣмъ приблизилась къ берегу. Дунулъ вѣтеръ и слабо зашелестилъ въ осокѣ; гдѣ-то въ травѣ вдругъ забилась муха.

Я закурилъ папиросу и сталъ держать горящую спичку надъ водой. Изъ черной глубины быстро вынырнула рыба, оторопѣло уставилась на огонь выпученными глупыми глазами и, вильнувъ хвостомъ, юркнула назадъ. Всѣ разсмѣялись.

— Какъ Вѣра на луну! — сказала Лида, лукаво подрогнувъ бровью. Всѣ засмѣялись сильнѣе, а Лида покраснѣла.

— Ну, господа, дальше можно ѣхать, — сумрачно проговорилъ Миша, все время зѣвавшій. Онъ снова взялся за весла.

Наташа перебралась съ кормы на середину лодки.

— Митя, разскажи, за что тебя со службы выгнали, — сказала она, съ какою-то дѣтскою ласкою заглядывая мнѣ въ глаза.

— За что выгнали? О, голубушка, это исторія долгая...

— Ну, все-таки разскажи!..

Я сталъ разсказывать. Всѣ тѣснѣе сдвинулись вокругъ меня. Между прочимъ, разсказалъ я и о своей первой стычкѣ съ предсѣдателемъ, послѣ которой я изъ „преданнаго своему дѣлу врача“ превратился въ „наглаго и неотесаннаго фрондера“: пріѣхавъ въ деревню, гдѣ былъ мой пунктъ, принципалъ прислалъ мнѣ слѣдующую *собственноручную* записку: „Предсѣдатель управы желаетъ видѣть земскаго врача Чеканова; обѣдаетъ у князя Серпуховского“. Ну, я ему на обратной

сторонѣ его записки отвѣтилъ: „Земскій врачъ Чекановъ не желаетъ видѣть предсѣдателя управы и обѣдаетъ у себя дома".

Всѣ разсмѣялись.

— Что же онъ?—быстро спросила Наташа.

— Да ничего. Отвѣта моего онъ никому не могъ показать, потому что тогда бы прочли и его письмо; ну, а такъ врачу не пишутъ.

— Я не понимаю, Митя, какъ можно было такъ отвѣтить,—сказала Вѣра. —Вѣдь онъ же вашъ начальникъ?

— Дъ ну, Вѣра! всегда вотъ такая! —нетерпѣливо повела Наташа плечами. — Такъ что жъ такое?

— Какъ—что жъ такое? Вотъ изъ-за этого Митя потерялъ мѣсто. Хорошо еще, что онъ неженатый человѣкъ.

— Голубушка Вѣра! и женатые отказывались отъ мѣстъ,—сказалъ я.—Читали вы въ газетахъ о саратовской исторіи? Всѣ, какъ одинъ человѣкъ, отказались. А нужно знать, какіе это все горькіе бѣдняки были, многіе съ семьями,—подумать жутко!

Мы нѣсколько времени плыли молча.

— Свобода вѣроисповѣданія...—произнесъ вдругъ Петька.

— Къ чему ты это сказалъ?—съ усмѣшкою спросила Соня.

Петька помолчалъ.

— Къ чему я это, правда, сказалъ?—проговорилъ

онъ съ недоумѣвающей улыбкой. — А все-таки есть смыслъ.

— Какой же?

— Го-го!.. Какой!.. Свобода вѣроисповѣданія,— изъ-за нея въ средніе вѣка сколько войнъ происходило.

— Ну, такъ что жъ?

— Ну, такъ вотъ.

Я снова сѣлъ за весла. Лодка пошла быстрѣе. Наташа какъ-то лихорадочно оживилась; она вдругъ охватила обѣими руками Вѣру и, хохоча, стала душить ее поцѣлуями. Вѣра вскрикнула, лодка накренилась и чуть не зачерпнула воды. Всѣ сердито напали на Наташу; она, смѣясь, сѣла къ кормѣ и взялась за руль.

— Господи, вотъ сумасшедшая дѣвчонка! Я такъ испугалась,—говорила Вѣра, оправляя прическу.

— Скорѣй, господа, скорѣй гребите! — торопила Наташа, откидывая свои распущенные волосы за спину.

Лодка вдругъ съ шуршащимъ шумомъ врѣзалась въ тростникъ; насъ обдало острымъ запахомъ аира, его початки закачались и раздались въ стороны.

— Сильнѣй гребите, сильнѣй!—смѣялась Наташа, нетерпѣливо топая ногами. Весла путались въ упругихъ корняхъ аира; лодка медленно двигалась впередъ, окруженная сплошною стѣною мясистыхъ, острыхъ, какъ иглы, стеблей.—Ну, вотъ, пріѣхали! Вылѣзайте!

— Спорить трудно: дѣйствительно, пріѣхали!—засмѣялся я.

Вѣра переглянулась съ Лидой.

— Одн-нако! довольно-таки по-суворовски!—сказала она поднимаясь.

— Ничего! Суворовъ былъ умный человѣкъ. Вылѣзай! Я васъ въ грековской рощѣ ужиномъ накормлю.

— Да, если такъ, то... Ай, Наташа, осторожнѣе! Не качай лодку!

Мы вышли на берегъ. Спускъ весь заросъ лознякомъ и ракитникомъ. Приходилось прокладывать дорогу сквозь чащу. Миша и Соня недовольно ворчали на Наташу; Вѣра шла покорно и только охала, когда оступалась о пенекъ или тянувшуюся по землѣ вѣтку. Петька зато былъ совершенно доволенъ: онъ продирался сквозь кусты куда-то въ сторону, вдоль рѣки, съ величайшимъ удовольствіемъ падалъ, опять поднимался и уходилъ все дальше.

— Не стоните: тутъ сейчасъ тропинка должна быть,—сказала Наташа.

Она остановилась и, подобравши волосы, широкимъ узломъ завязала ихъ на затылкѣ.

— Ахъ, Митя, если бы ты зналъ, какъ я рада, что ты пріѣхалъ!—вдругъ вполголоса сказала она, съ быстрой, радостной улыбкой взглянувъ на меня изъ-подъ поднятой руки.

— Эй, вы... акаѳисты!—донесся изъ-за кустовъ голосъ Петьки.—Идите сюда: тропинка!

— Ну, слава Богу!—облегченно вздохнула Соня, и всѣ повернули на голосъ.

Мы поднялись по тропинкѣ наверхъ. Надъ обрывомъ высились три молодыхъ дубка, а дальше безъ конца тянулась во всѣ стороны созрѣвавшая рожь. Такъ и пахнуло въ лицо тепломъ и просторомъ. Сзади внизу слабо дымилась неподвижная рѣка.

— Охъ, устала, — проговорила Вѣра, опускаясь на траву.—Господа, я не могу дальше итти, нужно отдохнуть... Охъ! Садитесь!..

— Фу-ты, безобразіе! Какъ старуха, охаетъ!—сказала Наташа.—Сколько разъ ты сегодня охнула?

— Старость приходитъ, о-охъ!..—вздохнула Вѣра и засмѣялась.

Опершись на локоть, она закинула голову кверху и стала смотрѣть въ небо. Мы всѣ тоже сѣли. Наташа стояла на самомъ краю обрыва и смотрѣла на рѣку.

Вѣтеръ слабо дулъ съ запада; кругомъ медленно, словно въ дремотѣ, съ чуть слышнымъ ропотомъ волновалась рожь. Наташа повернулась и подставила лицо навстрѣчу вѣтру.

— Господи!.. Наташа, смотри, гдѣ ты стоишь!—испуганно вскрикнула Вѣра.

Край обрыва надтреснулъ, и Наташа стояла на земляной глыбѣ, нависшей надъ берегомъ. Наташа медленно взглянула подъ ноги, потомъ на Вѣру; задорный бѣсенокъ такъ и глянулъ изъ ея глазъ. Она качнулась, и глыба подъ нею дрогнула.

— Наташа, да сойди же сію минуту!—волновалась Вѣра.

— Ну, Вѣрка, не сантиментальничай! —засмѣялась Наташа, раскачиваясь на колыхавшейся глыбѣ.

— Ахъ, Господи, бѣшеная дѣвчонка!... Наташа, ну, ради Бо-ога!..

— Наташа, да ты вправду съ ума сошла! — воскликнулъ я, подымаясь. Но въ это время глыба сорвалась, и Наташа вмѣстѣ съ нею рухнула внизъ. Вѣра и Соня истерически вскрикнули. Внизу затрещали кусты. Я бросился туда.

Наташа, оправляя платье, быстро выходила изъ кустовъ на тропинку. Одна щека ея разгорѣлась, глаза ярко блестѣли.

— Ну, можно ли, Наташа, такъ?!. Что ты? больно ушиблась?

— Да ничего же, Митя, что ты?—отвѣтила она, вспыхнувъ.

— Не можетъ быть ничего: съ эдакой высоты!.. Эхъ, Наташа! если ушиблась, такъ скажи же.

— Ахъ, Митя, какой ты чудакъ! — разсмѣялась она.—Ну, что это—изъ-за каждаго пустяка такую тревогу подымать!

Она быстро стала подниматься по тропинкѣ наверхъ.

— Это Богъ знаетъ, что такое!—сердито встрѣтила ее Соня.—Право, вѣдь всему мѣра есть. Эдакая глупость!.. Не доставало, чтобы ты себѣ сломала ногу.

Наташа широко раскрыла глаза.

— Кому до этого дѣло?—медленно спросила она.

— Ахъ, Господи!—всплеснула Вѣра руками.—Вотъ меня всегда въ такихъ случаяхъ возмущаетъ Наташа!.. „Кому дѣло“! Папѣ и мамѣ твоимъ дѣло, намъ всѣмъ дѣло!.. Какъ это такъ всегда, постоянно и постоянно о себѣ одной думать?!

— Всегда, постоянно и постоянно...—благоговѣйно повторилъ Петька и задумался, словно стараясь вникнуть въ глубокій смыслъ этихъ словъ.

— Ну, ну! *Просто* — постоянно! — улыбнулась Вѣра.

— Всегда—постоянно и постоянно! — захихикалъ Петька.—Какъ хорошо выходитъ: всегда... постоянно... и постоянно!

— Ну, господа, довольно сидѣть! Идемъ дальше!—сказала Наташа.—Вотъ такъ, прямо черезъ рожь, всего полверсты будетъ до рощи.

— О, Петя, Петя! всегда-то ты меня обижаешь!—вздохнула Вѣра, опираясь о его плечо и поднимаясь.

Мы пошли черезъ рожь по широкой межѣ, заросшей полынью и полевой рябинкой.

— Вотъ и дома тоже: когда я разсержусь, я начинаю говорить очень неправильно,—сказала Вѣра.—И мальчики сейчасъ этимъ пользуются.

— Вѣра, неужели вы тоже умѣете сердиться?—удивленно спросилъ я.

— О, да еще какъ!—улыбнулась она.—Только мальчики совсѣмъ не боятся. Я заговорюсь, скажу что-ни-

будь,—они сейчасъ подхватятъ, я и разсмѣюсь. Особенно Саша,—онъ такой остроумный; и у него совсѣмъ какой-то особенный юморъ.

Вѣра начала разсказывать о своихъ братьяхъ. Знала она ихъ удивительно: столько въ ея разсказахъ сказалось наблюдательности, столько любви и тонкаго психологическаго чутья, что я слушалъ съ дѣйствительнымъ интересомъ. Остальные зато довольно недвусмысленно выражали желаніе перемѣнить разговоръ.

— Ну, ну, я сейчасъ кончу!—торопливо возражала Вѣра и продолжала разсказывать безъ конца.

Вдругъ въ темнотѣ раздался звонкій подзатыльникъ, что-то охнуло, и Петька кубаремъ покатился въ рожь.

— Дуракъ!—послышалось изо ржи.

— Я тебѣ еще не такъ влѣплю, дрянь!—гнѣвно крикнулъ Миша.

Петька вышелъ на межу и сталъ счищать съ себя пыль.

— Думаетъ, что сильнѣе, старшій братецъ, такъ можетъ, что хочетъ, дѣлать!—сердился онъ.

— Да въ чемъ дѣло? Миша, за что ты его?—спросила Соня.

— Чортъ знаетъ, что такое! Иду,—вдругъ онъ меня за носъ хватаетъ!.. Попробуй-ка еще разъ!

— А я почемъ зналъ, что это твой носъ? ты бы сказалъ. А то я вижу, морква какая-то торчитъ,—длинная, мокрая... Мнѣ, конечно, интересно.

— Глупо-съ, Петенька!—ядовито замѣтилъ Миша.

— Склизкая такая, холодная...

Кругомъ смѣялись. Петька былъ отомщенъ.

— Шутъ гороховый! — презрительно процѣдилъ Миша.

— Оо-о-хо-хо!—глубоко вздохнулъ Петька, поправилъ на себѣ брюки и оглядѣлся по сторонамъ.—У Наташи въ глазахъ двѣ курсистки сидятъ,—объявилъ онъ.—Въ каждомъ глазу по курсисткѣ: одна въ очкахъ, другая безъ очковъ.

- Ну, оставь, Петя!—недовольно остановила Наташа.

— А ты развѣ на курсы собираешься?—быстро спросилъ я.

— Н-нѣтъ... не знаю,—отвѣтила она и взглянула впередъ.—Вонъ она, грековская роща!

Средь свѣтлой ржи, отлого тянувшейся внизъ, широкою, неправильною полосою вилась грековская лощина; на склонѣ ея, вся залитая луннымъ свѣтомъ, темнѣла небольшая осиновая роща.

Лощинка была уже выкошена. Ручей, густо заросшій тростникомъ и рѣзикой, сонно журчалъ въ темнотѣ; подъ обрывомъ близъ омута что-то однообразно, чуть слышно пищало въ водѣ. Изъ глубины лощины тянуло влажнымъ, пахучимъ холодкомъ.

Мы перебрались черезъ ручей и вошли въ рощу. Въ серединѣ ея была сажалка, вся сплошь зацвѣтшая. На-

таша спустилась къ самому ея берегу и изъ глубины развѣсистаго липоваго куста достала небольшой холстинковый мѣшечекъ.

— Господа, костеръ нужно будетъ разводить! Вотъ вамъ ужинъ, — съ торжествомъ заявила она.

Въ мѣшечкѣ оказалось десятка три сырыхъ картофелинъ, четыре ржаныхъ лепешки и соль. Всѣ расхохотались.

— Откуда это у тебя тутъ?

— Очень просто: я часто хожу сюда читать; проголодаюсь,—разведу костеръ, спеку картофелю и позавтракаю.

— Ге-ге-ге! это нужно впередъ знать, — сказалъ Петька, почесавъ за ухомъ.

Всѣ разсыпались по рощѣ, ломая для костра нижніе, сухіе сучья осинъ. Роща огласилась трескомъ, говоромъ и смѣхомъ. Сучья стаскивались къ берегу сажалки, гдѣ Вѣра и Соня разводили костеръ. Огонь весело запрыгалъ по трещавшимъ сучьямъ, освѣщая кусты и нижнія вѣтви ближайшихъ осинъ; между вершинами синѣло темное, звѣздное небо; съ костра вмѣстѣ съ дымомъ срывались искры и гасли далеко вверху. Вѣра отгребла въ сторону горячій уголь и положила въ него картофелины.

Сначала всѣ шутили и смѣялись, потомъ примолкли. Костеръ догоралъ, все было съѣдено. Петька, положивъ вихрастую голову на колѣни Вѣры, задремалъ; она съ какою-то материнскою заботливостью укутала его сво-

имъ платкомъ и сидѣла не шевелясь. И опять, какъ тогда за роялемъ, ея лицо стало красиво и одухотворенно.

Мы долго сидѣли у костра; подъ пепломъ бѣгали огненыя змѣйки; листья осинъ слабо шумѣли надъ головой. Я разсказывалъ о своей службѣ, о голодѣ и голодномъ тифѣ, о томъ, какъ жалко было при этомъ положеніе насъ, врачей: требовалось лишь одно,—кормить получше кормить здоровыхъ, чтобъ сдѣлать ихъ болѣе устойчивыми противъ зараженія; но пособій едва хватало на то, чтобъ не дать имъ умереть съ голоду. И вотъ одного за другимъ валила страшная болѣзнь, а мы безпомощно стояли передъ нею съ своими ненужными лекарствами... Вѣра сидѣла, задумчиво глядя на лицо спящаго Петьки; кажется, она мало слушала: мысли ея были далеко, въ Пожарскѣ, и она думала о своихъ братьяхъ.

Наконецъ, мы собрались домой. Мѣсяцъ уже давно сѣлъ, на востокѣ появилась свѣтлая полоска; лощина тонула въ бѣломъ туманѣ, и становилось холодно. Было поздно: приходилось возвращаться домой по самой короткой дорогѣ; Наташа взялась сходить завтра утромъ за лодкой и пригнать ее домой. Мы поднялись на гору, прошли черезъ рожь, потомъ долго шли по пару и вышли, наконецъ, на торную дорогу; круто обогнувъ крестьянскіе овсы, она мимо березовой рощи спускалась внизъ къ Большому Лугу. Весь лугъ былъ покрытъ гус-

тымъ туманомъ, и передъ нами какъ будто медленно колыхалось огромное озеро. Мы спустились въ это туманное озеро. Грудь тѣснило сыростью; тяжело было дышать; на травѣ по бокамъ дороги бѣлѣла роса. Мы шли, разсѣкая туманъ.

— Слушай! —сказала вдругъ Наташа, схвативъ меня за локоть.

Мы остановились. Тишина кругомъ была мертвая; и вдругъ близъ рощи, въ овсахъ, робко, неувѣренно зазвенѣлъ жаворонокъ... Его трель слабо оборвалась въ сыромъ воздухѣ, и опять все смолкло, и еще тише стало.

Вдали начали вырисовываться въ туманѣ темные силуэты деревьевъ и крыши избъ; у околицы тявкнула собака. Мы поднялись по деревенской улицѣ и вошли во дворъ. Здѣсь тумана уже не было; крыша сарая рѣзко чернѣла на свѣтлѣвшемъ небѣ; отъ скотнаго двора несло тепломъ и запахомъ навоза, тамъ слышались мычаніе и глухой топотъ. Собаки спали вокругъ крыльца.

— Ну, господа, потише теперь, а то всѣхъ разбудимъ!—предупредилъ я.

Въ головѣ звенѣло, нервы были напряжены; у всѣхъ глаза какъ-то странно блестѣли, и опять всѣмъ стало весело.

— Что жъ, Митя, будемъ мы молоко пить? —спросила Наташа.

— Ужъ лучше не надо: разбудимъ мы всѣхъ.

— А мы вотъ какъ сдѣлаемъ: мы къ тебѣ наверхъ молоко принесемъ и тамъ будемъ пить.

Мысль эту всѣ одобрили. Мы пробрались наверхъ. За молокомъ откомандировали, конечно, Наташу. Она принесла огромную кринку молока и цѣлый ситный хлѣбъ.

— Господа, извольте только все молоко выпить! — объявила она.

— Почему это?

— А то мама увидитъ, что не все выпили, и впредъ будетъ меньше оставлять.

— Эге! На этомъ основаніи, значитъ, каждый разъ придется все выпивать!

Однако, черезъ четверть часа кувшинъ былъ уже пустъ. Теперь, когда шумѣть нельзя было, всѣми овладѣло веселье неудержимое; каждое замѣчаніе, каждое слово пріобрѣтало необыкновенно смѣшное значеніе; всѣ крѣпились, убѣждали другъ друга не смѣяться, закусывали губы, — и всетаки смѣялись безъ конца... Мнѣ съ трудомъ удалось ихъ выпроводить...

Однако, засидѣлся же я! Солнце встало и косыми лучами скользитъ по кирпичной стѣнѣ сарая; росистый садъ полонъ стрекотаньемъ и чириканьемъ; старикъ Гаврило съ угрюмымъ, соннымъ лицомъ запрягаетъ въ бочку лошадь, чтобъ ѣхать за водою.

Спать!

21 іюня.

Проснулся я въ началѣ двѣнадцатаго и долго еще лежалъ въ постели. Въ комнатѣ полумракъ; яркое полуденное солнце пробивается сквозь занавѣски и играетъ

на стеклѣ графина; тихо; снизу издалека доносятся звуки рояля... Чувствуешь себя здоровымъ и бодрымъ; на душѣ такъ хорошо, хочется улыбаться всему. Право, вовсе не трудно быть счастливымъ!

Миша и Петя пришли звать меня купаться. Я одѣлся; мы на перегонки сбѣжали къ рѣкѣ. Небо — синее и горячее, солнце жжетъ; тѣнистый садъ на горѣ, словно изнемогши отъ жары, неподвижно дремлетъ. Но вода еще свѣжа, она такъ и охватываетъ тѣло мягкою, нѣжною прохладою; плывешь, еле двигая руками и ногами, въ этой прозрачно-зеленой, далеко вглубь освѣщенной солнцемъ водѣ. Мы купались около часу, пока на завтраку. Почти всѣ ужъ были въ сборѣ; на столѣ благодать: пирогъ, варенецъ, рубцы, редиска, ветчина, свѣжіе огурцы. Я опять сидѣлъ возлѣ дяди, и онъ любезно сообщилъ мнѣ нѣсколько очень новыхъ и интересныхъ свѣдѣній: что гречневая каша — національное русское блюдо, что есть даже пословица: „каша — мать наша“, что нѣмцы предпочитаютъ пиво, а русскіе — водку и т. п.

Вошла Наташа и сѣла къ столу.

— Что жъ ты, Наташа, съ Митею не здороваешься? — сказала Софья Алексѣевна. — Вѣдь онъ съ твоимъ „принципомъ“ незнакомъ и можетъ обидѣться.

По губамъ Наташи скользнула быстрая усмѣшка; она протянула мнѣ руку.

— У тебя какіе же на этотъ счетъ „принципы“? — спросилъ я.

Наташа засмѣялась.

— Я не знаю, о какихъ мама принципахъ говоритъ, — отвѣтила она, садясь рядомъ со мною.—А только... Смотри: мы восемь часовъ назадъ видѣлись; если люди днемъ восемь часовъ не видятся, то ничего, а если они эти восемь часовъ спали, то нужно цѣловаться или руку пожимать. Вѣдь правда, смѣшно?

— Ничего смѣшного нѣтъ,—поучающе возразила Софья Алексѣевна. — Это извѣстное условіе между людьми, которое...

— Намъ все смѣшно, намъ все рѣшительно смѣшно!— вдругъ вскипятился дядя, враждебно глядя на Наташу.—Здороваться и прощаться—это предразсудокъ; вести себя, какъ прилично взрослой дѣвушкѣ,—предразсудокъ... А вотъ начитаться разныхъ книжонокъ и безъ критики, безъ разсужденія поступать по нимъ—это не предразсудокъ! Это идейно и благородно.

Наташа съ неопредѣленной усмѣшкой наклонилась надъ своею чашкою и молчала. Видимо, между нею и отцомъ лежало что-то, не разъ уже вызывавшее ихъ на столкновенія.

Послѣ завтрака я узналъ отъ Вѣры о положеніи дѣла. Послѣдніе два года Наташа усердно подготовлялась по древнимъ языкамъ къ аттестату зрѣлости, который, какъ передавали газеты, будетъ требоваться для поступленія въ проэктируемый женскій медицинскій институтъ. Дядя былъ очень недоволенъ занятіями Наташи: двад-

цатипятилѣтней Сонѣ, повидимому, уже нечего было разсчитывать на замужество; Наташа была живѣе и красивѣе сестры, и дядя надѣялся хоть отъ нея дождаться внучатъ. Между тѣмъ Наташа съ головою ушла въ своихъ классиковъ; она въ Пожарскѣ никуда не выѣзжала и даже не выходила къ гостямъ, которые приглашались спеціально для нея. Чтобы совершенно избавиться отъ всѣхъ этихъ выѣздовъ и гостей, она прошлою осенью рѣшила остаться на всю зиму въ деревнѣ. Произошла очень тяжелая сцена съ дядей; подъ конецъ онъ объявилъ Наташѣ, что пусть она живетъ, гдѣ хочетъ, но пусть же и отъ него не ждетъ ни въ чемъ уступки. Наташа круглый годъ прожила одна въ деревнѣ; по утрамъ она набирала въ залу деревенскихъ ребятишекъ и дѣвокъ, учила ихъ грамотѣ, читала имъ; по вечерамъ зубрила греческую грамматику Григоревскаго и переводила Гомера и Горація. Этою весною проэктъ о женскомъ медицинскомъ институтѣ былъ возвращенъ государственнымъ совѣтомъ; рѣшеніе вопроса отодвинулось на неопредѣленное время. Наташа рѣшила ѣхать хоть на рождественскіе курсы лѣкарскихъ помощницъ. Но для поступленія туда требуется родительское разрѣшеніе. Когда Наташа заговорила съ дядей о курсахъ, онъ желчно разсмѣялся и сказалъ, что просьба Наташи его очень удивляетъ: какъ это она, „такая самостоятельная", снисходитъ до просьбъ! Наташа возразила, что проситъ она у него только разрѣшенія, содержать же себя будетъ

сама (у нея было накоплено съ уроковъ около трехсотъ рублей). Дядя отказалъ наотрѣзъ. За Наташу вступился докторъ Ликонскій, отецъ Вѣры и Лиды, единственный человѣкъ, имѣющій вліяніе на упрямаго и ограниченнаго дядю; но и его убѣжденія ничего не могли подѣлать. Дядя объявилъ категорически, что онъ боится отпустить Наташу съ ея характеромъ въ Петербургъ.

26 іюня.

Можетъ быть, это — лишь слѣдствіе того подъема жизненныхъ силъ, который обыкновенно замѣчается послѣ благополучно перенесеннаго тифа, — что до того? Я знаю только, что я глубоко счастливъ, счастливъ *такъ*, безъ всякой причины... Ясные дни, теплыя, душистыя ночи, музыка Вѣры, — чего мнѣ больше? Не замѣчаешь, идетъ-ли время или стоитъ. Никакіе вопросы не мучатъ, на душѣ тихо и ясно. Я даже книгъ современныхъ теперь не читаю: дѣдъ дяди былъ очень образованный человѣкъ и оставилъ послѣ себя огромную библіотеку; теперь она свалена въ углу верхней кладовой и служитъ пищею мышамъ. Я цѣлые часы провожу тамъ, разбирая и приводя въ порядокъ книги и бумаги; мнѣ нравится съ головою уходить въ эту давно исчезнувшую жизнь, гдѣ Вольтеръ уживался съ житіями святыхъ, Руссо съ крѣпостнымъ правомъ, „Les liaisons dangereuses“ съ Ѳомою Кемпійскимъ, — жизнь жестокую, наивную, сладострастную и сантиментальную.

Наташа навела ко мнѣ массу больныхъ. Всѣ въ деревнѣ ей знакомы и всѣ ей пріятели. Она сопутствуетъ мнѣ въ обходахъ, развѣшиваетъ лекарства. Странное что-то въ ея отношеніяхъ ко мнѣ: Наташа словно все время изучаетъ меня; она какъ будто не то ждетъ отъ меня чего-то, не то ищетъ, какъ самой подойти ко мнѣ. Можетъ быть, впрочемъ, я ошибаюсь; но какіе славные у нея глаза!

Отъ разговоровъ ея вѣетъ чѣмъ-то старымъ-старымъ, но такимъ хорошимъ; она хочетъ знать, какъ я смотрю на общину, какое значеніе придаю сектантству, считаю-ли возможнымъ и желательнымъ развитіе въ Россіи капитализма. И въ разспросахъ ея сказывается предположеніе, что я непремѣнно долженъ интересоваться всѣмъ этимъ. Что же? Я вѣдь дѣйствительно интересуюсь; однако, правду говоря, разговоры эти мнѣ крайне непріятны. Я съ величайшимъ удовольствіемъ прочту книгу, гдѣ дается что-нибудь новое по подобному вопросу, не прочь и поговорить объ немъ; но пусть для моего собесѣдника, какъ и для меня, вопросъ этотъ будетъ холоднымъ теоретическимъ вопросомъ, вродѣ вопроса о правильности теоріи фагоцитоза или о вѣроятности гипотезы Альтмана. Наташа же вноситъ въ дѣло слишкомъ много страстности, и мнѣ становится неловко. Я неохотно отвѣчаю ей и перевожу разговоръ на другое.

И еще въ одномъ отношеніи я часто испытываю неловкость въ разговорѣ съ нею: Наташа знаетъ, что

я могъ остаться при университетѣ, имѣлъ возможность хорошо устроиться,—и вмѣсто этого пошелъ въ земскіе врачи. Она разспрашиваетъ меня о моей дѣятельности, объ отношеніяхъ къ мужикамъ, усматривая во всемъ этомъ глубокую идейную подкладку; въ разговорѣ ея проскальзываютъ слова: „долгъ народу", „дѣло", „идея". Мнѣ же эти слова рѣжутъ ухо, какъ визгъ стекла подъ тупымъ шиломъ.

27 іюня.

Со станціи привезли газеты. Въ Баку—холера, и она медленно, но непрерывно поднимается вверхъ по Волгѣ.

28 іюня.

Писать, такъ ужъ все писать, хоть гадко и противно вспоминать. Послѣ завтрака мы съ Вѣрой, Соней и Наташей играли на дворѣ въ крокетъ. Разговоръ случайно зашелъ о тургеневской Еленѣ; Соня, перечитывавшая недавно „Наканунѣ", назвала Елену „самымъ свѣтлымъ и сильнымъ образомъ русской женщины". Я напалъ на такую незаслуженно-высокую оцѣнку Елены. Елена—это разновидность типа очень стараго: неопредѣленныя порыванія въ даль, игнорированіе окружающаго, исканіе чего-то эффектнаго, яркаго, необычнаго,—въ этомъ она вся. Инсарова она полюбила не за то, что онъ указалъ ей дѣло, а просто потому, что онъ окруженъ ореоломъ, что онъ—„замѣчательный человѣкъ"; для нея Инсаровъ совершенно заслоняетъ собою то дѣло, которому онъ слу-

житъ. Конечно, выборъ Елены дѣлаетъ ей честь, но... право, полюбить, напр., героя Гарибальди—„не велика штука“, какъ выражается Шубинъ; не велика штука и умереть за *Италію* изъ любви къ *Гарибальди*. Когда Инсаровъ опасно заболѣваетъ, Елена можетъ найти утѣшеніе лишь въ одной мысли: „если онъ умретъ, и меня не станетъ“. Внѣ ея любви для нея ничего не существуетъ, и понятно, что послѣ смерти Инсарова она должна была поѣхать непремѣнно въ Болгарію... Нѣтъ, Елена вовсе не „самый свѣтлый образъ русской женщины“. Неужели дѣйствительно все дѣло женщины заключается въ томъ, чтобъ отыскивать достойнаго ея любви мужчину-дѣятеля? Гдѣ же прямая потребность настоящаго дѣла? Пусть это дѣло темно и невидно, пусть оно несетъ съ собою одни лишенія безъ конца, пусть на служеніе ему уходятъ молодость, счастье, здоровье,—что до того? Вѣдь это не забава и не фонъ для поэтическаго романа; это—тяжелый трудъ, красный лишь сознаніемъ, что живешь не напрасно. И у насъ много было и есть женщинъ, для которыхъ это сознаніе дороже самыхъ блестящихъ героевъ...

Ужъ тогда, когда я говорилъ, во мнѣ шевельнулось отвращеніе къ моему приподнятому тону; но меня подчинило себѣ то страстное вниманіе, съ какимъ слушала Наташа. Она не спускала съ меня радостно-недоумѣвающаго взгляда, и столько въ этомъ взглядѣ было страха, что я оборву себя, по обыкновенію замну разговоръ.

Ну, вотъ,—я не остановился, не свелъ разговора на другое... О, мерзость!

И напрасно я стараюсь убѣдить себя, что говорилъ я искренно, что есть что-то болѣзненное въ моей боязни къ „высокимъ словамъ“: на душѣ скверно и стыдно, какъ будто я изъ желанія пустить пыль въ глаза нарядился въ богатое чужое платье.

11 час. веч.

Весь вечеръ я просидѣлъ наверху въ кладовой, разбирая книги. Солнце опустилось въ багровыя тучи, и нѣсколько разъ принимался накрапывать дождь. Дядя за ужиномъ былъ угрюмъ и молчаливъ: онъ собирался начать на-завтра возку сѣна, а барометръ неожиданно сильно упалъ; на Выкопкѣ сѣно не успѣли скопнить, и оно осталось на ночь въ кругахъ. Окна были раскрыты, и въ темномъ саду тихо шумѣлъ дождь.

Наташа тоже была молчалива. Я нѣсколько разъ ловилъ на себѣ ея внимательный и нерѣшительный, словно выжидающій взглядъ. Послѣ ужина, когда я прощался съ нею, она, протягивая руку, вдругъ взглянула на меня и тихо проговорила:

— Митя, мнѣ такъ много хочется у тебя спросить.

И я—я не спросилъ, что именно; я только серьезно кивнулъ головою и, не глядя на Наташу, отвѣтилъ, что я всегда къ ея услугамъ. Какъ будто я въ самомъ дѣлѣ не знаю, что она хочетъ спросить...

30 іюня.

Все время я провожу въ кладовой за книгами. Небо обложено тучами; дождь моросить, моросить безъ конца; въ мутной, сырой дали тянутся черныя пашни, мокрыя галки кричатъ на крышѣ... Я напрасно стараюсь подавить въ себѣ какое-то безпричинное, глухое раздраженіе, не оставляющее меня ни на минуту; раздражаетъ и надоѣдливый шумъ дождя по крышѣ, и эти ветхія окна, изъ щелей которыхъ дуетъ нестерпимо, и несущійся отъ книгъ противный запахъ мышей и прѣлой бумаги. Когда я вспоминаю о своемъ гаденькомъ виляньѣ передъ Наташей, меня злость беретъ: ужъ два дня прошло; какъ мальчикъ, шалость котораго открыта, я боюсь разговора съ нею и стараюсь избѣгать ея. И Наташа сразу замѣтила это; она держится въ сторонѣ, но глаза ея смотрятъ печально и недоумѣвающе. Богъ знаетъ, какъ объясняетъ она себѣ мое поведеніе. Сегодня утромъ я случайно встрѣтился съ нею въ корридорѣ; она пугливо оглядѣла меня и молча прошла мимо.

Голова тяжела, въ груди какая-то тупая, ноющая боль, и опять появился кашель...

1 іюля.

Я легъ вчера спать еще до ужина. Сегодня проснулся рано; отдернулъ занавѣски, раскрылъ окно: небо чистое и синее, солнце горячимъ свѣтомъ заливаетъ еще мокрый отъ дождя садъ; на липахъ распустились первые цвѣтки,

и въ свѣжемъ вѣтеркѣ слабо чувствуется ихъ запахъ; все кругомъ весело поетъ и чирикаетъ... На душѣ ни слѣда вчерашняго; грудь глубоко дышитъ, хочется напряженія, мускульной работы, чувствуешь себя бодрымъ и крѣпкимъ.

Я одѣлся, пошелъ въ конюшню и осѣдлалъ Бѣсенка; онъ застоялся, и мнѣ съ трудомъ удалось сѣсть на него. Бѣсенокъ сердито ржалъ и, весь дрожа отъ нетерпѣнія, рвался подо мною и впередъ, и въ стороны; я нарочно, чтобъ побороться съ нимъ, проѣхалъ тихимъ шагомъ деревенскую улицу и весь Большой Лугъ. Отъ сѣдла пахло кожею, и этотъ запахъ мѣшался съ запахомъ влажной луговой травы.

Переѣхавъ плотину, я свернулъ на Опасовскую дорогу и пустилъ Бѣсенка вскачь; онъ словно сорвался и понесся впередъ, какъ бѣшеный. Безумное веселье овладѣваетъ при такой ѣздѣ; трава по краямъ дороги сливалась въ одноцвѣтныя полосы, захватывало духъ, а я все подгонялъ Бѣсенка, и онъ мчался, словно убѣгая отъ смерти.

Слѣва надъ рожью затемнѣлъ Санинскій лѣсъ: пять верстъ Бѣсенокъ проскакалъ безъ передышки; я придержалъ его и вскорѣ остановилъ совсѣмъ. Рожь безъ конца тянулась во всѣ стороны, и по ней медленно бѣжали золотистыя волны. Кругомъ была тишина; только въ синемъ небѣ нескончаемыми трелями звенѣли жаворонки. Бѣсенокъ, поднявъ голову и насторожив уши, стоялъ

и внимательно вглядывался въ даль. Теплый вѣтеръ ровно дулъ мнѣ въ лицо; я не могъ имъ надышаться..

Ясное небо, здоровье да воля,—
Здравствуй, раздолье широкаго поля!..

Ласточка быстро пронеслась мимо ногъ лошади и вдругъ, словно что вспомнивъ назади, взмахнула крылышками и, издавъ мелодическій звукъ, крутымъ полукругомъ вильнула обратно. Бѣсенокъ опустилъ голову и нетерпѣливо переступилъ ногами. Я повернулъ на дорогу, вившуюся среди ржи по направленію къ Санинскому лѣсу.

„Здоровье"... Здоровъ я не былъ: я чувствовалъ, что грудь моя больна; но мнѣ доставляло даже удовольствіе это совершенно безболѣзненное ощущеніе гнѣздящейся во мнѣ болѣзни, и весело было заглядывать ей прямо въ лицо: да, у меня легкія усѣяны тысячами тѣхъ предательскихъ желтенькихъ бугорковъ, къ которымъ я такъ приглядѣлся на вскрытіяхъ,—а я вотъ ѣду и дышу полною грудью, и все у меня въ душѣ смѣется, и я не боюсь думать, что боленъ я—чахоткою...

Вспомнился мнѣ профессоръ N, у котораго я два года работалъ,—хмурый старикъ съ грозными бровями и добрѣйшей душой; вспомнились мнѣ его предостереженія, когда я сообщилъ ему, что поступаю въ земство.

— Да вы, батенька, знаете-ли, что такое земская служба?—говорилъ онъ, сердито сверкая на меня глазами.—Туда идти, такъ прежде всего здоровьемъ нужно

запастись бычачьимъ: промокъ подъ дождемъ, попалъ въ полынью,—выбирайся да поѣзжай дальше: ничего! Вѣтромъ обдуетъ и обсушитъ, на постояломъ дворѣ выпьешь водочки,—и опять здоровъ. А вы посмотрите на себя, что у васъ за грудь: выдуете-ли вы хоть двѣ-то тысячи въ спирометръ? Ваше дѣло--клиника, лабораторія. Поѣдете,—въ первый же годъ чахотку наживете.

Я зналъ, что все это правда, и тѣмъ не менѣе поѣхалъ же; я и подъ дождемъ мокнулъ, и въ полыньи проваливался, спѣша въ весеннюю распутицу къ роженицѣ, корчащейся въ экламптическихъ судорогахъ. Когда ночные поты и утренній кашель навели меня на подозрѣніе, и я нашелъ въ своей мокротѣ коховскія палочки,—именно сознаніе, что я добровольно шелъ на это, и не дало мнѣ пасть духомъ. И вотъ теперь я стыжусь... чего?—стыжусь говорить, что нужно жить не для себя одного! Передо мною встало поблѣднѣвшее личико Наташи, съ большими, печальными глазами... Да неужели же я не имѣю права хоть настолько-то уважать себя, чтобы не бояться разговора съ нею, не бояться того вопроса, съ которымъ она хочетъ ко мнѣ обратиться? А какъ я ее мучилъ!..

Рожь кончилась, дорога вилась среди орѣховыхъ и дубовыхъ кустовъ опушки и терялась въ тѣнистой чащѣ лѣса; меня отовсюду охватило свѣжимъ запахомъ дуба и лѣсной травы; высоко наверхъ взбѣгали кругомъ сѣрые стволы осинъ, сквозь ихъ жидкую листву нѣжно синѣло

небо. Дорога была заброшенная и наполовину заросшая, вѣтви липовыхъ и кленовыхъ кустовъ низко наклонялись надъ нею; въ травѣ виднѣлись оранжевыя шляпки подосинниковъ, ярко зеленѣла костеника; запахло папоротникомъ... Угомонившійся Бѣсенокъ шелъ щеголеватымъ шагомъ, изогнувъ свою красивую черную шею; вдругъ онъ поднялъ голову и, взглянувъ впередъ, громко заржалъ. На поворотѣ дороги, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, показалась Наташа верхомъ на своемъ буланомъ Мальчикѣ.

Увидѣвъ меня, она какъ-то отшатнулась на сѣдлѣ и, нахмурившись, затянула поводья; лошадь прижала уши и, осѣдая на заднія ноги, подалась назадъ.

— Наташа! ты какимъ образомъ здѣсь?—радостно крикнулъ я и поспѣшилъ ей навстрѣчу.—Здравствуй, голубушка!—проговорилъ я, перегнувшись съ сѣдла и крѣпко пожимая ея руку.

Наташа слабо вспыхнула и оглядѣла меня быстрымъ, робкимъ взглядомъ.

— Вотъ хорошо, что мы съ тобою встрѣтились! Если бы я зналъ, я бы нарочно именно сюда поѣхалъ. Посмотри, утро какое: ѣдешь и не надышишься... Неужели ты уже домой? Поѣдемъ дальше, хочешь?

Я говорилъ, а самъ не отрывалъ глазъ отъ ея милаго, радостно-смущеннаго лица. Я видѣлъ, какъ она рада происшедшей во мнѣ перемѣнѣ и даже не старается скрыть этого, и мнѣ неловко и стыдно было въ душѣ, и хотѣлось яснѣе показать ей, какъ она мнѣ дорога.

— Поѣдемъ, мнѣ все равно,—въ замѣшательствѣ отвѣтила Наташа, поворачивая Мальчика.

— Ну, вотъ за это спасибо!.. И какъ это мы съ тобою именно здѣсь съѣхались? Какъ хорошо,—правда? Голубушка, поѣдемъ куда-нибудь... Хочешь въ Заклятую Лощину?

Я съ трудомъ удерживалъ Бѣсенка, косившагося и грозно ржавшаго на шедшаго бокъ-о-бокъ Мальчика. Дорога была узкая, мокрыя вѣтви молодыхъ осинокъ то и дѣло обдавали насъ брызгами, и мы ѣхали совсѣмъ близко другъ отъ друга.

— Я тамъ была сейчасъ,—сказала Наташа,—ручей разлился и весь обратился въ трясину; пробовала проѣхать,—нельзя.

Я взглянулъ на Наташу: она была тамъ!.. Заклятая Лощина—это глухая трущоба, которая, говорятъ, кишитъ волками; ее и днемъ стараются обходить подальше. А эта дѣвчурка ѣдетъ туда одна раннимъ утромъ, такъ себѣ, для прогулки!.. Не знаю, настроеніе-ли было такое, но въ эту минуту меня все привлекало въ Наташѣ,—и ея свободная, красивая посадка на лошади, и сіявшее счастьемъ, смущенное лицо, и вся, вся она,—такая славная и простая.

— Ну, какъ хочешь, а я тебя сегодня не скоро пущу домой,—засмѣялся я.—Попалась, такъ ужъ такая судьба твоя; поѣдемъ хоть куда-нибудь.

Мы свернули на широкую дорогу, пересѣкавшую лѣсъ;

прямая, какъ стрѣла, она бѣжала въ зеленой, залитой солнцемъ просѣкѣ.

— Вотъ дорога, какъ разъ для скачекъ!—сказалъ я, съ улыбкою взглянувъ на Наташу.

Наташа встрепенулась.

— А ну, давай опять перегоняться?—предложила она, поправляясь на сѣдлѣ.—Теперь наши лошади одинаково устали.

Мы какъ-то ужъ перегонялись съ Наташей, и обогнала она; но я передъ тѣмъ проѣхалъ на Бѣсенкѣ десять верстъ.

— Ну, ну, посмотримъ!

Мы пустили лошадей вскачь. Но только что онѣ разскакались, и мой Бѣсенокъ началъ наддавать, все больше опережая Мальчика, какъ явилось довольно неожиданное препятствіе. На краю дороги бродили въ кустахъ два большихъ поросенка, безмятежно взрывая рылами землю. Завидѣвъ насъ, они испуганно шарахнулись изъ кустовъ, хрюкнули и пустились улепетывать по дорогѣ. Мы ждали, конечно, что они сейчасъ свернутъ вбокъ, и скакали попрежнему; но поросята продолжали неуклюже галопировать передъ нами, всхрюкивая и отчаянно махая своими коротенькими, тонкими хвостиками.

— Они теперь все время такъ бѣжать будутъ, ни за что не свернутъ!—крикнула Наташа смѣясь. Мы стали задерживать разогнавшихся лошадей. Поросята побѣ-

жали медленнѣе, взволнованно хрюкая и трясь боками другъ о друга.

Мы попытались осторожно объѣхать ихъ: поросята взвизгнули и опять, какъ угорѣлые, бросились впередъ. Мы переглянулись и расхохотались.

— Вотъ такъ задача!—сказалъ я.

Наташа сдерживала, смѣясь, рвавшагося впередъ Мальчика. Теперь послѣдняя неловкость между нами исчезла, Наташа оживилась, и было неудержимо-весело.

— Ничего, все равно поѣдемъ!—сказала Наташа.— Это Дениса свиньи, лѣсника; ихъ и безъ того слѣдовало бы пригнать домой: вонъ куда онѣ забрели, ихъ еще волки съѣдятъ. Поѣдемъ къ Денису, онъ насъ молокомъ напоитъ. Его сторожка сейчасъ тамъ, на полянкѣ.

Мы поѣхали шагомъ, предшествуемые поросятами.

— Ты еще не видѣлъ этого Дениса, онъ всего два года здѣсь лѣсникомъ. Такой потѣшный старичокъ,— маленькій, худенькій... Какъ-то, когда онъ только что поступилъ, мама случайно заѣхала сюда; увидала его: „голубчикъ мой, да что же ты за сторожъ? Вѣдь тебя всякій обидитъ!“ А онъ отвѣчаетъ: „ничего, барыня, меня не найдутъ“...

Никогда еще я не видѣлъ Наташу такою; ея лицо такъ и дышало дѣтскою, беззавѣтною радостью... Я не могъ оторвать отъ нея глазъ.

Лѣсная сторожка стояла въ глубинѣ широкой, пе-

давно выкошенной поляны. Денисъ, въ бѣлой холщевой рубахѣ и лаптяхъ, вышелъ намъ навстрѣчу.

— Денисъ, голубчикъ, здравствуй! Къ тебѣ мы! — сказала Наташа, соскакивая съ лошади.

— А-а, барышня касаткинская! — воскликнулъ Денисъ щурясь. — Просимъ милости, пожалуйте. — Сунувъ шапку подмышку, онъ взялъ за повода нашихъ лошадей.

— Голубчикъ, надѣнь шапку!.. И привяжемъ мы сами... А ужъ если хочешь быть другомъ, напой насъ молочкомъ... Ѣдемъ мы сюда, — вотъ онъ говоритъ: не дастъ намъ Денисъ молока! Кто, я говорю, Денисъ-то не дастъ?

— Г-осподи! да неужто жъ мы какіе-нибудь? Слава Богу, найдется молочко, будьте покойны. Пожалуйте въ горницу. Дѣвка-то моя на деревню побѣжала, такъ ужъ самъ услужу вамъ.

Было въ Денисѣ что-то чрезвычайно комичное: онъ то и дѣло самымъ степеннымъ образомъ гладилъ свою жидкую бороденку, серьезно хмурилъ брови, и всетаки ни слѣда степенности не было въ его сморщенномъ въ кулачокъ личикѣ и всей его миніатюрной фигуркѣ; получалось такое впечатлѣніе, какъ будто маленькій ребенокъ старается изобразить изъ себя почтеннаго, разсудительнаго старичка.

Мы вошли въ избу и сѣли за столъ. Денисъ поставилъ передъ нами двѣ чашки и крынку парного молока, нарѣзалъ ситнику. Наташа слѣдила за нимъ радостно-смѣющимися глазами и болтала безъ умолку.

— А чтой-то я вотъ барина этого раньше не видалъ никогда? — сказалъ Денисъ. — Смотрю, смотрю, — нѣтъ, чтой-то словно...

— Онъ недавно только пріѣхалъ, — отвѣтила Наташа.

Денисъ поглядѣлъ на нее.

— Они что же, барышня, — ужъ не обезсудьте на вопросѣ, — не женишкомъ-ли вамъ приходятся?

— Ну, да же, конечно, женихомъ! — отвѣтила Наташа, счастливо смѣясь.

— То-то я все смотрю... Чтой-то, думаю, — съ чего такая радость?

— Да какъ же, Денисъ, не радоваться? Вѣдь самъ знаешь, въ нынѣшнія времена жениха найти — дѣло не легкое. Не найдешь ихъ нигдѣ, словно вымерли всѣ.

— Да вѣдь... О томъ и толкъ, барышня, — развелъ Денисъ руками. — Куда, молъ, подѣвались всѣ? — неизвѣстно.

— Вотъ, вотъ. Ну, а я вотъ нашла себѣ.

— Ну, дай вамъ Богъ счастливо!.. Они что же, по акцизной части служатъ?

— Голубчикъ Денисъ, да почему же ты думаешь, что именно по акцизной?! — расхохоталась Наташа.

— Ну, ну, Господь съ тобой, матушка... Хе-хе-хе! — разсмѣялся и Денисъ, глядя на нее.

Узнавъ, что я докторъ, онъ придалъ своему лицу страдальческое выраженіе и сталъ сообщать мнѣ о своихъ многочисленныхъ болѣзняхъ.

Мы просидѣли у него съ полчаса. Попытался я ему заплатить за молоко, но Денисъ, разумѣется, обидѣлся и отказался наотрѣзъ.

Отъ него мы поѣхали на Гремучіе колодцы, оттуда въ Богучаровскую рощу; въ Богучаровѣ, у земскаго врача Троицкаго, еще разъ пили молоко... Домой воротились мы только къ обѣду.

2-го іюля, 10 час. утра.

Перечиталъ я написанное вчера... Меня опьянили яркое утро, запахъ лѣса, это радостное, молодое лицо; я смотрѣлъ вчера на Наташу и думалъ: такъ будетъ выглядѣть она, когда полюбитъ. Тутъ была теперь не любовь, тутъ было нѣчто другое; но мнѣ не хотѣлось объ этомъ думать; мнѣ только хотѣлось, чтобъ подольше на меня смотрѣли такъ эти сіявшіе счастьемъ глаза. Теперь мнѣ досадно и злость беретъ: къ чему все это было? Я одного лишь хочу здѣсь,—отдохнуть, ни о чемъ не думать. А Наташа стоитъ передо мною,—вѣрящая, ожидающая...

11 час. веч.

Ну, произошелъ, наконецъ, разговоръ... Послѣ ужина Вѣра съ Лидой играли въ четыре руки какой-то испанскій танецъ Сарасате. Я сидѣлъ въ гостиной, потомъ вышелъ на балконъ. Наташа стояла, прислонясь къ рѣшеткѣ, и смотрѣла въ садъ. Ночь была безлунная и

звѣздная; изъ темной чащи несло росою. Я остановился въ дверяхъ и закурилъ папиросу.

Наташа обернулась на свѣтъ спички.

— Ахъ, это ты, Митя!—тихо сказала она, выпрямляясь.—Хочешь, пойдемъ въ садъ?.. Посмотри, какъ... хорошо...

Голосъ ея прерывался, и я видѣлъ, какъ она взволнованно теребила кружево на своемъ рукавѣ.

Мы спустились въ цвѣтникъ и пошли по аллеѣ.

— Помнишь, Митя,—заговорила Наташа послѣ нѣкотораго молчанія,—помнишь, ты говорилъ недавно о сознаніи, что живешь не напрасно,—что это самое главное въ жизни... Я и прежде, до тебя, много думала объ этомъ... Вѣдь это ужасно, — жить и ничего не видѣть впереди: кому ты нужна? Вѣдь это сознаніе, о которомъ ты говорилъ,—вѣдь это самое большое счастье...

Я молча шелъ, кусая губы. Въ душѣ у меня поднималось злобное, враждебное чувство къ Наташѣ: вѣдь она должна же бы, наконецъ, понять, что для меня этотъ разговоръ тяжелъ и непріятенъ, что его безполезно затѣвать; должна бы она хоть немного пожалѣть меня; и меня еще больше настраивало противъ нея именно то, что мнѣ приходится ждать сожалѣнія и пощады отъ этого почти ребенка.

Наташа замолчала.

— Я слышалъ, что ты прошлую зиму занималась здѣсь съ деревенскими ребятами, — проговорилъ я.—

Ну, какъ ты, — съ охотою занималась, нравится тебѣ это дѣло?

— Д-да,—сказала Наташа, запнувшись.

— Ну, вотъ тебѣ и дѣло. Если хочешь совершенно отдаться ему, поступи въ сельскія учительницы. Тогда ты будешь близко стоять къ народу, можешь сойтись съ нимъ, вліять на него...

Я говорилъ это, какъ плохой актеръ говоритъ заученный монологъ, и мерзко было на душѣ... Мнѣ вдругъ пришла въ голову мысль: а что бы я сказалъ ей, если бы не было этой спасительной сельской учительницы, альфы и омеги „настоящаго“ дѣла?

Наташа шла, опустивъ голову.

— Голубушка, это дѣло мелко, что говорить,—сказалъ я, помолчавъ.—Но гдѣ теперь блестящія, великія дѣла? Да не по нимъ и узнается человѣкъ. Это дѣло мелко, но оно даетъ великіе результаты...

Я почти физически страдалъ: какъ все фальшиво и фразисто! Мнѣ казалось, что теперь Наташа видитъ меня насквозь; и казалось мнѣ еще, что и самъ я только теперь увидѣлъ себя въ настоящемъ свѣтѣ, увидѣлъ, какая безнадежная пустота во мнѣ...

— Вотъ это прелестно!—раздался въ темнотѣ голосъ Вѣры.—Мы съ Лидой играемъ для нихъ, стараемся, а они себѣ ушли и гуляютъ здѣсь! Стоитъ вамъ играть послѣ этого! Никогда не стану больше!

Вѣра, Лида и Соня подошли къ намъ. Я былъ радъ, что кончился разговоръ.

3 іюля.

Привезли газеты. На меня вдругъ пахнуло словно совсѣмъ изъ другого міра. Холера расходится все шире, какъ степной пожаръ, и захватываетъ одну губернію за другою; въ какомъ-то стихійномъ ужасѣ люди бѣгутъ отъ нея, куда глаза глядятъ; въ народѣ ходятъ зловѣщіе слухи. А наши медики дружно и весело идутъ въ самый огонь навстрѣчу грозной гостьѣ. Столько силы чуется, столько молодости и отваги. Хорошо становится на душѣ... Завтра я уѣзжаю въ Пожарскъ.

4 іюля.

Я въ Пожарскѣ. Пріѣхалъ я на лошадяхъ вмѣстѣ съ Наташею, которой нужно сдѣлать въ городѣ какія-то покупки. Мы остановились у Николая Ивановича Ликонскаго, отца Вѣры и Лиды. Онъ врачъ и имѣетъ въ городѣ обширную практику. Теперь, лѣтомъ, онъ живетъ совсѣмъ одинъ въ своемъ большомъ домѣ; жена его съ младшими дѣтьми гоститъ тоже гдѣ-то въ деревнѣ. Николай Ивановичъ—славный старикъ съ интеллигентнымъ лицомъ и до сихъ поръ интересуется наукой; каждую свободную минуту онъ проводитъ въ своей лабораторіи.

Пріѣхали мы вечеромъ, къ ужину. Я разспрашивалъ Николая Ивановича о холерѣ. Она серпомъ окружила нашу губернію, и кое-гдѣ были уже единичные случаи заболѣванія. Въ самомъ Пожарскѣ во врачахъ не

нуждаются, но въ уѣздахъ недостатокъ; въ уѣздномъ городѣ Слесарскѣ не могутъ найти врача для зарѣченской стороны, Чемеровки, заселенной мастеровщиной. Завтра пошлю туда заявленіе.

5 іюля. Воскресенье.

На заборахъ и фонарныхъ столбахъ расклеены объявленія, приглашающія жителей города Пожарска принять участіе въ имѣющемъ произойти сегодня въ соборѣ „молебствіи объ избавленіи отъ болѣзни, называемой холерой, за коимъ послѣдуетъ торжественный крестный ходъ по всему городу“. Я былъ на молебнѣ. На улицахъ вездѣ словно все вымерло; огромная соборная площадь была покрыта несмѣтной толпой; пробраться въ самый соборъ нечего было и думать. Ласточки со звономъ кружили вокругъ колоколенъ; солнце играло на золотѣ прислоненныхъ къ стѣнамъ хоругвей; изъ церкви чуть слышно доносилось пѣніе. Я стоялъ и смотрѣлъ на толпу... Можетъ быть, вотъ эта блѣдная, красивая дѣвушка, такъ благоговѣйно-гордо держащая образъ Тихвинской Божіей Матэри, этотъ маленькій человѣчекъ съ курчавою головою и въ пиджакѣ, этотъ слѣпой нищій,—всѣхъ ихъ черезъ недѣлю свалитъ холера...

Кругомъ говорили о недавней смерти мѣстнаго архіерея, о томъ, по какимъ улицамъ пойдетъ ходъ; о самомъ предметѣ молебна—ни слова; развѣ только какой-

нибудь веселый мастеровой подмигнетъ сосѣду на проходящую дряхлую старушонку съ трясущеюся головою и съострить:

— Собрались холеру отмаливать, а холера вонъ она идетъ!

Слоняясь въ толпѣ, я столкнулся съ Викторомъ Сергѣевичемъ Гастевымъ. Онъ служитъ акцизнымъ въ Слесарскѣ и пріѣхалъ въ Пожарскъ на какой-то акцизный съѣздъ. Разговорились. Я ему сообщилъ, что послалъ заявленіе къ нимъ въ Слесарскъ.

— Въ Слесарскъ?!— изумился онъ, вытаращивъ на меня глаза.—Ну, батенька, посылайте телеграмму, что отказываетесь.

— Съ какой это стати?

— Да не слыхали вы, что-ли, что такое мастеровщина наша зарѣченская? Укокошатъ васъ тамъ черезъ три дня, и оглядѣться не дадутъ.

— Развѣ такъ народъ возбужденъ?

Викторъ Сергѣевичъ вскинулъ плечами и молча сталъ закуривать сигару. Потомъ, таинственно поднявъ брови, онъ наклонился ко мнѣ и зашепталъ:

— Туда бы, батенька, теперь полкъ солдатъ въ пору поставить, да на руки имъ боевые патроны раздать, чтобъ каждую минуту были готовы къ дѣлу. А у насъ вы вѣдь знаете, какъ дѣлается: пока громъ не грянетъ, никто не перекрестится; а тамъ и пойдутъ телеграммами губернатора бомбардировать: „войскъ давайте!..“ И

холеры-то пока, славу Богу, у насъ нѣтъ никакой, а посмотрите-ка, какіе уже слухи ходятъ: пьяныхъ, говорятъ, таскаютъ въ больницы и тамъ заливаютъ известкой, колодцы въ городѣ всѣ отравлены, и доктора только одинъ чистый оставили для себя; многіе ужъ своими глазами видали, какъ здоровыхъ людей среди бѣла дня захватывали крючьями и увозили въ больницу... Они и не скрываютъ ничего, прямо говорятъ: если у насъ холера объявится, мы всѣхъ докторовъ перебьемъ. Шутки, батюшка мой, плохія! Да чего жъ вамъ лучше? Изъ мѣстныхъ врачей въ Чемеровку никто не хочетъ идти.

На паперти показались священники въ золотыхъ ризахъ; пѣніе стало вдругъ громче. Народъ заволновался и закрестился; надъ головами заколыхались хоругви. Небольшая облѣзлая собачонка, отчаянно визжа, промчалась на трехъ ногахъ среди толпы; всякій, мимо котораго она бѣжала, считалъ долгомъ пхнуть ее сапогомъ; собачонка катилась въ сторону, поднималась и съ визгомъ мчалась дальше. Ходъ потянулся къ кремлевскимъ воротамъ.

— Ну, пойдемъ и мы слѣдомъ!—сказалъ Викторъ Сергѣевичъ.—А какъ у васъ тамъ всѣ въ деревнѣ поживаютъ? Черезъ недѣльку поѣду въ отпускъ въ Смоленскъ, заѣду къ вамъ крестницу свою провѣдать. (Онъ крестный отецъ Сони).

Прощаясь, Викторъ Сергѣевичъ еще разъ настоя-

тельно посовѣтовалъ мнѣ заблаговременно взять свое заявленіе назадъ.

6 іюля.

Я воротился въ Касаткино, такъ какъ отвѣта, можетъ быть, придется ждать больше недѣли.

Вчера вечеромъ, передъ отъѣздомъ изъ Пожарска, мы пили у Николая Ивановича чай. Наташа разливала; Николай Ивановичъ разсказывалъ мнѣ о своихъ изслѣдованіяхъ надъ вопросомъ объ обмѣнѣ веществъ у подагриковъ. Вошла горничная и доложила ему, что его хочетъ видѣть „одинъ человѣкъ“.

— Чего ему? Скажи, чтобъ сюда вошелъ!—сказалъ Николай Ивановичъ.

Въ дверяхъ залы показался высокій человѣкъ въ мѣщанскомъ пиджачкѣ и стоптанныхъ сапогахъ. Онъ поклонился и смиренно остановился у порога.

— Чего тебѣ, братецъ?—спросилъ Николай Ивановичъ.

— Вотъ карточка къ вамъ отъ Владиміра Владиміровича,—отвѣтилъ тотъ.

Николай Ивановичъ пробѣжалъ нѣсколько строкъ, написанныхъ на оборотной сторонѣ визитной карточки.

— Ахъ, виноватъ!—проговорилъ онъ, немного покраснѣвъ и нахмурившись.—Очень пріятно познакомиться!—сказалъ онъ, протягивая вошедшему руку.—Пожалуйста, садитесь! Не хотите-ли чаю? Г-нъ Гавриловъ!—отрекомендовалъ онъ его намъ.

На тонкихъ губахъ вошедшаго мелькнула чуть замѣтная усмѣшка; онъ поклонился и такъ же смиренно сѣлъ къ столу на кончикъ стула. Это былъ худощавый человѣкъ лѣтъ тридцати пяти, съ жиденькой бородой и остриженный въ скобку; выглядѣлъ онъ мелкимъ торгашомъ-краснорядцемъ или прасоломъ; но лобъ у него былъ интеллигентный.

— Вы чего же, собственно, хотите? – спросилъ Николай Ивановичъ, еще разъ пробѣгая написанное на карточкѣ.

— Въ этомъ году, какъ вы изволите знать,—началъ Гавриловъ съ тою же чуть замѣтною усмѣшкою,—Россію посѣтилъ голодъ, какого давно уже не бывало. Народъ питается глиною и соломою, сотнями мретъ отъ цынги и голоднаго тифа. Общество, живущее на счетъ труда этого народа, показало, какъ вамъ извѣстно, свою полную нравственную несостоятельность. Даже при этомъ всенародномъ бѣдствіи оно не съумѣло возвыситься до идеи, не съумѣло слиться съ народомъ и прійти къ нему на помощь, какъ братъ къ брату. Оно отдѣлывалось пустяками, чтобъ только усыпить свою совѣсть: танцовало въ пользу умирающихъ, объѣдалось въ пользу голодн[illegible] жертвовало какихъ-нибудь полъ-процента съ жалованія. Да и эти крохи оно давало народу, какъ подачку, и только развращало его, потому что всякая милостыня есть развратъ. Въ настоящее время народъ еще не оправился отъ бѣды, во многихъ губерніяхъ—

вторичный неурожай, а идетъ новая, еще худшая бѣда,—холера...

Николай Ивановичъ слушалъ, забравъ въ горсть свою длинную сѣдую бороду, и смотрѣлъ въ окно.

— Общество, разумѣется, по прежнему остается достойнымъ себя,—продолжалъ Гавриловъ.—Въ этой новой бѣдѣ, которая грозитъ ужъ и ему самому, оно забыло обо всемъ и бѣжитъ спасаться, куда попало. Въ народѣ остались только медики, а этого слишкомъ мало. Народъ нуждается въ матеріальной помощи, а еще больше въ духовной. Ни того, ни другого нѣтъ...

Николай Ивановичъ положилъ голову на руку и сталъ смотрѣть на кончикъ своего сапога.

— Общество должно, наконецъ, придти въ себя. Оно всѣмъ обязано народу, и ничего не отдаетъ ему. „Другіе трудились, а вы вошли въ трудъ ихъ“,—говоритъ Іисусъ...

— Извините, пожалуйста,—прервалъ его Николай Ивановичъ.—Я вотъ все слушаю васъ... и мнѣ все-таки неясно, чего вы собственно отъ меня желаете?

— Я обратился къ вамъ, потому что мнѣ Владиміръ Владиміровичъ сказалъ, что вы хорошій человѣкъ. Въ настоящее время на такихъ только людей и надежда.

— Вы хотите, чтобъ я... пожертвовалъ въ пользу голодающихъ?—медленно спросилъ Николай Ивановичъ, поднявъ брови.

— Намъ нужны ваше сердце, вашъ умъ,—сказалъ Гавриловъ, чуть улыбнувшись на небрежный вопросъ Николая Ивановича.—Деньги—это послѣднее; *только* деньги намъ ненужны. И во всякомъ случаѣ я пришелъ просить у васъ не денегъ.

— А чего же-съ?

— Вашего нравственнаго содѣйствія, активной работы въ пользу несчастныхъ.

— Вотъ какъ!.. Однако работа-то работой, а вѣдь согласитесь,—прежде всего для этого всетаки нужны деньги.

— Міромъ управляютъ идеи, а не деньги. *Прежде всего* нужна любовь.

— Ну, а послѣ нея—деньги? Вѣдь за хлѣбъ купцу нужно заплатить деньгами, а не любовью.

— За деньгами дѣло не станетъ: ихъ всегда легко собрать. То и горе у насъ, что отъ всякаго дѣла люди откупаются деньгами.

— Вы думаете?—Ну, такъ я вамъ вотъ что скажу: у меня тутъ три четверти города знакомыхъ, а я много собрать не возьмусь.

— Странно!—пожалъ Гавриловъ плечами.—Я здѣсь никого не знаю, всего только три дня назадъ пріѣхалъ, а берусь вамъ собрать въ мѣсяцъ пятьсотъ рублей.

— Ну, исполать вамъ!—засмѣялся Николай Ивановичъ.—Я разскажу вамъ одинъ случай. Былъ у насъ тутъ въ городѣ студентъ-юристъ; кончаетъ курсъ, а

средствъ никакихъ; выгоняютъ за невзносъ платы. Ну, вотъ я и вздумалъ устроить сборъ. Заѣзжаю между прочимъ въ одну богатую купеческую семью, въ которой состою врачомъ около пятнадцати лѣтъ. Барышни сидятъ,—въ брильянтахъ, кружевахъ. Говорю имъ. Онѣ поморщились. „Посмотримъ, говорятъ, можетъ быть, что-нибудь найдемъ“. Я къ брату ихъ: „тамъ съ ними не сговоришься; вы, Платонъ Степанычъ, энергичный человѣкъ,—возьмитесь за дѣло, какъ слѣдуетъ, вѣдь сами понимаете, нужно помочь!..“ И знаете, какой изъ этого вышелъ результатъ?

— Какой же вышелъ результатъ?

— Ну, какъ вы думаете?

— Ну-съ?

— Съ тѣхъ поръ меня перестали приглашать въ этотъ домъ!—отрѣзалъ Николай Ивановичъ и сталъ закуривать папиросу.

Гавриловъ внимательно смотрѣлъ на него.

— Зачѣмъ вы лечите такихъ?—спросилъ онъ, чуть дрогнувъ бровью.

Николай Ивановичъ запнулся отъ неожиданности вопроса и пожалъ плечами.

— Странное дѣло! Врачъ обязанъ лечить всякаго.

Гавриловъ продолжалъ лукаво смотрѣть на него и беззвучно смѣялся.

— Какого же рода „активной работы“ желаете вы отъ

меня?—спросилъ Николай Ивановичъ нахмурившись.—Прикажете идти въ деревню, въ народъ?

— Народъ не только въ деревнѣ, а и въ городахъ, вездѣ,—и вездѣ онъ нуждается въ помощи. Нужно только одно: чтобъ не господа благодѣтельствовали мужичью, а братья помогали братьямъ. Когда погорѣлецъ приходитъ къ мужику, мужикъ сажаетъ его за столъ, кормитъ обѣдомъ и даетъ копейку,—погорѣлецъ знаетъ, что онъ—товарищъ, потерпѣвшій несчастіе. Когда погорѣлецъ приходитъ къ барину, баринъ высылаетъ ему черезъ горничную гривенникъ,—погорѣлецъ—нищій и получаетъ милостыню. А милостыня есть худшій изъ всѣхъ развратовъ, потому что она одинаково деморализуетъ и дающаго, и берущаго. Господа съѣзжаются съ разныхъ концовъ города и съ увлеченіемъ спорятъ о шансахъ Гладстона на избирательную побѣду или объ исполнимости проэктовъ Генри Джорджа; а тутъ же въ подвалѣ идетъ не менѣе ожесточенный споръ о томъ, какая Божья Матерь добрѣе, Ахтырская или Казанская, и на сколькихъ китахъ стоитъ земля. Это—два различныхъ міра, не имѣющихъ между собою ничего общаго...

Николай Ивановичъ съ нетерпѣніемъ закачалъ ногою.

— Извините, можетъ быть, я вамъ наскучилъ?—съ смиренною улыбкою спросилъ Гавриловъ.

— Нѣтъ, что же-съ? Сдѣлайте одолженіе. Но только... Я вотъ все время очень внимательно слушаю васъ, и всетаки никакъ не могу понять, что же я... обязанъ дѣлать.

— Ближе стать къ братьямъ, больше ничего; помогать имъ, а не благодѣтельствовать; не беречь для себя знаній, которыя должны быть достояніемъ всѣхъ...

— Да-съ?—выжидательно сказалъ Николай Ивановичъ.

— Приближается холера. Народъ голодаетъ,—это лучшая почва для нея; народъ невѣжественъ,—и это отнимаетъ у него послѣднія средства защиты. Пора же сознать, что, когда люди кругомъ умираютъ, грѣхъ роскошествовать. (Гавриловъ бѣглымъ взглядомъ оглядѣлъ столъ съ стоявшими на немъ закусками). Я всего три дня здѣсь, но ужъ видѣлъ прямо ужасающія картины нищеты, нищеты стыдливой и робкой, боящейся просить. Люди десятками ютятся въ зловонныхъ конурахъ, а мы занимаемъ по пяти-шести комнатъ; люди рады, если раздобудутся къ обѣду парою картофелинъ, а мы наѣдаемся такъ, что не можемъ шевельнуться. И если такіе люди приходятъ къ намъ, мы смотримъ на нихъ не со стыдомъ, а съ пренебреженіемъ, и не пускаемъ ихъ дальше передней. Выходъ только одинъ: сознать, что *нечестный человѣкъ* тотъ, кто не хочетъ понять этого, братски раздѣлить съ обиженными свой домъ, столъ, все; доказать, что мы дѣйствительно хотимъ помочь, а не убаюкать только свою совѣсть.

— Если я васъ понялъ,—проговорилъ Николай Ивановичъ, сдерживая подъ усами улыбку,—вы мнѣ предлагаете пригласить къ себѣ въ домъ три-четыре нищихъ

семьи, поселить ихъ здѣсь, кормить, поить и обучать... Такъ?

— Да-съ!—отвѣтилъ Гавриловъ, и по губамъ его снова пробѣжала чуть замѣтная усмѣшка.

На минуту воцарилось молчаніе. Николай Ивановичъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на своего гостя. Наташа, подперевъ рукою подбородокъ и нахмурившись, также не спускала глазъ съ Гаврилова.

— Ну, скажите, г. Гавриловъ,—увѣщавающимъ тономъ заговорилъ Николай Ивановичъ,—неужели же вамъ не стыдно говорить такой вздоръ?

— Почему вы полагаете, что это такой вздоръ?— спросилъ Гавриловъ съ своею быстрою усмѣшкою, нисколько не обидѣвшись.

— Мнѣ бы еще было понятно ваше предложеніе, если бы дѣло шло просто о какой-нибудь опредѣленной семьѣ, которой нужна помощь. Но вы, насколько я васъ понимаю, видите во всемъ этомъ прямо какое-то универсальное средство!

— Если вы одинъ такъ поступите, то этого, разумѣется, будетъ мало. Но важна идея, примѣръ. Вы— одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ людей въ городѣ; вашъ починъ сначала, можетъ быть, вызоветъ недоумѣніе, но затѣмъ найдетъ подражателей. Потому и не удается у насъ ничего, что всѣ руководствуются лживою, но очень удобною пословицею: „одинъ въ полѣ не воинъ“.

— Д-да, картина во всякомъ случаѣ довольно умилительная: мы работаемъ, выбиваясь изъ силъ, втрое больше прежняго, а „братья“—постояльцы бьютъ себѣ баклуши на готовыхъ хлѣбахъ... Воображаю, какую массу „братьевъ“ мы расплодимъ по городу!

— Они вовсе не должны бить баклуши, они должны работать. Дайте имъ работу.

— Гдѣ мнѣ ее прикажете взять?

— Работа всегда найдется. Пусть они чистятъ у васъ садъ, подметаютъ дворъ, колютъ дрова. Они сами будутъ рады.

Николай Ивановичъ съ усмѣшкой махнулъ рукою.

— Ну, хорошо! Допустимъ, что все это легко исполнимо, что имъ найдется работа, что они сами будутъ рады; допустимъ, что этимъ путемъ мы въ состояніи обновить міръ. Но что прикажете въ такомъ случаѣ дѣлать всѣмъ съ собственными семьями?—спросилъ онъ, въ комическомъ недоумѣніи разводя руками.

— Семьи можно бы въ настоящее время и не имѣть,—сказалъ Гавриловъ, понизивъ голосъ.

Николай Ивановичъ быстро поднялъ голову и пристально посмотрѣлъ на Гаврилова.

— А-а!—расхохотался онъ, вставая.—Теперь, батенька, я васъ узналъ!.. Это—извѣстное Zweikindersystem или, еще лучше, „Крейцерова соната“! Только, батюшка, вы немножко опоздали: ужъ и въ западной Европѣ давно доказана вздорность всего этого. Вы—толстовецъ!

Гавриловъ чуть замѣтно улыбнулся.

— Я не слыхалъ, чтобъ „все это“ давно было опровергнуто въ западной Европѣ, а Zweikindersystem тутъ не причемъ. Это—старая истина, которая *не можетъ* быть опровергнута. „Я пришелъ раздѣлить человѣка съ отцомъ его, и дочь съ матерью ея. *И враги человѣку — домашніе его*“, сказалъ Іисусъ...

— Извините, пожалуйста!—рѣзко прервалъ его Николай Ивановичъ.—Я не знаю, что это за Іисусъ, я знаю только Іисуса Христа.

— Виноватъ!—почтительно отвѣтилъ Гавриловъ.—Я хочу сказать, что въ настоящее время, когда все общество построено на крайне ненормальныхъ отношеніяхъ, явленія, сами по себѣ нормальныя, становятся противоестественными и грѣховными. На человѣкѣ лежитъ слишкомъ много обязанностей, чтобъ онъ могъ позволить себѣ имѣть семью.

Гавриловъ сталъ говорить о ненормальности строя теперешняго общества, о раздѣленіи труда и проистекающихъ отсюда бѣдствіяхъ, объ аристократизмѣ науки и искусства, о церкви, государствѣ. Говорилъ онъ, поднявъ голову и блестя глазами, голосомъ проповѣдника-фанатика. Николай Ивановичъ слабо зѣвнулъ и вынулъ часы.

— Господа, однако, ужъ восьмой часъ!—обратился онъ къ намъ.—Нужно велѣть подавать лошадей, а то вамъ придется ѣхать совсѣмъ въ темнотѣ.

Гавриловъ поднялся съ мѣста.

— Я, кажется, слишкомъ долго засидѣлся, —сказалъ онъ съ смущенной улыбкой.—Извините меня. Честь имѣю кланяться. Такъ на васъ, значитъ, мы разсчитывать не можемъ?

— Мы?—переспросилъ Николай Ивановичъ, поднявъ брови.—У васъ что же, партія цѣлая есть?

— Да, „партія" людей, которые думаютъ, что общее благо должно ставить выше личнаго.

Когда Гавриловъ ушелъ, Николай Ивановичъ облегченно вздохнулъ.

— Господи, Боже ты мой!—воскликнулъ онъ, оглядывая насъ.—Сколько чуши можно нагородить въ какіе-нибудь короткіе полчаса!

Наташа сумрачно взглянула на него и молча наклонилась надъ чашкой. Мнѣ было неловко: правда, нелѣпостей было сказано достаточно, но... мнѣ вдругъ глубоко антипатиченъ сталъ Николай Ивановичъ, и я не думалъ раньше, чтобъ онъ былъ такимъ буржуа.

Подали лошадей. Мы простились и уѣхали. Городъ остался назади... Мы долго молчали.

— Да, этотъ человѣкъ, по крайней мѣрѣ, знаетъ, чего хочетъ, и вѣритъ въ это,—сказалъ я, наконецъ.

Наташа быстро подняла голову, взглянула на меня и снова начала смотрѣть на тянувшіяся по сторонамъ поля.

— И всетаки онъ лучше всѣхъ, которые тамъ были,—процѣдила она сквозь зубы, съ какимъ-то злымъ, угрюмымъ выраженіемъ на лицѣ.

Всю остальную дорогу мы лишь изрѣдка перекидывались незначащими замѣчаніями. Наташа упорно смотрѣла въ сторону, и съ ея нахмуреннаго лица не сходило это злое, жесткое выраженіе. Мнѣ тоже не хотѣлось говорить. Солнце сѣло; теплый вечеръ спускался на поля; на горизонтѣ вспыхивали зарницы. Тоскливо было на сердцѣ...

7-го іюля.

Довольно было этой случайной встрѣчи, чтобы все такъ долго созидаемое душевное спокойствіе разлетѣлось прахомъ,—и вотъ я опять не знаю, куда дѣваться отъ тоски. Мнѣ вспоминается страстная рѣчь этого человѣка, вспоминается жадное вниманіе, съ какимъ его слушала Наташа; я вижу, какъ каррикатурно-убога его программа, и всетаки чувствую себя передъ нимъ такимъ мелкимъ и жалкимъ. И передо мною опять и опять встаетъ вопросъ: ну, а я-то, *чѣмъ же я живу?*

Время идетъ,—день за днемъ, годъ за годомъ... Что же, такъ всегда и жить,—жить, боясь заглянуть въ себя, боясь прямого отвѣта на вопросъ? Вѣдь у меня *ничего* нѣтъ. Къ чему мнѣ мое честное и гордое міросозерцаніе, что оно мнѣ даетъ? Оно ужъ давно мертво; это не любимая женщина, съ которою я живу одною жизнью, это лишь ея трупъ; и я страстно обнимаю этотъ прекрасный трупъ и не могу, не хочу вѣрить, что онъ нѣмъ и безжизненно-холоденъ; однако,

обмануть себя я не въ состояніи... Но почему же, почему нѣтъ въ немъ жизни?!

Не потому-ли, что все мое внутреннее содержаніе— лишь красивыя слова, въ которыя я самъ не вѣрю? Но развѣ же можно бояться словъ больше, чѣмъ я боюсь, развѣ можно больше вѣрить, чѣмъ я вѣрю? И я не „лишній человѣкъ“. Я ненависть чувствую ко всѣмъ этимъ тунеядцамъ, начиная съ темнаго Чулкатурина и кончая блестящимъ Плошовскимъ; я не могу простить нашей чуткой славянской литературѣ, что она благоуханными цвѣтами поэзіи увѣнчала людей, заслуживающихъ лишь сатирическаго бича. Меня не пугаетъ нужда, не пугаетъ трудъ; я съ радостью пойду на жертву; я работаю упорно, не глядя по сторонамъ и живя душою только въ этомъ трудѣ. И всетаки... всетаки мнѣ постоянно приходится повторять себѣ это, и я ношусь съ своею чахоткою, какъ молодой чиновникъ съ первымъ орденомъ. Пусто и мертво въ сердцѣ; кругомъ посмотрѣть, — жизнь молчитъ, какъ могила...

8-го іюля.

Сегодня послѣ ужина Вѣра съ Лидой играли въ четыре руки пятую симфонію Бетховена. Страшная это музыка: глубоко-тоскующіе звуки растутъ, перебиваютъ другъ друга и обрываются рыдая; столько тяжелаго отчаянія въ нихъ... Я слушалъ и думалъ о себѣ.

Наташа стояла на балконѣ, облокотясь о рѣшетку, и неподвижно смотрѣла въ темный садъ. Да, и ей не легко... Въ рѣчахъ этого Гаврилова на нее пахнуло изъ другого міра, далекаго и свѣтлаго,—міра, въ которомъ нѣтъ сомнѣній, въ которомъ все живо и сильно. Но гдѣ путь туда? Я смотрѣлъ на Наташу, и у меня сжималось сердце; какъ грустно опущена ея голова, сколько затаеннаго страданія во всей ея фигурѣ... Почему такъ дорога стала мнѣ эта дѣвушка? Мнѣ хотѣлось подойти къ ней, крѣпко пожать ея руку. Но что я скажу ей, и на что ей мое сожалѣніе? Она его отвергнетъ.

А звуки по прежнему горько плакали,—и какъ-то чище и глубже становилось отъ нихъ горе. И мнѣ казалось, что я найду, что сказать...

Я вышелъ на балконъ. Недавно былъ дождь; въ влажномъ саду была тишина, и крѣпко пахло душистымъ тополемъ; между вершинами елей свѣтился убывающій мѣсяцъ, надъ нимъ тянулись темныя тучи съ серебристыми краями; наверху сквозь бѣлесоватыя облака слабо мигали рѣдкія звѣзды.

— Хочешь, Наташа, на лодкѣ ѣхать?—спросилъ я, помолчавъ.

Наташа очнулась и оглядѣла меня какимъ-то недоумѣвающимъ, отчужденнымъ взглядомъ.

— Пойдемъ,—сказала она.

Мы спустились по влажной тропинкѣ къ рѣкѣ.

— Какъ рѣка прибыла!—тихо сказала Наташа, видимо, чтобъ только сказать что-нибудь.

— Да. И посмотри, какая тишина кругомъ: голосовъ ночи совсѣмъ нѣтъ. Это такъ всегда послѣ дождя.

— А ну!—Наташа остановилась и стала слушать. Потомъ пошла дальше.

Теперь я видѣлъ, что обманулся въ себѣ: я не зналъ, какъ начать и о чемъ говорить.

Мы сѣли въ лодку и отплыли. Мѣсяцъ скрылся за тучами, стало темнѣй; въ лощинкѣ за дубками болѣзненно и прерывисто закричала цапля, словно ее душили. Мы долго плыли молча; Наташа сидѣла, по прежнему опустивъ голову. Изъ-за темныхъ деревьевъ показался фасадъ дома; окна были ярко освѣщены, и торжествующая музыка гремѣла и разливалась надъ молчаливымъ садомъ: это была послѣдняя, заключительная часть симфоніи,—побѣда вѣрящей въ себя жизни надъ смертью, торжество правды и красоты и счастья безконечнаго.

Наташа вдругъ подняла голову.

— Митя! Помнишь, мы разъ съ тобою шли по саду, я тебя спрашивала, что мнѣ дѣлать? Ты говорилъ тогда о сельской учительницѣ... Скажи мнѣ правду: вѣрилъ-ли ты въ то, что говорилъ?

Я нѣсколько времени молчалъ; я не ожидалъ, что она такъ прямо, ребромъ поставитъ вопросъ.

— Что тебѣ сказать на это?—отвѣтилъ я нако-

нецъ.—Вѣрилъ-ли я? Да, Наташа, я вѣрилъ. Но... Ты хочешь правды. Я видѣлъ, какъ ты смотрѣла на меня, когда я сюда пріѣхалъ, видѣлъ, что ты чего-то ждала отъ меня. Меня это очень мучило, но что я могъ сдѣлать?.. Ты отъ *меня* ожидала разрѣшенія своихъ вопросовъ! Голубушка, ты ошиблась. Разсказывать-ли тебѣ, какъ я прожилъ эти три года? Я только обманывалъ себя „дѣломъ“; въ душѣ все время какой-то настойчивый голосъ твердилъ, что это не то, что есть что-то гораздо болѣе важное и необходимое; но гдѣ оно? Я потерялъ надежду найти его. Боже мой, какъ это тяжело! Жить и ничего не видѣть впереди; блуждать въ темнотѣ, горько упрекать себя за то, что нѣтъ у тебя сильнаго ума, который бы вывелъ на дорогу, какъ будто ты въ этомъ виноватъ. А между тѣмъ идетъ время...

Есть силы,—Боже, гибнутъ силы!
Есть пламень честный,—гаснетъ онъ!

Ты подозрѣваешь, что я самъ не вѣрю... Не вѣрю? Наташа, голубушка, я вѣрю, всею силою души вѣрю,—это ты ошибаешься. Люби ближняго своего, какъ самого себя,—нѣтъ больше этой заповѣди. Если бы ея не было, мнѣ страшно, что бы было со мною. И ты повѣришь, что я не фразы говорю. Но тебѣ нужно другое. Жить для другихъ, работать для другихъ... Все это слишкомъ обще. Ты хочешь идеи, которая бы наполнила всю жизнь, которая бы захватила тебя цѣликомъ и упорно вела къ опредѣленной цѣли; ты хочешь, чтобъ я вручилъ тебѣ

знамя и сказалъ: „вотъ тебѣ знамя,—борись и умирай за него"... Я больше тебя читалъ, больше видѣлъ жизнь, но со мною то же, что съ тобой: *я не знаю!*—въ этомъ вся мука.

Наташа сидѣла, подперевъ подбородокъ рукою, и сумрачно слушала; какъ непохожа была она теперь на ту Наташу, которая двѣ недѣли назадъ въ этой же лодкѣ съ жаднымъ вниманіемъ слушала мои разсказы о службѣ въ земствѣ! И чего бы я не далъ, чтобъ эти глаза взглянули на меня съ прежнею ласкою. Но тогда она ждала отъ меня того, что даетъ жизнь, а теперь я говорилъ о смерти, о смерти самой страшной,—смерти духа. И позоръ мнѣ, что я не остановился, что я продолжалъ говорить...

Я говорилъ ей, что я не одинъ такой; что все теперешнее поколѣніе переживаетъ то же, что я; у него *ничего* нѣтъ,—въ этомъ его ужасъ и проклятіе. Безъ дороги, безъ путеводной звѣзды, оно гибнетъ невидно и безповоротно... Пусть она посмотритъ на теперешнюю литературу,—развѣ это не литература мертвецовъ, отъ которыхъ ничего уже нельзя ждать? Безвременье придавило всѣхъ, и напрасны отчаянныя попытки выбиться изъ-подъ его власти...

Наташа все время не выронила ни слова; она взялась за руль и повернула лодку. Назадъ мы плыли молча. Мѣсяцъ закатился, черныя тучи ползли по небу; было темно и сыро; деревья сада глухо шумѣли. Мы

подплыли къ купальнѣ. Я вышелъ на мостки и сталъ привязывать цѣпь лодки къ столбу; Наташа неподвижно остановилась на носу.

— Я всетаки думаю, что ты ошибаешься,—тихо проговорила она, глядя вдоль рѣки, тускло сверкавшей въ темнотѣ.—Неужели же вправду необходимо быть такимъ рабомъ времени? Мнѣ кажется, что ты перенесъ на всѣхъ то, что только самъ переживаешь.

— Дай-Богъ!—сказалъ я, съ усмѣшкою пожавъ плечомъ.

Я вышелъ на берегъ. Наташа по прежнему непод вижно стояла въ лодкѣ.

— Ты еще не пойдешь домой?—спросилъ я.

— Нѣтъ,—коротко отвѣтила она.

Я сталъ подниматься по крутой, склизкой тропинкѣ. Когда я былъ уже въ саду, я услышалъ внизу, по рѣкѣ, ровный стукъ веселъ: Наташа снова поѣхала на лодкѣ.

И вотъ ужъ часъ прошелъ, а я все сижу у стола,—безъ мысли, безъ движенія; въ головѣ какая-то пустота безнадежная. На дворѣ идетъ дождь, черный садъ шумитъ отъ вѣтра, тоскливо и однообразно журчитъ вода въ дождевомъ жолобѣ... Наташа еще не возвращалась.

10-го іюля.

Наташа всѣ эти дни избѣгаетъ меня; мы сходимся только за обѣдомъ и ужиномъ; когда наши взгляды

встрѣчаются, въ ея глазахъ мелькаетъ что-то жесткое и презрительное... Богъ съ нею! Она шла ко мнѣ, страстно, безумно прося хлѣба, а я—я положилъ въ ея руку камень; что другое могла она ко мнѣ почувствовать, видя, что самъ я еще болѣе нищій, чѣмъ она?.. И кругомъ все такъ тоскливо: холодный вѣтеръ дуетъ не переставая, небо хмуро и своими слезами орошаетъ безсчастныхъ людей.

9 час. веч.

Сейчасъ нарочный привезъ мнѣ со станціи телеграмму изъ Слесарска: городская управа увѣдомляетъ, что я принятъ на службу, и проситъ пріѣхать немедленно. Слава Богу! Ѣду завтра вечеромъ.

11 іюля. 12 час. ночи.

Я въ Слесарскѣ; пріѣхалъ я всего полчаса назадъ. Ну, и городишко же! Гостинницъ нѣтъ, пришлось остановиться на постояломъ дворѣ. Мнѣ отвели узенькую комнату съ однимъ окномъ; синіе, потрескавшіеся обои, подъ тусклымъ зеркальцемъ—столъ, покрытый грязною скатертью съ розовыми разводами; щели деревянной кровати усѣяны очень подозрительными пятнышками. Кругомъ все глубоко спитъ, пальмовая свѣча слабо освѣщаетъ стѣны; потухающій самоваръ тянетъ тонкую-тонкую нотку; замолкнетъ на минуту, словно прислушиваясь къ чему-то, поворчитъ—и опять принимается

тянуть свою нотку. Спать еще не хочется; буду вспоминать сегодняшній день.

Къ обѣду пріѣхалъ въ Касаткино Викторъ Сергѣевичъ Гастевъ. Я укладывался у себя наверху и сошелъ внизъ, когда всѣ уже сидѣли за столомъ.

— А-а, докторъ! Здравствуйте! — встрѣтилъ меня Викторъ Сергѣевичъ, высоко поднимая руку и мягко опуская ее мнѣ въ ладонь. —Все-ли въ добромъ здоровьѣ?

— Вотъ, Викторъ Сергѣевичъ, —сказалъ дядя съ тѣмъ юмористическимъ выраженіемъ на лицѣ, которое у него всегда является при гостяхъ, — сей молодой человѣкъ, не желая спасать отъ холеры насъ, уѣзжаетъ на войну съ запятыми въ вашъ Слесарскъ.

Викторъ Сергѣевичъ поднялъ брови.

— Вы таки ѣдете въ Слесарскъ? — недовѣрчиво спросилъ онъ.

— Разумѣется, —отвѣтилъ я, невольно улыбнувшись.

Онъ взялъ стоявшую передъ нимъ рюмку съ водкой и взглянулъ въ нее на свѣтъ.

— А вы что же, Викторъ Сергѣевичъ, развѣ не сочувствуете сему геройскому подвигу? —спросилъ дядя тѣмъ же тономъ.

Викторъ Сергѣевичъ опрокинулъ рюмку въ ротъ и закусилъ селедкой.

— Отчего не сочувствовать? —равнодушно произнесъ онъ, вытирая салфеткою усы. —Убьютъ его тамъ черезъ

недѣлю,—ну, такъ вѣдь это пустяки: онъ человѣкъ одинокій.

— Да ну, Викторъ Сергѣевичъ!—замахала тетя руками. — Типунъ вамъ на языкъ! Что это такое—„убьютъ“!

— Да очень просто,—сказалъ онъ, пожавъ плечами.—Вы не знаете, что такое наша слесарская мастеровщина, а я знаю хорошо. Вы вотъ раньше спросите-ка, что это за народъ.

Онъ заткнулъ себѣ салфетку за жилетъ и принялся за борщъ.

— Что же это за народъ, Викторъ Сергѣевичъ?—спросила Соня.

Наташа, поднявъ голову, съ ожиданіемъ смотрѣла на него.

— Да вотъ, душенька, какой народъ. Недѣли двѣ назадъ позвали за рѣку доктора Чубарова къ старухѣ одной; оказалась дизентерія. Онъ прописалъ ей лекарство, а кромѣ того—карболки, чтобъ вылить въ отхожее мѣсто. Старушка-то святая и разсуди: зачѣмъ „лекарствіе“ въ такое мѣсто выливать? да стаканчикъ раствору и хватила. Ну, къ вечеру, разумѣется, и лежала подъ образами. Назавтра пріѣзжаетъ докторъ; собрался народъ, окружилъ его и началъ расправу: били его, били,—насилу полиція отняла. И теперь еще больной лежитъ. Розыски пошли, разслѣдованія... Четверыхъ арестовали.

— О, Боже ты мой!—въ ужасѣ воскликнула тетя.— Ну, слава Богу еще, что этого такъ не оставили: все-таки на нихъ теперь страхъ будетъ.

— Страхъ?—расхохотался Викторъ Сергѣевичъ.— Д-да-а... Черезъ два дня послѣ этого вдругъ въ чистомъ полѣ загорѣлся баракъ; весь сгорѣлъ, до послѣдней щепочки. Теперь ужъ новый строятъ, кончаютъ. Опять полиція нагрянула, опять аресты, розыски... Народъ возбужденъ и озлобленъ до крайности; и не скрываетъ никто, прямо говорятъ: пусть къ намъ доктора пришлютъ, мы съ нимъ раздѣлаемся. А слухи, слухи идутъ,—одинъ другого нелѣпѣе. Недавно разсказываетъ мнѣ горничная: доктора съ полиціей вломились къ одному сапожнику, у котораго болѣла голова; самого его утащили въ больницу, а всѣ его инструменты, товаръ,— все пожгли; теперь сапожника этого выпустили, но онъ совершенно разоренъ и сталъ нищимъ... Торговки на базарѣ громко разсказываютъ: дескать, выписываютъ къ намъ трехъ докторовъ, чтобъ народъ травить. Вчера еще приходитъ ко мнѣ моя прачка, плачетъ. „Горе, говоритъ, мнѣ, баринъ, съ сыновьями моими! пришли они намедни съ фабрики, разсказываютъ: ребята сговорились,—если докторовъ въ Зарѣчье пошлютъ, всѣхъ ихъ разнести. Мы, говорятъ, тоже пойдемъ. Никакихъ моихъ уговоровъ не слушаютъ, погубятъ свои головы“... Вѣдь это ужъ сознательный заговоръ!—закончилъ Викторъ Сергѣевичъ, значи-

тельно мигнувъ бровями, и снова принялся за борщъ.— И вѣдь говорилъ я все Дмитрію Васильевичу, предупреждалъ его въ Пожарскѣ,—нѣтъ! пришла охота на ножъ лѣзть!

Наташа быстро и пристально взглянула на меня; встрѣтившись съ моимъ взглядомъ, она отвела глаза въ сторону, но я успѣлъ прочесть въ нихъ что-то странное: Наташа словно была удивлена тѣмъ, что я, посылая заявленіе изъ Пожарска, ужъ зналъ обо всемъ этомъ.

— Не такъ это, Викторъ Сергѣевичъ, страшно все, какъ издали кажется,—неохотно замѣтилъ я.

— Да?—разсмѣялся онъ.—А читали вы, что въ Астрахани и Саратовѣ дѣлается?

— Нѣтъ. А что такое? (Послѣднія газеты были только что привезены со станціи, и я ихъ еще не просматривалъ).

Викторъ Сергѣевичъ сталъ разсказывать о разразившихся на Поволжьѣ безпорядкахъ, гдѣ толпа, обезумѣвъ отъ горя и ужаса, разбивала больницы и въ клочки терзала людей, шедшихъ къ ней на помощь.

— Ну, вотъ видите!—закончилъ онъ.—Если тамъ такія вещи происходятъ, то у насъ и подавно произойдутъ, за это я вамъ ручаюсь. Помочь вы все равно ничего не поможете,—никто къ вамъ и не обратится,—а погибнете совершенно напрасно. Пользы отъ этого никому вѣдь не будетъ, не такъ-ли?.. Ну, во-отъ!.. — И онъ добродушно захохоталъ.

— Да нѣтъ, Митечка, это ты вправду, въ такомъ случаѣ лучше не поѣзжай!—взволнованно сказала тетя.

— Ну, мама!..—вполголоса быстро проговорила Наташа, вся встрепенувшись.

— Да какъ же, душечка? Вѣдь они и въ самомъ дѣлѣ убьютъ его тамъ; онъ даже и пользы никакой не принесетъ... А ну ихъ совсѣмъ, не нужно и жалованія ихъ въ полтораста рублей!

— Да ужъ поздно теперь, тетя!—засмѣялся я.—Не отказываться же, разъ поступилъ!

Разговоръ перешелъ на другое.

Послѣ обѣда подали кофе. На дворѣ ужъ запрягали тарантасъ. Мнѣ было какъ-то особенно весело, и я съ любовью приглядывался къ окружавшимъ лицамъ. Завязался общій разговоръ; шутили, смѣялись. Я вступилъ съ Вѣрою въ яростный споръ о Шопенѣ, въ которомъ, какъ и вообще въ музыкѣ, ничего не понимаю, но который дѣйствительно возбуждаетъ во мнѣ какую-то безотчетную антипатію. Я любовался Вѣрою, какъ она волновалась и въ ужасѣ всплескивала руками, когда я называлъ классика Шопена „салоннымъ композиторомъ“.

Наташа все время молчала; мы съ нею не перемолвились ни словомъ. Но иногда, случайно обернувшись, я ловилъ на себѣ ея взглядъ, быстрый и пристальный,—и у меня въ душѣ все начинало смѣяться.

Лошадей подали. Всѣ вышли провожать меня на

крыльцо. Пошло прощаніе. Тетя три раза перекрестила меня и, обнимая, тихо всхлипнула.

Послѣ всѣхъ я подошелъ къ Наташѣ. Она какъ-то вся растерялась при моемъ приближеніи и робко подняла на меня глаза,—дѣтски-восторженные, любящіе... Я обнялъ ее; она вдругъ охватила мою шею руками и крѣпко, горячо поцѣловала меня. А всегда она цѣлуетъ неохотно и отрывисто, словно кусаетъ...

Я ѣхалъ въ вагонѣ, высунувшись изъ окна, смотрѣлъ, какъ по ночному небу тянулись тучи, какъ на горизонтѣ вспыхивали зарницы,—и улыбался въ темноту.

3 часа ночи.

Легъ было спать, но заснуть не удалось; тысячи голодныхъ клоповъ такъ и облѣпили тѣло; проворочался два часа; все равно не заснешь. Свѣтаетъ, въ окно видна широкая, пустынная улица; маленькіе домики спятъ безпробудно...

Я хочу искренно отвѣтить себѣ на вопросъ: боюсь-ли я? — Нѣтъ, и мнѣ это очень странно. Раньше я не представлялъ себѣ, какъ можно жить, окруженнымъ всеобщею ненавистью; когда я видѣлъ раненыхъ и изувѣченныхъ, мнѣ порою приходила въ голову мысль: неужели и со *мною* можетъ когда-нибудь случиться нѣчто подобное? Теперь же я представляю себѣ все это очень ясно, и только улыбаюсь. Какъ будто я теперь совсѣмъ

другимъ сталъ: на душѣ свѣтло и бодро, кругомъ все такъ необычно-хорошо, хочется борьбы и дѣла.

Вотъ оно, въ холодномъ утреннемъ туманѣ тянется Зарѣчье... Покорю-ли я его, или оно меня раздавитъ?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

15 іюля.

Я ужъ три дня въ Чемеровкѣ. Вотъ оно, это грозное Зарѣчье!.. Черезъ горки и овраги бѣгутъ улицы, заросшія веселой муравкой, сады безъ конца; въ тѣни кленовъ и лозинъ ютятся вросшіе въ землю трехъоконные домики, крытые почернѣвшимъ тесомъ. Днемъ на улицахъ тишина мертвая, солнце жжетъ; изъ раскрытыхъ оконъ доносится стукъ токарныхъ станковъ и лязгъ стали; подъ заборами босые ребята играютъ въ ладыжки. Изрѣдка пробредетъ къ рѣкѣ съ простыней подмышкой отставной чиновникъ или семинаристъ.

Къ вечеру улицы оживляются. Кустари заканчиваютъ работы, съ фабрикъ возвращается народъ. Поужинавъ, всѣ высыпаютъ за ворота. Вдали, окутанный синимъ туманомъ, глухо шумитъ городъ; подъ лучами заходящаго солнца бѣлѣютъ колокольни, блестятъ кресты церквей. Сумерки сгущаются. Я люблю въ это время бродить по Чемеровкѣ. У покосившихся воротъ, подъ нависшею ивою, стоитъ дѣвушка и, кутаясь въ платокъ, слушаетъ говорящаго ей что-то мастерового; мнѣ нравится ея от-

крытая русая головка, нравится этотъ счастливый, смѣющійся взглядъ исподлобья, который она порою бросаетъ на собесѣдника. Гдѣ-то мычитъ корова, изъ чащи сада несется заунывная пѣсня... Гаснетъ заря, яркія звѣзды зажигаются въ небѣ; темно на улицахъ, но въ темнотѣ этой чувствуется жизнь, слышенъ говоръ, сдержанный женскій смѣхъ... Къ одиннадцати часамъ все смолкаетъ; ни огонька во всемъ Зарѣчьѣ, вездѣ спятъ, и только собаки безшумно снуютъ по пустыннымъ улицамъ.

Я нанялъ квартиру на концѣ Зарѣчья у мѣщанина, содержащаго фруктовый садъ; весь домикъ въ три комнаты я занимаю одинъ. Крыльцо и окна пріемной выходятъ на улицу, изъ спальни виденъ садъ съ яблонями и длинными рядами кустовъ черной смородины, крыжовника, барбариса.

Баракъ стоитъ за городомъ, на лугу, рядомъ съ обугленными развалинами прежняго барака. Въ немъ уютно и весело, пахнетъ свѣжимъ деревомъ; вдоль стѣны тянутся кровати съ чистыми подушками и сѣрыми суконными одѣялами; солнце смотритъ въ окна и играетъ на новыхъ мѣдныхъ тазахъ. При баракѣ — фельдшеръ-хохолъ Харлампій Алексѣевичъ Прищепенко. Говоритъ онъ медленно и почтительно, высоко поднимая брови и припечатывая каждую фразу словомъ „да!“ Разспрашивалъ я фельдшера о настроеніи зарѣчанцевъ, о пожарѣ барака; онъ разсказывалъ обо всемъ обстоятельно и спокойно, какъ о чемъ-то вполнѣ обычномъ; потомъ пере-

шелъ къ тому, что нужно бы сдѣлать кой-какія закупки для барака... Признаться, совѣстно мнѣ стало за мое повышенное настроеніе духа!

Все бы хорошо въ баракѣ,—но низшій персоналъ!.. Интересно знать, откуда къ намъ набрали такихъ. Одинъ служитель, Павелъ,—маленькій человѣкъ съ мутными, блудливыми глазами, которыми никогда не смотритъ въ лицо; одѣтъ онъ въ пиджакъ и штаны на-выпускъ; по всему видно, — прощалыга, прельстившійся высокой платой. Сегодня подъ моимъ руководствомъ онъ приготовлялъ сѣрно-карболовый растворъ. Когда я сказалъ ему, чтобъ онъ поосторожнѣе обращался съ сѣрной кислотой,—на руку попадетъ, такъ всю руку разъѣстъ, — въ глазахъ Павла мелькнуло что-то, что трудно описать; но я голову даю на отсѣченіе, что поступилъ онъ къ намъ въ баракъ, какъ поступилъ бы... въ шайку разбойниковъ. Другой служитель, Өедоръ,—неповоротливый деревенскій парень съ соннымъ и глуповатымъ лицомъ. И вотъ весь нашъ, съ позволенія сказать, „санитарный отрядъ“.

17 іюля.

Я ужъ нѣсколько дней назадъ вывѣсилъ на дверяхъ объявленіе о безплатномъ пріемѣ больныхъ; до сихъ поръ, однако, у меня былъ только одинъ старикъ-эмфизематикъ, да двѣ женщины приносили своихъ грудныхъ дѣтей съ лѣтнимъ поносомъ. Но всѣ въ Чемеровкѣ уже знаютъ меня въ лицо и знаютъ, что я докторъ. Когда я

иду по улицѣ, зарѣченцы провожаютъ меня угрюмыми, сумрачными взглядами. Мнѣ теперь каждый разъ стоитъ борьбы выйти изъ дому: какъ сквозь строй, идешь подъ этими взглядами, не поднимая глазъ.

18 іюля.

Все вокругъ какъ будто спокойно, но что-то зловѣщее носится въ воздухѣ; нервы напряжены до крайности; черезъ фельдшера, черезъ кухарку, отовсюду до меня доходятъ странные слухи: меня будто видѣли ночью у молчановскаго колодца, видѣли, что я сыпалъ въ него какой-то порошокъ; молотобойцы изъ кузницы погнались за мною, но я перепрыгнулъ черезъ заборъ въ баташовскій садъ и скрылся. Другіе видѣли, какъ ночью провезли въ баракъ цѣлый обозъ гробовъ и крючьевъ. Собираются, будто, вторично поджечь баракъ, перебить полицію и медицинскій персоналъ. Я стараюсь увѣрить себя, что не боюсь, но при каждой пьяной пѣснѣ на улицѣ, при каждомъ стукѣ сердце непріятно вздрагиваетъ.

19 іюля. Воскресенье.

Сегодня вечеромъ я получилъ по почтѣ безграмотное письмо, въ которомъ какой-то анонимный доброжелатель предваряетъ меня, что этою ночью „ребята“ собираются разгромить мою квартиру. Когда я читалъ письмо, за мною прислали отъ покровскаго священника, съ дочерью котораго случился какой-то припадокъ. Оказалась груд-

пая жаба. Возвращался я домой по Ключарной улицѣ. Было темно, тучи низко нависли надъ городомъ; накрапывалъ дождь. Дверь кабака раскрылась, тусклая полоса свѣта легла на дорогу и отразилась въ лужѣ; какія-то двѣ тѣни неслышно перешли улицу и скрылись около пустыря. Мнѣ приходилось идти мимо. Оборванный, босой мужчина въ широкихъ штанахъ прятался въ углубленіи калитки, молча и внимательно слѣдя за мною взглядомъ; я невольно выпрямился и, проходя, сжалъ въ рукѣ палку. Сзади опять появились двѣ тѣни; до меня донеслось слово: „докторъ!“ Я свернулъ на Мотякинскую улицу, потомъ на Серебрянку. Тѣни слѣдовали за мною по ту сторону улицы, прячась у заборовъ.

Воротился я домой. Перепуганная кухарка сообщила мнѣ, что сейчасъ приходила кучка пьяныхъ чемеровцевъ и спрашивала меня. Ея увѣреніямъ, что меня нѣтъ дома, они не повѣрили и начали ломиться въ дверь. Какой-то прохожій сказалъ имъ, что только-что видѣлъ меня у церкви Николы-на-Ржавцахъ. Они всѣ двинулись туда по Ямской улицѣ.

— Вы бы, баринъ, до завтраго уѣхали бы въ городъ,—посовѣтовала мнѣ кухарка.—Долго-ли до грѣха? Народъ пьяный, въ головѣ Богъ знаетъ что...

— Эхъ, Авдотьюшка, не такъ все это страшно!—засмѣялся я, потрепавъ ее по плечу.—Что они мнѣ сдѣлаютъ? И здѣсь переночуемъ: не велика бѣда.

Уѣхать въ городъ... Не захватить-ли мнѣ съ собою

кстати и фельдшера съ служителями, чтобы въ случаѣ заболѣванія никого изъ насъ не могли найти?

Авдотья улеглась спать. Мнѣ не спится, и я сижу за своимъ письменымъ столомъ...

Что скрываться передъ собою? Мнѣ тяжело и страшно. Страшно этой темноты, страшно того, что нельзя защищаться; когда я подумаю: вотъ сейчасъ ворвутся сюда эти люди,—безумный ужасъ овладѣваетъ мною, и я не могу примириться съ мыслью: да какъ это возможно?! за что?

Дождь тихо капаетъ по листьямъ; въ темномъ саду слышенъ какой-то смутный шорохъ; и я тутъ одинъ...

21 іюля.

Я легъ вчера спать въ первомъ часу ночи. Только что задремалъ, какъ въ комнату раздался стукъ; Авдотья просунула голову въ дверь и доложила, что пришелъ фельдшеръ. У меня въ предчувствіи ёкнуло сердце; я велѣлъ позвать его къ себѣ и зажегъ свѣчу.

Въ комнату медленно и неслышно вошелъ Харлампій Алексѣевичъ, — блѣдный, съ широко-раскрытыми глазами.

— Дмитрій Васильевичъ, у насъ въ Зарѣчьѣ холера!—гробовымъ голосомъ проговорилъ онъ.

— Да ну?!

— Настоящая: съ рвотой, съ судорогами... На Ключарной улицѣ. Слесарь Черкасовъ.

— Что, вы сами видѣли? Были вы ужъ тамъ?

— Былъ-съ. За мною въ баракъ прислали. Я велѣлъ воду грѣть и вотъ къ вамъ пришелъ.

Я сталъ торопливо одѣваться. По груди и спинѣ бѣгала мелкая, частая дрожь, во рту было сухо; я выпилъ воды. „Нужно бы поѣсть чего-нибудь“, мелькнула у меня мысль. „На тощій желудокъ нельзя выходить... Впрочемъ, нѣтъ: я всего полтора часа назадъ ужиналъ“. Я одѣлся и суетливо сталъ пристегивать къ жилеткѣ цѣпочку часовъ.

Харлампій Алексѣевичъ стоялъ, поднявъ брови и неподвижно уставясь глазами въ одну точку. Взглянулъ я на его растерянное лицо,—мнѣ стало смѣшно, и я сразу овладѣлъ собою.

— Ну, вотъ и практика у насъ съ вами появилась!— сказалъ я съ улыбкой.—Вы все захватили, что нужно?

— Все есть. Павелъ тамъ на крыльцѣ стоитъ, у него.

Мы вышли на улицу. Передо мною, отлого спускаясь къ рѣкѣ, широко раскинулось Зарѣчье; въ двухъ-трехъ мѣстахъ мерцали огоньки, вдали лаяли собаки. Все спало тихо и безмятежно, а въ темнотѣ вставалъ надъ городомъ призракъ грозной гостьи...

На Ключарной улицѣ мы вошли въ убогій, покосившійся домикъ. Въ комнатѣ тускло горѣла керосинка; молодая женщина съ красивымъ, испуганнымъ лицомъ, держа на рукахъ ребенка, подкладывала у печки щепки подъ таганокъ, на которомъ кипѣлъ большой жестяной

чайникъ; въ углу, за печкой, лежалъ на досчатой кровати крѣпкій мужчина лѣтъ тридцати, — блѣдный, съ полузакрытыми глазами; закинувъ руки подъ голову, онъ слабо стоналъ.

— Добрый вечеръ!—сказалъ я, снимая пальто.

— Здравствуйте! — отвѣтила молодая женщина, взглянувъ на меня, и сейчасъ же снова повернулась къ печкѣ.

Я подошелъ къ больному и пощупалъ пульсъ; рука была холодная, но пульсъ прекрасный и полный.

— Давно ужъ схватило его?—спросилъ я молодую женщину.

— Послѣ обѣда сегодня,—отвѣтила она, не глядя на меня.—Пришелъ съ работы, пообѣдалъ, черезъ часъ и схватило.

Говорила она неохотно, словно стараясь отвязаться отъ тѣхъ пустяковъ, съ которыми я къ ней приставалъ; и вообще держалась она со мною такъ, какъ будто я былъ случайно зашедшій съ улицы человѣкъ, только мѣшавшій ей въ ея важномъ дѣлѣ.

— Ну, что, Черкасовъ, какъ вы себя чувствуете?—спросилъ я больного.

Онъ медленно открылъ глаза и взглянулъ на меня.

— Нутро жжетъ, ваше благородіе, мочи нѣтъ; тошно на сердцѣ.

— Хотите воды со льдомъ?

Фельдшеръ подалъ ему ковшъ; онъ припалъ губами къ краю, жадно глотая воду.

— Съ чего это случилось съ вами?—спросилъ я.— Не поѣли-ли вы сегодня чего тяжелаго?

Черкасовъ снова легъ на спину.

— Съ молока это, ваше благородіе: пришелъ я съ работы уставши, поѣлъ щей, а потомъ сейчасъ двѣ чашки молока выпилъ.

Онъ замолчалъ и закрылъ глаза. Фельдшеръ готовилъ горчичникъ. Я вынулъ изъ кармана порошокъ каломеля.

— Ну, Черкасовъ, примите вотъ порошокъ!—сказалъ я.

Его жена быстро подошла ко мнѣ и остановилась, слѣдя за каждымъ моимъ движеніемъ.

— Нѣтъ, ваше благородіе, это вы оставьте: не стану я порошковъ принимать! — рѣшительно отвѣтилъ Черкасовъ.

— Вы думаете, я васъ отравить хочу?—сказалъ я, сдерживая улыбку.—Ну, вотъ вамъ два порошка, выбирайте одинъ; другой я самъ приму.

Черкасовъ поколебался, однако взялъ порошокъ; другой я высыпалъ себѣ въ ротъ. Жена Черкасова, нахмуривъ брови, продолжала пристально слѣдить за мною. Вдругъ Черкасовъ какъ-то дернулся, быстро поднялся на постели, и рвота сильною, широкою струею хлынула на земляной полъ. Я еле успѣлъ отскочить. Черкасовъ, свѣсивъ голову надъ поломъ, тяжело стоналъ въ рвотныхъ потугахъ. Я подалъ ему воды; онъ выпилъ и снова легъ.

— Ну, Черкасовъ, примите же порошокъ! — сказалъ я.

— А ну, выпейте-ка допрежь того воды вашей,— проговорила жена Черкасова, враждебно глядя на меня.

— Ты, матушка, слишкомъ-то ужъ не дури!—строго прикрикнулъ на нее фельдшеръ.—Съ чего это докторъ вашу воду пить станетъ?

— Вода-то наша, я это знаю, а ледъ-то вашъ!

— Ну, что ты съ нею станешь дѣлать? — улыбнулся я, взглянувъ на фельдшера. — Давайте вашу воду.

У меня смутно шевелилась надежда, что воду она мнѣ дастъ въ чистой посудѣ. Жена Черкасова взяла ковшъ, стоявшій у постели мужа, и протянула его мнѣ. У меня упало сердце.

— „Да вѣдь отсюда только сейчасъ холерный пилъ!“ — со страхомъ подумалъ я, поднося ковшъ къ губамъ. Мнѣ ясно помнится этотъ желѣзный, погнутый край ковша и слабый металлическій запахъ отъ него. Я сдѣлалъ нѣсколько глотковъ и поставилъ ковшъ на столъ.

Черкасовъ принялъ порошокъ. Фельдшеръ положилъ ему на животъ горчичникъ. Стало тихо. Больной лежалъ, неподвижно вытянувшись; керосинка, коптя и мигая, слабо освѣщала комнату; молодая женщина укачивала плакавшаго ребенка.

— Вы скажите, Черкасовъ, когда горчичникъ жечь станетъ,—сказалъ я.

— Ничего, ваше благородіе, оно жжетъ, только пріятно,—тихо отвѣтилъ онъ.

Я сидѣлъ на табуреткѣ, свѣсивъ голову. Теперь у меня въ желудкѣ тысячи холерныхъ бациллъ; есть тамъ еще соляная кислота или нѣтъ? Въ животѣ слабо бурчало и переливалось.

— Опять ревматизмъ появился въ ногахъ! — быстро проговорилъ Черкасовъ, начиная ежиться и двигаться на постели.—Аксинья! три, ради Бога!.. три скорѣй!

Я пощупалъ подъ одѣяломъ его ноги: мускулы икоръ судорожно сокращались и были тверды, какъ камень.

— О-ооо!.. О-ооо!—протяжно стоналъ больной, дрожа и вытягиваясь во весь ростъ. Мы стали оттирать его горячими бутылками и камфарнымъ спиртомъ.

Судороги постепенно ослабѣли. Черкасовъ закинулъ за голову мускулистыя руки и лежалъ съ полуоткрытыми глазами, изрѣдка тяжело вздыхая. Павелъ подавалъ ему воду, и онъ жадно пилъ ее цѣлыми ковшами.

Въ комнату вошла толстая, немолодая женщина съ бойкимъ лицомъ и черными бровями.

— Здравствуйте, господинъ докторъ!—проговорила она.—Ну, что, сосѣдушка, какъ муженекъ?

— Да лежитъ вотъ!—коротко отвѣтила та.

— Говорите-ка вотъ съ ними, господинъ докторъ! Ни за что за вами не хотѣли посылать, пройдетъ, говорятъ, и такъ. А я смотрю, ужъ кончается человѣкъ, на

ладанъ дышитъ. Что ты, я говорю, Аксиньюшка, али ты своему мужу не жена? Тутъ только одинъ докторъ и можетъ понимать.

— Чѣмъ раньше будете за мною посылать, тѣмъ лучше,—сказалъ я.—Вѣдь это такая болѣзнь: захватишь въ началѣ,—пустяками отдѣлаешься. А у васъ какъ? „Пройдетъ", да „пройдетъ", а какъ ужъ плохо дѣло, такъ за докторомъ. Послѣ обѣда схватило, сейчасъ-бы и послали. Давно бы здоровъ былъ. Ну, да и теперь, Богъ дастъ, поправится.

— Да, вѣдь... миленькій! Ну, какъ же иначе?—Вонъ, говорятъ, кругомъ болѣзнь ходитъ. Доктора учатся, они понимаютъ. А что пустяки-то разные болтаютъ въ народѣ, такъ нешто все переслушаешь?

Больной пошевелился на постели.

— Ужъ больно жжетъ горчичникъ, прикажите снять, ваше благородіе!—сказалъ онъ.

Вскорѣ опять началась рвота. Больной слабѣлъ, глаза его тускнѣли, судороги все чаще сводили ноги и руки, но пульсъ все время былъ прекрасный. Мы втроемъ растирали Черкасова. Сосѣдка ушла; Аксинья сидѣла въ углу, съ какимъ-то тупымъ вниманіемъ глядя на насъ.

Свѣтало. Я всполоснулъ руки сулемою и вышелъ наружу покурить. На улицѣ было безлюдно; въ березахъ сосѣдняго сада чирикали воробьи. Аксинья тоже вышла.

— Вотъ что, голубушка,—сказалъ я,—вы всю эту

посуду, изъ которой пилъ больной, отставьте въ сторонку и не пейте изъ нея сами, а то заразитесь. И одѣяло, и кафтанъ, которымъ онъ покрытъ, отложите. Нужно будетъ все это въ горячей водѣ прокипятить.

— Намъ что жъ? Кипятите.

Аксинья помолчала.

— Ему вѣсть была дана,—проговорила она, глядя вдаль.

— Какая вѣсть?

— Утромъ вчера шелъ черезъ мостъ, его ласточка крыломъ задѣла. Пришелъ къ обѣду, сказывалъ.

— Ну, пустяки! Какая тамъ вѣсть! Богъ дастъ, выздоровѣетъ.

Я воротился въ комнату. Больной затихъ и лежалъ спокойно, закрывъ глаза и держа въ рукахъ горячую бутылку; иногда только судороги схватывали его ноги, и лицо его болѣзненно перекашивалось.

Блѣдное утро смотрѣло въ окна. Фельдшеръ, понуривъ голову, дремалъ на табуреткѣ; больной, укутанный тремя одѣялами, также задремалъ. Стало тихо. Въ низкой комнатѣ было темно и душно, несмотря на открытыя окна; керосинка тускло освѣщала грязную, промасленную поверхность стола и выступъ печи; пахло тараканами и керосиномъ. Я сидѣлъ на постели Черкасова и подъ одѣяломъ водилъ горячею бутылкою по его ногамъ. Въ люлькѣ лежалъ подъ кучею красныхъ тряпокъ грязный, блѣдный ребенокъ съ огромными ушами;

онъ не спалъ; поднявъ безволосыя брови, онъ молча и пристально смотрѣлъ на меня, изрѣдка двигая по одѣялу худыми, какъ спички, ручонками. Я тоже смотрѣлъ на него... Для чего любовь этихъ двухъ сильныхъ, красивыхъ людей, дающая въ результатѣ такихъ жалкихъ, рахитическихъ уродцевъ? И для чего вообще они трудятся, что поддерживаетъ ихъ въ ихъ тяжелой работѣ? Неужели забота объ этомъ смрадномъ углѣ?..

Черкасовъ началъ тихонько всхрапывать. Я велѣлъ фельдшеру полить сулемою полъ, а самъ съ Аксиньей и Павломъ вышелъ изъ комнаты, чтобъ дезинфицировать отхожее мѣсто. Увы! его не оказалось, и пришлось полить чуть не весь дворикъ.

Когда мы воротились, больной по-прежнему тихо спалъ. Фельдшеръ, сидя на табуреткѣ, въ сонливой задумчивости смотрѣлъ въ одну точку и клевалъ носомъ. Я отпустилъ его съ Павломъ домой и остался одинъ. Аксинья прикурнула на сундукѣ и тоже задремала. Я еще съ часъ просидѣлъ на завалинкѣ, куря и любуясь восходомъ солнца. Черкасовъ крѣпко спалъ; онъ былъ внѣ опасности. Дезинфекцію приходилось отложить, чтобы дать больному выспаться. Я разбудилъ Аксинью, еще разъ повторилъ ей, чтобъ посуду, бѣлье, одежду она не трогала до нашего прихода, и отправился домой.

Въ девять часовъ утра мы явились произвести дезинфекцію. Черкасовъ, въ чистой, топорщившейся ситцевой рубахѣ и блестящихъ сапогахъ, стоялъ у воротъ, держа на рукахъ ребенка.

*

— Вотъ ужъ какъ! — съ радостнымъ удивленіемъ воскликнулъ я, оглядывая его. — Вы-ли это, Черкасовъ? Ну, молодецъ!.. Здравствуйте!

— Здравствуйте, ваше благородіе! — поклонился Черкасовъ, любовно глядя на меня.

— Какъ вы себя чувствуете?

— Да какъ есть здоровъ. Спасибо, ваше благородіе, что отходили. А намедни такъ ужъ и думалъ, что помирать пора пришла.

— Ну, такъ вотъ же что, Черкасовъ: вы теперь съ ѣдою поосторожнѣе будьте, не ѣшьте зелени и ничего тяжелаго. Лучше всего съѣшьте сегодня яичко въ смятку да чаю выпейте съ коньякомъ, я вамъ дамъ.

— Слушаю-съ! Да вы пожалуйте въ горницу.

Я вошелъ въ комнату и невольно остановился. Боже мой, что я увидѣлъ! Земляной полъ былъ подтертъ чисто-на-чисто, посуда, вся перемытая, стояла на полкѣ, а Аксинья, засучивъ рукава, мѣсила тѣсто на скамейкѣ, стоявшей вчера у изголовья больного. У меня опустились руки.

— Ну, скажите, пожалуйста, Аксинья, что вы такое сдѣлали?—спросилъ я, черезъ силу сдерживаясь.

— Что я такое сдѣлала?

— Вѣдь я же вамъ сегодня утромъ нѣсколько разъ говорилъ: не подтирайте пола, отставьте всю посуду въ сторону...

— Да что жъ ей грязной стоять?

— А то вотъ, что вы теперь по всему дому заразу разнесли! Понимаете вы это?.. Эхъ!..

Я махнулъ рукою и обратился къ Черкасову.

— Ну, вотъ что, Черкасовъ: всетаки нужно будетъ комнату отъ заразы очистить. Всѣ подушки, одѣяло, которымъ вы вчера покрывались, дайте намъ; мы ихъ вамъ завтра отдадимъ. И комнату нужно будетъ хорошенько полить и обрызгать.

Фельдшеръ взялъ въ руки бутыль съ сулемой.

— Ну, нѣтъ, ваше благородіе, это вы велите оставить!—быстро проговорилъ Черкасовъ съ враждебно-засвѣтившимся взглядомъ.

— Вотъ те разъ!.. Да вы знаете-ли, Черкасовъ, что у васъ было? Вѣдь у васъ *холера* была, заразительная болѣзнь; если не полить комнату, такъ зараза во всѣ стороны поползетъ, по всему Зарѣчью пойдетъ.

— Да окончательно сказать, у меня одни пустяки были: поѣлъ вчера щей съ молокомъ, только и всего. Нешто это холера?

— Скажите, Черкасовъ, а вы видали когда-нибудь холеру?

— Н-нѣтъ, не видалъ.

— А я видалъ, и говорю вамъ, что это холера. Вѣдь нельзя же такъ объ одномъ себѣ думать! Не убьешь заразы, она пойдетъ дальше; и сосѣдей всѣхъ заразите, и жену. Подумайте сами, — ну, развѣ же можно такъ?

Въ комнату вошла приходившая ночью сосѣдка Черкасовыхъ и остановилась у дверей.

— Да ни за что я не дамъ поливать! — сказала Аксинья.—Польете карболкой, вонь пойдетъ...

— Какая карболка? Сулема это, а не карболка. Понюхайте,—развѣ есть вонь?

Я протянулъ ей бутыль. Аксинья понюхала.

— Конечно, есть!

— Ну, да понюхайте же хорошенько! Вѣдь ничѣмъ не пахнетъ, какъ вода. Мы же ночью этимъ самымъ поливали.

— У меня вонъ дѣти и такъ еле дышатъ,—сказалъ Черкасовъ.—Польете карболкой, всѣ перемрутъ.

— Да, Иванъ Андреевичъ, отъ карболки вреда нѣту,—вмѣшалась сосѣдка.—Вотъ у меня на Всѣхъ-Святыхъ дитё умерло отъ горла; все карболкой полили,—отлично! Это заразу убиваетъ.

— Э, все это отъ Бога!—сказала Аксинья.—Богъ не захочетъ, ничего не будетъ!

— Отъ Бога?.. Скажите, Аксинья, зачѣмъ же вы меня ночью позвали?—спросилъ я.—Богъ-то Богомъ, а я вамъ говорю: если бы не позвали меня, вашъ мужъ теперь въ гробу лежалъ бы, знаете вы это? Вѣдь онъ ужъ кончался, когда я пришелъ.

— Кончался, какъ есть кончался! — подтвердила сосѣдка.—Прихожу я,—ужъ холодать началъ, и глаза закатилъ...

— За это я вамъ по гробъ своей жизни благодаренъ!—сказалъ Черкасовъ поклонившись.

— Да что мнѣ отъ вашей благодарности? Какъ самому плохо пришлось, такъ доктора поскорѣе звать, а какъ дѣло о другихъ, такъ сейчасъ: „все отъ Бога"... Стыдно вамъ, Черкасовъ! Что, вы крестъ на шеѣ носите или нѣтъ? Если теперь кто по близости заболѣетъ, да помретъ, такъ *вы* будетъ виноваты! Кайтесь тогда, замаливайте грѣхъ,—поздно будетъ!—проговорилъ я, угрожающе постучавъ пальцемъ по столу.

— Да вѣдь я все только насчетъ дѣтей,—сказалъ Черкасовъ, понизивъ голосъ.

— Ну, послушайте, Черкасовъ, — подумайте немножко; вѣдь не глупый же вы человѣкъ. Я надъ вами всю ночь сидѣлъ, отходилъ васъ,—хочу я вамъ зла или нѣтъ? Что мнѣ за охота вашихъ дѣтей морить? Вѣдь можете понюхать, сами видите, что ничѣмъ не пахнетъ. А заразу-то нужно же убить, вѣдь вы больны были заразительною болѣзнью. Я не говорю ужъ о сосѣдяхъ,—и жена ваша, и дѣти могутъ заразиться. Сами тогда ко мнѣ прибѣжите.

— Ну, ну, Иванъ, чего ты, въ самомъ дѣлѣ?—сказалъ фельдшеръ.— Словно ребенокъ какой, ничего не понимаешь!

Онъ взялъ бутылку и сталъ поливатъ полъ.

— Да не дамъ я поливать!—крикнула Аксинья,

бросаясь къ нему. Черкасовъ стоялъ, угрюмо и злобно закусивъ губу.

— Ну, матушка, ты здѣсь не слишкомъ-то бунтуй!— сказалъ фельдшеръ.—А то мы полицію позовемъ.

— Дѣло не въ полиціи,—прервалъ я его, нахмурившись.—Полиціи я звать не стану. Но скажите же, Черкасовъ, объясните мнѣ, отчего вы не хотите дать полить?

— Такъ, ваше благородіе, нѣтъ моему согласу на это.

— Да отчего же?

— Да окончательно сказать, ненужно это. Богъ дастъ, и такъ всѣ живы будемъ.

— Вотъ на Пасху у машиниста то же самое было,— сказала Аксинья.—Никакой карболкой не поливали, всѣ живы остались. А то карболкой все обрызгаете... Вѣдь мы какъ живемъ? И сами у сосѣдей то-другое занимаемъ, и имъ даемъ. А тогда нешто кто намъ дастъ?

— Экъ вамъ эта карболка далась! Да понюхайте же, господа, развѣ это пахнетъ карболкой?

— Нѣтъ, ваше благородіе, что разговаривать? Не дамъ я поливать!—сказалъ Черкасовъ, махнувъ рукою.

— Ну, какъ хотите. Заставлять я васъ не стану. Но только помните, Черкасовъ: если теперь кто по близости заболѣетъ, *вы* будете виноваты! Прощайте!

Фельдшеръ удивленно вскинулъ на меня глазами и покорно послѣдовалъ за мною.

И вотъ мой первый дебютъ. Скверно и тяжело на душѣ, мучитъ совѣсть: произвести дезинфекцію было необходимо, но что же я могъ сдѣлать? Оставалось только прибѣгнуть къ помощи полиціи; дезинфекцію мы бы произвели, а дальше? Если изъ *ничего* создалась легенда о сапожникѣ, разоренномъ врачами и полиціей, то какіе слухи пошли бы теперь? Холерные скрывались бы до послѣдней возможности, зараженныя ими вещи прятались бы подальше и разносили заразу все шире... И всетаки я знаю, что на Ключарной улицѣ, въ томъ маленькомъ домикѣ, гнѣздится очагъ заразы, которая, можетъ быть, расползется по всему городу; я, врачъ, знаю это и ничего не предпринимаю... Боже мой, какъ все скверно!

23 іюля.

Амбулаторія у меня полна больными. Выздоровленіе Черкасова, повидимому, произвело эффектъ. Зарѣчепцы, какъ передавала мнѣ кухарка, довольны, что имъ прислали „настоящаго" доктора. Съ каждымъ больнымъ я завожу длинный разговоръ и свожу къ холерѣ, настоятельно совѣтуя быть поосторожнѣе съ ѣдою и при малѣйшемъ разстройствѣ желудка обращаться ко мнѣ за помощью.

25 іюля.

Холера, повидимому, водворилась въ Зарѣчьѣ: было еще три случая заболѣванія (подтверждено бактеріо-

скопически). Но начинается она мягко и слабо, не справляясь съ книжками, по которымъ именно вначалѣ она должна быть наиболѣе жестокой: всѣ трое заболѣвшихъ ужъ поправляются. Одинъ изъ нихъ, сторожъ грызловскаго огорода, когда мы явились къ нему, самъ попросился въ баракъ; это—деревенскій парень лѣтъ двадцати пяти, звать его Степанъ Бондаревъ. Мы ухаживали за нимъ всю ночь, и теперь онъ поправляется, хотя еще очень слабъ. Разумѣется, всѣмъ, желавшимъ провѣдать его, я давалъ свободный доступъ въ баракъ, что опять-таки сильно смутило фельдшера; но благодаря этому зарѣченцы увидѣли, что баракъ ничуть не страшнѣе обыкновенной больницы. Когда на слѣдующій день „схватило" жестянщика Андрея Снѣткова, то мнѣ не стоило большого труда уговорить его лечь въ баракъ. Острый приступъ у него прошелъ, но поносы продолжаются, онъ сильно исхудалъ и глядитъ апатично и вяло.

Оба они лежатъ рядомъ. Степанъ, стройный парень съ низкимъ лбомъ и свѣтлыми усиками, старается разговорами расшевелить неподвижно-задумчиваго Андрея. Когда имъ приносятъ обѣдать, Степанъ, уплетая самъ свой бульонъ или яйцо въ смятку, увѣщеваетъ сосѣда:

— Чего не ѣшь? И такъ вонъ какъ отощалъ,—гляди, помрешь! Не хочется ѣсть,—ѣшь поверхъ своей силы-мочи... Чудакъ-человѣкъ!

Каждый день къ Андрею приходитъ его братъ, ни-

зенькій человѣкъ съ рѣдкою бороденкою, съ огромнымъ багрово-синимъ рубцомъ на щекѣ. Всхлипывая и утирая рукавомъ глаза, онъ суетъ Андрею въ руку двугривенный.

— Небось, кисленькаго хочется тебѣ; купи огурчиковъ или чего такого... Эхъ, Андрюша, Андрюша!

— Чего жъ ты плачешь? — спрашиваетъ Степанъ Бондаревъ, съ любопытствомъ и какъ-то недовѣрчиво глядя на него.

— Да вѣдь одинъ у меня братъ-то, какъ же не плакать? Кабы много было... Ужъ вылечите его, господинъ докторъ! Вы люди ученые! — обращается онъ ко мнѣ и низко кланяется.

Андрей лежитъ, подперевъ голову рукою, и съ безучастною улыбкою слѣдитъ за братомъ...

Вчера я получилъ письмо отъ Наташи. Вотъ оно:

„Митя! Ты зналъ, какіе ужасы происходятъ въ Зарѣчьѣ, и всетаки отправился туда. Какъ хорошо, что ты такъ поступилъ! Я этому очень рада. Я знаю, что ты поѣхалъ туда не шутки шутить; я очень хорошо знаю, чему ты себя подвергаешь, и всетаки я рада. Какая это жизнь, если постоянно заботиться только о своей безопасности! Пусть будетъ, что будетъ, а тамъ ты дѣлаешь дѣло, настоящее дѣло. Въ какомъ настроеніи ты пріѣхалъ туда? Что тебя тамъ встрѣтило? Какія твои первыя сношенія съ зарѣченцами? Какъ ты себя чувствуешь между ними? Пиши мнѣ, пожалуйста,

Митя! Зарѣченцы эти грубы и дики, какъ звѣри, но развѣ они въ этомъ виноваты? Пиши, пожалуйста; пожалуйста, пиши мнѣ! Вѣдь не трудно же тебѣ написать нѣсколько строкъ. Буду ждать“.

27 іюля.

Вчера послѣ обѣда въ баракъ привезли новаго больного. Фельдшеръ отправился произвести дезинфекцію въ его квартирѣ и взялъ съ собою Ѳедора; я остался при больномъ. Это былъ старикъ громаднаго роста и плотный, мѣдникъ-литухъ Иванъ Рыковъ. Его неудержимо рвало и слабило, судороги то и дѣло схватывали его ноги. Онъ стоналъ и метался по постели. Я послалъ Павла готовить ванну.

— Дайте мнѣ походить! — слабымъ голосомъ проговорилъ больной.—Сводитъ ноги, мочи нѣтъ.

Я хотѣлъ помочь ему встать; Рыковъ своимъ тяжелымъ тѣломъ оперся на меня и, не устоявъ, снова сѣлъ на постель.

— Нѣтъ, баринъ, не сдержишь меня одинъ!—вздохнулъ онъ, покачавъ головою.

Я это и самъ видѣлъ... Ужъ теперь, когда больныхъ было еще мало, то и дѣло приходилось ощущать недостатокъ въ людяхъ; а прибудь сейчасъ въ баракъ хоть двое новыхъ больныхъ,—и мы остались бы совершенно безъ рукъ. Я отправился въ отдѣленіе для выздоравливающихъ и предложилъ Степану Бондареву поступить

къ намъ въ служители; онъ ужъ поправился и собирался выписаться изъ больницы. Степанъ согласился.

— Заразиться не боитесь?—спросилъ я.

— Чего жъ бояться? — равнодушно отвѣтилъ онъ и пошелъ за мною.

Ванна была готова; я велѣлъ посадить въ нее стонавшаго Рыкова. Судороги прекратились, больной замолкъ и опустилъ голову на грудь. Черезъ четверть часа онъ попросился въ постель; его уложили и укутали одѣялами.

— О-о, Господи-Батюшка!—тяжело вздохнулъ Рыковъ, прижавшись головою къ краю подушки.

— Ай томно тебѣ?—съ любопытствомъ спросилъ Степанъ, словно провѣряя на немъ пережитыя имъ самимъ ощущенія.

— То-омно!..

— Подъ сердцемъ горитъ?

— Горитъ, парень, силъ нѣту... Смерть пришла.

— Съ чего помирать? не помрешь! — увѣренно сказалъ Степанъ.

Рыковъ закрылъ глаза и вытянулся. Вскорѣ его опять стало рвать, потомъ начались судороги... Степанъ пощупалъ подъ одѣяломъ сведенныя икры Рыкова.

— Ишь, словно яблоки!—сказалъ онъ про себя.

— Охъ, и гдѣ же это вѣтерокъ?! Душно мнѣ!—съ тоскою проговорилъ Рыковъ.—Дайте мнѣ походить... Помоги, Степа!

Степанъ и Павелъ взяли его подъ-руки и стали водить по комнатѣ. Походивъ, онъ снова сѣлъ въ ванну.

— Воды погорячѣй!—отрывисто сказалъ онъ.

Я велѣлъ подлить кипятку.

— Хорошо такъ?

— Лейте, ради Бога!—нетерпѣливо произнесъ Рыковъ.

Сначала покорный и за все благодарный, онъ становился все капризнѣе и требовательнѣе.

— Нельзя-ли ванну подлиннѣе?—сердито ворчалъ онъ, ворочаясь и поджимая ноги.

Вечерѣло. Рыкову становилось хуже. Пріѣхалъ священникъ и исповѣдалъ его. Рвота и поносъ не прекращались; больной на глазахъ спадался и худѣлъ; изъ-подъ полузакрытыхъ вѣкъ тускло свѣтились зрачки, лобъ былъ клейкій и холодный; пульсъ трудно было нащупать. Меня удивило, какъ часто Рыковъ просился въ ванну: сидитъ въ ней съ полчаса, затѣмъ походитъ по комнатѣ, полежитъ,—и опять въ ванну; и все проситъ воды погорячѣй. Степанъ не отходилъ отъ него; онъ изрѣдка переговаривался съ Рыковымъ сиплымъ, грубоватымъ голосомъ, и что-то такое братски-заботливое сквозило въ его короткихъ замѣчаніяхъ, во всемъ его обращеніи.

Въ часъ ночи меня смѣнилъ выспавшійся тѣмъ временемъ фельдшеръ. Я сдѣлалъ нужныя распоряженія,

сказалъ, чтобъ ваннъ больному давали, сколько бы онъ ихъ ни просилъ, а самъ отправился домой.

Въ пятомъ часу утра я проснулся, словно меня что толкнуло. Шелъ мелкій дождь; сквозь окладныя тучи слабо брезжилъ утренній свѣтъ. Я одѣлся и пошелъ къ бараку. Онъ глянулъ на меня изъ сырой дали,—намокшій, молчаливый. Въ окнахъ еще горѣлъ свѣтъ; у лозинки подъ большимъ котломъ мигалъ и дымился потухавшій огонь. Я вошелъ въ баракъ; въ немъ было тихо и сумрачно; Рыковъ неподвижно сидѣлъ въ ваннѣ, низко и безсильно свѣсивъ голову; Степанъ, согнувшись, поддерживалъ его сзади подмышки.

— Ну, какъ больной?—спросилъ я.

Степанъ поднялъ на меня блѣдное, усталое лицо, медленно выпрямился и повелъ плечами.

— Ничего,—коротко отвѣтилъ онъ.—Блюетъ все, да воды погорячѣй проситъ.

За эти нѣсколько часовъ Рыковъ измѣнился до неузнаваемости: лицо его осунулось и стало синеватымъ, глаза глубоко ввалились; орбиты зіяли въ полумракѣ большими, черными ямами, какъ на пустомъ черепѣ.

— Ну, что, Иванъ, какъ вы себя чувствуете?—спросилъ я.

Рыковъ чуть повелъ головою, не поднимая вѣкъ.

— Говори дюжѣй, не слышу! — проговорилъ онъ сиплымъ, еле слышнымъ голосомъ.

— Какъ дѣла?—громче повторилъ я.

Больной помолчалъ.

— Воды погорячѣй! — пробормоталъ онъ, тяжело переворачиваясь въ ваннѣ на другой бокъ. Пульса у него ужъ не было.

— Гдѣ же фельдшеръ?—спросилъ я Степана.

— Онъ ушелъ: его къ больному позвали.

— Давно?

— Часа три будетъ.

— Отчего же онъ за мною не послалъ?

— Пожалѣлъ: говоритъ, вы и такъ мало спали.

Оказывается, вскорѣ послѣ моего ухода фельдшера позвали къ холерному больному; онъ взялъ съ собою Ѳедора, а при Рыковѣ оставилъ Степана и только-что было улегшагося спать Павла. Какъ я могъ догадаться изъ неохотныхъ отвѣтовъ Степана, Павелъ сейчасъ же по уходѣ фельдшера снова легъ спать, а съ больнымъ остался одинъ Степанъ. Самъ еле оправившійся, онъ *три часа* на вѣсу продержалъ въ ваннѣ обезсилѣвшаго Рыкова! Уложитъ больного въ постель, подольетъ въ ванну горячей воды, поправитъ огонь подъ котломъ—и опять сажаетъ Рыкова въ ванну.

Я пошелъ и разбудилъ Павла. Онъ вскочилъ, поспѣшно оправляясь и откашливаясь.

— Кто это вамъ, Павелъ, позволилъ лечь спать?— спросилъ я.

— Я сейчасъ только... гмъ! гмъ! на минутку при-

легъ... — бормоталъ онъ, продолжая откашливаться и избѣгая моего взгляда.

— Послушайте, не лгите!—повысилъ я голосъ.

— Не сутки же цѣлыя не спать мнѣ,—проворчалъ онъ, скользнувъ взглядомъ въ уголъ.

— Человѣкъ умираетъ, а вы его безъ помощи бросаете! Вы и двое сутокъ должны не спать, если понадобится.

— Это я не согласенъ.

— Ну, такъ вы сегодня же получите расчетъ.

Лицо Павла сразу приняло независимое и холодное выраженіе; онъ поднялъ голову и, прищурившись, взглянулъ мнѣ въ глаза.

— А если вы сейчасъ не пойдете въ баракъ,—сказалъ я, прикусивъ губу,—вы ни копѣйки не получите изъ жалованья.

Павелъ закашлялъ и снова забѣгалъ взглядомъ по сторонамъ.

— Съ чего жъ не идти-то?—проговорилъ онъ, обдергивая рукава на своемъ пиджакѣ.—Сейчасъ иду.

Я воротился въ баракъ. Рыковъ по прежнему сидѣлъ въ ваннѣ. Степанъ пошелъ подлить воды въ котелъ и передалъ больного Павлу; Павелъ, виновато улыбаясь, почтительно взялъ громаднаго Рыкова подмышки и сталъ его поддерживать. Тяжело и непріятно было у меня на душѣ: какъ все неустроено, не организовано! Нужно еще отыскать надежныхъ людей, воспитать ихъ,

внушить имъ правильное пониманіе своихъ обязанностей; а дѣло тѣмъ временемъ идетъ черезъ пень-колоду, коекакъ, положиться не на кого...

Часы шли. Рыковъ почти не выходилъ изъ ванны. Я опасался, чтобъ такое продолжительное пребываніе въ горячей водѣ не отозвалось на больномъ неблагопріятно, и нѣсколько разъ укладывалъ его въ постель. Но Рыковъ тотчасъ же начиналъ безпокойно метаться и требовать, чтобъ его посадили обратно въ ванну. Пульсъ снова появился и постепенно становился все лучше. Въ одиннадцатомъ часу больной попросился въ постель и заснулъ; пульсъ былъ полный и твердый... Около четырнадцати часовъ Рыковъ, почти не выходя, просидѣлъ въ ваннѣ,—и я вынесъ впечатлѣніе, что спасла его именно ванна.

29 іюля.

Не знаю, испытываютъ-ли это другіе: все, что мы дѣлаемъ,—все это безполезно и ненужно, всѣмъ этимъ мы лишь обманываемъ себя. Какая, напр., польза отъ нашей дезинфекціи? Развѣ не ясно, что она лишь тогда имѣетъ смыслъ, когда само населеніе глубоко вѣритъ въ ея пользу? Если же послѣдняго нѣтъ, то единственный выходъ—введеніе какого-то прямо осаднаго положенія: пусть всюду рыскаютъ всевидящіе сыщики, пусть царствуетъ доносъ, пусть дезинфекція вламывается въ подозрительныя жилища и ставитъ все вверхъ дномъ, пусть грозный ропотъ недовольства смолкаетъ при видѣ шты-

ковъ и казацкихъ нагаекъ... Да и такимъ-то путемъ многаго-ли достигнешь?

И вотъ приходится играть комедію, въ которую самъ не вѣришь,—обрызгивать сулемою мѣсто, гдѣ лежалъ больной, отбирать пару кафтановъ и одѣялъ, которыми онъ покрывался. Я знаю, нужно бы всѣхъ выселить изъ зараженнаго дома, забрать всѣ вещи, основательно продезинфицировать отхожее мѣсто и все жилище... Да, но куда выселить, во что одѣть выселенныхъ? Главное, какъ заставить ихъ убѣдиться въ пользѣ того, что для нихъ дѣлаешь? Какъ дезинфицировать отхожее мѣсто, если его нѣтъ, и зараза безпрепятственно сѣялась по всему двору и подъ всѣми заборами улицы? А между тѣмъ видишь, что будь только со стороны жителей желаніе, — и дѣло бы шло на ладъ, и можно бы принести существенную пользу... Топешь и задыхаешься въ этой массѣ мелочей, съ которыми ты не въ состояніи ничего подѣлать; жаль, что не чувствуешь себя способнымъ сказать: „э, моя-ли въ томъ вина? Я сдѣлалъ, что могъ!“ — и спокойно дѣлать, „что можешь“. Медленно, медленно подвигается впередъ все,—сознаніе собственной пользы, довѣріе ко мнѣ; медленно составляется надежный санитарный отрядъ, на который можно бы положиться.

1 августа.

Эпидемія разгорается. Ужъ не одинъ заболѣвшій умеръ. Вчера послѣ обѣда меня позвали на домъ къ

слесарю-замочнику Жигалеву; за нимъ ухаживала вмѣстѣ съ нами его сестра,—молодая дѣвушка съ большими, прекрасными глазами. Къ ночи заболѣла и она сама, а утромъ оба они уже лежали въ гробу. Передо мною, какъ живое, стоитъ убитое лицо ихъ старухи-матери. Я сказалъ ей, что нужно произвести дезинфекцію.

— Да что? Вы вотъ известку льете-льете, а мы все мремъ... Лейте, что жъ!—махнула она рукой.

3 августа.

Весело жить! Работа кипитъ, все идетъ гладко, нигдѣ ни зацѣпки. Мнѣ удалось, наконецъ, подобрать отрядъ желаемаго состава, и на этотъ десятокъ полуграмотныхъ мастеровыхъ и мужиковъ я могу положиться, какъ на самого себя; лучшихъ помощниковъ трудно и желать. Не говорю уже о Степанѣ Бондаревѣ: глядя на него, я часто дивлюсь, откуда въ этомъ ординарнѣйшемъ на видъ парнѣ столько мягкой, чисто-женской заботливости и нѣжности къ больнымъ. Но вотъ, напримѣръ, Василій Горловъ; это мускулистый молодецъ съ свѣтло-голубыми, разбойничьими глазами; говорятъ, онъ бьетъ свою мать, побоями вогналъ въ гробъ жену. И этотъ самый Горловъ держится со мною, какъ кроткая овечка, и работаетъ, какъ волъ. Онъ дезинфекторъ. Съ какимъ апломбомъ является онъ въ жилище холернаго, съ какимъ авторитетнымъ и снисходительнымъ видомъ объясняетъ родственникамъ заболѣвшаго суть заразы и дезинфекціи! И

его презрѣніе къ ихъ невѣжеству дѣйствуетъ на нихъ сильнѣе, чѣмъ всѣ мои убѣжденія... Андрей Снѣтковъ выздоровѣлъ и также служитъ у насъ въ санитарахъ. Для женскаго отдѣленія у меня есть двѣ служительницы; одна изъ нихъ—сосѣдка Черкасовыхъ, которая въ ту ночь заходила къ нимъ провѣдать больного.

Всѣмъ своимъ санитарамъ я говорю „вы" и держусь съ ними совершенно какъ съ равными. Мы нерѣдко сидимъ вмѣстѣ на порогѣ барака, куримъ и разговариваемъ; входя въ комнату, я здороваюсь съ ними первый. И дисциплина отъ этого нисколько не колеблется, а нравственная связь становится крѣпче.

— Ей-Богу, Дмитрій Васильевичъ, я васъ такъ полюбилъ, — въ минуту откровенности сознался мнѣ однажды Василій Горловъ.—Для васъ все равно, что благородный, что простой,—вы со всѣми равно. Съ вами говорить не опасно, не то, что другіе,—серьезные такіе... Конечно, по ученію вы... и опять же таки, напримѣръ, по дворянству... А всетаки я къ вамъ, какъ къ брату родному... Имѣйте въ виду.

Я чувствую, что съ каждымъ днемъ становлюсь въ ихъ глазахъ все выше. Работать я заставляю всѣхъ много и въ требованіяхъ своихъ безпощаденъ; и всетаки я убѣжденъ, что никто изъ нихъ не откажется изъ-за этого отъ службы, какъ Павелъ; чѣмъ я горжусь всего болѣе, это тѣмъ, что ихъ дѣло стало для нихъ чѣмъ-то высокимъ и благороднымъ, на что они постыдятся взглянуть съ коммерческой точки зрѣнія.

— Дим-митрій Васильевичъ!—говоритъ мнѣ Горловъ.—А позвольте васъ спросить: вѣдь вотъ начальство за вами не смотритъ,—зачѣмъ вы такъ ужъ себя утомляете?

— Голубчикъ мой, да развѣ же это для начальства дѣлается? Ну, судите по самому себѣ: вы вотъ пришли къ заболѣвшему, все обрызгали, дезинфицировали; безъ этого, можетъ быть, и другіе бы заболѣли, а теперь, благодаря вамъ, останутся живы. Развѣ вамъ это не пріятно?

И Горлову начинаетъ казаться, что ему это дѣйствительно чрезвычайно пріятно.

Въ Зарѣчьѣ обо мнѣ говорятъ съ любовью и благодарностью. Когда я вспоминаю чувство, съ какимъ въ первое по пріѣздѣ утро смотрѣлъ на разстилавшееся передо мною Зарѣчье, мнѣ смѣшно становится: я скорѣе двадцать разъ умру отъ холеры, чѣмъ хоть волосъ на моей головѣ тронетъ кто-нибудь изъ чемеровцевъ.

Да, весело жить! Весело видѣть, какъ вокругъ тебя кипитъ живое дѣло, какъ самого тебя это дѣло захватываетъ цѣликомъ, весело видѣть, что не даромъ тратятся силы, и сознавать,—я не хочу стѣсняться,—сознавать, что ты не лишній человѣкъ и умѣешь работать.

4 августа.

Все это такъ: обо мнѣ говорятъ въ Зарѣчьѣ съ любовью и благодарностью; меня слушаются... Но могу-ли

я сказать, что мнѣ довѣряютъ? Если мои совѣты и исполняются, то исполняющій всетаки глубоко убѣжденъ въ ихъ полной безполезности. Онъ дѣлаетъ одолженіе мнѣ лично, потому что я „хорошій человѣкъ", мои же совѣты и всю мою „господскую" науку онъ не ставитъ ни въ грошъ. Я указываю ему на факты, значенія которыхъ онъ не можетъ не понимать, факты, ясные десятилѣтнему ребенку; онъ бываетъ принужденъ согласиться со мною, но согласіе это остается внѣшнимъ, оно не въ силахъ ни на волосъ пошатнуть того глубокаго, слѣпого недовѣрія къ намъ, которое насквозь проникаетъ всю душу зарѣченца. А скажи ему то же самое прохожая богомолка или отставной солдатъ,—и онъ съ полною вѣрою станетъ исполнять все ими сказанное, онъ не станетъ притворяться фаталистомъ и говорить: „Богъ не захочетъ, ничего не будетъ". Вотъ про бараки ему давно уже наговорили всевозможныхъ ужасовъ идущіе съ Волги рабочіе,—и онъ старательно обходитъ нашъ баракъ за сотню саженъ.

6 августа.

Вчера вечеромъ я воротился домой очень усталый. Предыдущую ночь всю напролетъ пришлось провести въ баракѣ, днемъ тоже не удалось отдохнуть: послѣ пріема больныхъ нужно было посѣтить кой-кого на дому, затѣмъ навѣдаться въ баракъ; послѣ обѣда позвали на роды. Освободился я только къ девяти ча-

самъ вечера. Поужиналъ и напился чаю, раздѣваюсь, съ наслажденіемъ поглядывая на постланную постель,— вдругъ звонокъ: въ баракъ привезли новаго, очень труднаго больного. Нечего дѣлать, пошелъ...

Фельдшеръ съ санитарами суетился вокругъ койки, на которой лежалъ плотный мужикъ лѣтъ сорока, съ русой бородой и какимъ-то наивнымъ, дѣтскимъ лицомъ. Это былъ ломовой извозчикъ, по имени Игнатъ Ракитскій; „схватило“ его на базарѣ всего три часа назадъ, но производилъ онъ очень плохое впечатлѣніе, и пульсъ уже трудно было нащупать. Работы предстояло много. Не менѣе меня утомленнаго фельдшера я послалъ спать и сказалъ, что разбужу его на смѣну въ два часа ночи, а самъ остался при больномъ.

Покорный и робкій, Игнатъ безпрекословно подчинялся всему; онъ покорно принялъ лекарство, далъ поставить себѣ высокую клизму, не пошевельнулся, когда я ему впрыскивалъ подъ кожу камфору; впрочемъ, онъ все время былъ въ полубезсознательномъ состояніи. Я сѣлъ на табуретку; въ ушахъ у меня звенѣло, голова была словно налита свинцомъ. Керосиновая лампочка тускло освѣщала комнату. Игнатъ лежалъ на спинѣ, полузакрывъ глаза, и быстро, тяжело дышалъ. Вдругъ онъ вздрогнулъ и поспѣшно приподнялъ голову съ подушки; Степанъ, сидѣвшій у изголовья, подставилъ ему горшокъ для рвоты; но голова Игната снова безсильно упала на подушку.

— Что жъ не блюешь? Аль не хочешь блевать? гмъ!—Степанъ вздохнулъ и опустилъ горшокъ.

Игнатъ зашевелился на постели и сталъ подниматься на карачки.

— Что же это животъ не унимается? Дюже болитъ животъ!—вскрикнулъ онъ, снова сваливаясь на-бокъ.

Я подошелъ къ нему.

— Дайте помочи!.. Печетъ подъ сердцемъ...—пробормоталъ онъ въ промежуткѣ между вздохами—и вдругъ, задрожавъ и стиснувъ зубы, сталъ вытягивать сводимыя судорогами ноги; Степанъ и Андрей схватились за горячія бутылки. Игнатъ, вытянувшись во весь ростъ, смотрѣлъ въ потолокъ мутящимися отъ боли глазами. Его посадили въ ванну.

— Сегодня утромъ, — шепнулъ мнѣ Степанъ, — шесть арбузовъ натощакъ съѣлъ, товарищи его сказывали; къ обѣду еще совсѣмъ здоровъ былъ, надъ докторами смѣялся.

— Нап-питься!..—съ трудомъ выкрикнулъ больной, не поднимая понуренной головы.

Степанъ осторожно приподнялъ его голову и сталъ подносить кружку съ ледяной водой. Игнатъ дернулся всѣмъ тѣломъ, и рвота широкою струею хлынула въ ванну. Его снова перенесли на постель и окутали нѣсколькими одѣялами.

Часъ шелъ за часомъ,— медленно, медленно... У

меня слипались глаза; мнѣ стоило страшнаго напряженія воли, чтобы держать голову прямо и идти, не волоча ногъ; начинало тошнить... Минутами сознаніе какъ будто совсѣмъ исчезало, все въ глазахъ заволакивалось туманомъ, и только тускло свѣтился огонь лампы и слышались тяжелыя отхаркиванія Игната. Я поднимался и начиналъ ходить по комнатѣ.

— Пузо болитъ!—хриплымъ, какимъ-то неестественнымъ голосомъ выкрикивалъ Игнатъ.

«Пузо»... Такъ только въ псевдо-народныхъ разсказахъ мужики говорятъ,—подумалъ я съ накипавшимъ враждебнымъ чувствомъ къ Игнату.—Половина второго... Скоро можно будетъ разбудить фельдшера.

Снова поставивъ больному клизму, я вышелъ наружу. Въ темной дали спало Зарѣчье, нигдѣ не видно было огонька; тишина была полная, только собаки лаяли, да гдѣ-то стучала трещотка ночного сторожа. А надъ головой безчисленными звѣздами сіяло чистое, синее небо, Большая Медвѣдица ярко выдѣлялась на западѣ... Въ темнотѣ показалась черная фигура.

— Эй, почтенный, гдѣ тутъ доктора найтить?—обратилась она ко мнѣ.—Нельзя-ли помочи скорѣй? Дѣвку схватило, помираетъ.

— Господи, еще!—съ отчаяніемъ подумалъ я.

Разбудили фельдшера; онъ вышелъ блѣдный, широко пяля заспанные глаза.

— Пойдите, пожалуйста, посмотрите, что тамъ такое,—сказалъ я ему.—Если что серьезное, такъ пришлите за мною.

— Дмитрій Васильевичъ, да вы идите спать теперь,—почтительно возразилъ фельдшеръ.—Я одинъ управлюсь; вѣдь вы и всю прошлую ночь не спали...

— Э, да идите ужъ!—нетерпѣливо прервалъ я его, поворачиваясь къ нему спиною, и снова вошелъ въ баракъ.

Игнатъ сидѣлъ въ ваннѣ; Степанъ поддерживалъ его подмышки и какъ-то грубовато-нѣжно переговаривался съ нимъ, прикладывалъ ему ледъ къ головѣ, давалъ пить. Игнатъ безпокойно ворочался въ ваннѣ и принималъ самыя неудобныя позы, то и дѣло грозя захлебнуться.

Черезъ минуту онъ снова попросился въ постель. Степанъ и Андрей взяли его подмышки и приподняли; онъ хотѣлъ перешагнуть черезъ край ванны, занесъ было ногу,—она упала назадъ, и Игнатъ съ выверпнувшимися плечами мѣшкомъ повисъ на рукахъ санитаровъ; я взялъ его за ноги, и мы понесли больного на постель. Все время его продолжало непроизвольно слабить; теперь это была какая-то красноватая каша съ отвратительнымъ, кислымъ запахомъ...

— Ишь, арбузы пошли!—кивнулъ Степанъ.

Это дѣйствительно были арбузы; Игнатъ ѣлъ ихъ съ зернышками, съ зеленью... И сколько онъ ихъ съѣлъ!

Лилось, лилось безъ конца, почти ведрами... Мы уложили его въ постель.

Я ходилъ по комнатѣ, давя въ себѣ неистовую ненависть къ Игнату: вѣдь онъ зналъ, что не должно ѣсть арбузовъ, и всетаки ѣлъ, смѣясь надъ докторами... Самъ теперь виноватъ! И какъ все кругомъ отвратительно и мерзко, и какъ тяжело въ головѣ...

Игнату становилось все хуже. Съ сѣро-синимъ лицомъ, съ тусклыми, какъ у мертвеца, глазами, онъ лежалъ, ежеминутно дѣлая короткія рвотныя движенія; Степанъ подставлялъ ему горшокъ, больной отворачивалъ голову и выплевывалъ красную рвоту на одѣяло. Время отъ времени Игнатъ приподнимался, съ силою опирался о постель и, шатаясь, становился на карачки.

— Дядя Игнатъ! ляжь, какъ слѣдоваетъ!—говорилъ Степанъ, осторожно поддерживая его.

— Пузо дюже болитъ!— быстрымъ, шелестящимъ шопотомъ произносилъ больной, и затѣмъ слѣдовалъ глубокій вздохъ, подводившій животъ далеко подъ ребра.

Вѣдь вотъ на постели можетъ же онъ подниматься, какъ хочетъ, думалъ я; а изъ ванны вынимать,—такъ виситъ мѣшкомъ, ноги поднять не можетъ. И зачѣмъ онъ плюетъ на одѣяло, когда ему подставляютъ горшокъ?

Свѣтало. Въ баракѣ было тихо, и только слышно

было, какъ порывисто дышалъ Игнатъ. Лицо его стало сѣро-свинцоваго цвѣта, сухія губы чернѣли подъ рѣдкими усами; иногда онъ быстро приподнималъ голову съ подушки и вдругъ устремлялъ на меня блеснувшіе глаза,—большіе, грозные и въ то же время испуганные... Пульса у него давно уже не было.

У меня закружилась голова; мнѣ вдругъ показалось, что кровать съ Игнатомъ взвилась подъ потолокъ, окна комнаты завертѣлись. Я схватился за столъ, чтобы не упасть. Еще разъ сдѣлавъ надъ собою усиліе, я впрыснулъ больному камфору и вышелъ наружу.

Туманъ клубами поднимался съ сосѣдняго болота, было сыро и холодно; я присѣлъ на лавку и закурилъ папиросу. На сердцѣ у меня было одно чувство—тупое, невыразимое отвращеніе и къ этому больному, и ко всей окружающей мерзости, рвотѣ, грязи. Все вздоръ,—вся эта дѣятельность для другихъ, все... Одно хорошо: придти домой, выпить стаканъ горячаго чаю съ коньякомъ, лечь въ чистую, уютную постель и сладко заснуть... Да и почему я не дѣлаю этого? со злостью думалъ я. Вѣдь я врачъ, а исполняю роль сестры милосердія. Моя-ли вина, что я не могу добиться отъ управы помощника-врача или студента, что я все одинъ и одинъ? Буду утромъ и вечеромъ посѣщать баракъ,—чего еще можно отъ меня требовать? Такъ всѣ и дѣлаютъ. У врача голова должна быть

свѣжа, а у меня... Я сталъ высчитывать, сколько времени я не спалъ: сорокъ четыре часа, почти двое сутокъ!

У околицы залаяли собаки; я съ надеждою сталъ вглядываться въ туманъ: можетъ быть, фельдшеръ идетъ. Нѣтъ, прошла баба какая-то... Вдали поютъ пѣтухи, изъ барака доносятся глухія отхаркиванія Игната. Я замѣтилъ, что сижу какъ-то особенно грузно, и что голова совсѣмъ уже лежитъ на плечѣ. Я всталъ и снова вошелъ въ баракъ.

Игнатъ неподвижно лежалъ на спинѣ, закинувъ голову; между черными, запекшимися губами бѣлѣли зубы; тусклые глаза, не моргая, смотрѣли изъ глубокихъ впадинъ; иногда рвотныя движенія дергали его грудь, но Игнатъ ужъ не выплевывалъ... Онъ начиналъ дышать все слабѣе и короче. Вдругъ онъ зашевелилъ ногами, горло его нѣсколько разъ высоко поднялось подъ самый подбородокъ, Игнатъ вытянулся и замеръ; по его лицу быстро пробѣжала какая-то неуловимая тѣнь... Онъ умеръ.

Я стоялъ, прикусивъ губу, и неподвижно смотрѣлъ на Игната. Лицо его съ свѣтлой русой бородой стало еще наивнѣе; какъ будто маленькій ребенокъ увидалъ неслыханное диво, ахнулъ, да такъ и застылъ съ разинутымъ ртомъ и широко раскрытыми глазами. Я велѣлъ дезинфицировать трупъ и перенести въ мертвецкую, а самъ побрелъ домой...

—

И вотъ прошло всего какихъ-нибудь полсутокъ. Я выспался и всталъ бодрый, свѣжій. Меня позвали па-домъ къ новому больному. Какую я чувствовалъ любовь къ нему, какъ мнѣ хотѣлось его отстоять! Ничего не было противно; я ухаживалъ за нимъ, и мягкое, любовное чувство овладѣвало мною. И я думалъ объ этой возмутительной и смѣшной зависимости „нетлѣннаго духа“ отъ тѣла: тѣло бодро,—и духъ твой совсѣмъ измѣнился: ты любишь, готовъ всего себя отдать...

14 августа.

Я ужъ давно не писалъ здѣсь ничего. Не до того теперь. Чуть свободная минута, думаешь объ одномъ: лечь спать, чтобъ хоть немного отдохнуть. Холера гуляетъ по Чемеровкѣ и валитъ по десяти человѣкъ въ день. Боже мой, какъ я усталъ! Голова болитъ, желудокъ разстроенъ, всѣ члены словно деревянные. Ходишь и работаешь, какъ машина. Спать приходится часа по три въ сутки, и сонъ— какой-то безпокойный, болѣзненный; встаешь такимъ же разбитымъ, какъ легъ... Кругомъ десятками умираютъ люди, смерть самому тебѣ заглядываетъ въ лицо,—и ко всему этому относишься совершенно равнодушно: чего они боятся умирать? Вѣдь это такіе пустяки и вовсе не страшно.

18 августа.

Буду разсказывать по порядку.

Это произошло на Успеніе. Пообѣдавъ, я отпустилъ

Авдотью со двора, а самъ легъ спать. Спалъ я крѣпко и долго. Въ передней вдругъ раздался сильный звонокъ; я слышалъ его, но мнѣ не хотѣлось просыпаться: въ постели было тепло и уютно, мнѣ вспоминалось далекое дѣтство, когда мы съ братомъ спали рядомъ въ маленькихъ кроваткахъ... Сердце сладко сжималось, къ глазамъ подступали слезы. И вотъ нужно просыпаться, нужно опять идти туда, гдѣ кругомъ тебя только муки и стоны...

Колокольчикъ зазвенѣлъ сильнѣе и окончательно разбудилъ меня. Я всталъ и пошелъ отпереть. Въ окно прихожей видно было, что звонится Степанъ Бондаревъ; онъ былъ безъ шапки, и лицо его глядѣло какъ-то странно.

Я отперъ дверь. Степанъ медленно шагнулъ въ прихожую, слабо пошатнувшись на порогѣ.

— Дмитрій Васильевичъ, къ вамъ!—проговорилъ онъ съ глухимъ, короткимъ всхлипываніемъ. Лицо его было разбито, глаза красны, рубаха разодрана и залита кровью.

— Степанъ, что съ вами?!—воскликнулъ я.

— Къ вамъ вотъ пришелъ. Ребята убить грозятся: ты, говорятъ, холерный... Молъ, товарищей своихъ продалъ... съ докторами связался...

Онъ опять глухо всхлипнулъ и отеръ рукавомъ кровь съ губы.

— Да въ чемъ дѣло? Какіе ребята? Войдите, Степанъ, успокойтесь!

Я ввелъ его въ комнату, усадилъ, далъ напиться; Степанъ машинально сѣлъ, машинально выпилъ воду; онъ ничего не замѣчалъ вокругъ, весь словно замерши въ какомъ-то горькомъ, недоумѣвающемъ испугѣ.

— Ну, разсказывайте, что такое случилось съ вами.

— Говорятъ: холерный, молъ, ты!—медленно проговорилъ Степанъ.—Это зашелъ я сейчасъ въ харчевню къ Расторгуеву, спросилъ стаканчикъ. Народу много, пьяные всѣ...—А! говорятъ, вонъ онъ холерный пришелъ! Я молчу, выпилъ стаканчикъ свой, закусываю... Подходитъ Ванька Ермолаевъ, токарь по металлу:—А что, почтенный, нельзя-ли, говоритъ, вашихъ докторей-фершаловъ пообезпокоить? —На что они, говорю, тебѣ?—А на то, чтобъ ихъ не было. Нельзя-ли?—Что жъ? говорю, пускай докторъ разсудитъ, это не мое дѣло.—Мы, говоритъ, твоего доктора сейчасъ бить идемъ, вотъ для куражу выпиваемъ.—За что?—А такая ужъ теперь мода вышла,—докторей-фершаловъ бить.—Что жъ, говорю, въ чемъ сила? Сила большая ваша... Какъ знаете...

Я дрожалъ крупною, частою дрожью; мнѣ досадно было на эту дрожь, но подавить ее я не могъ, и я самъ не зналъ, отъ волненія-ли она или отъ холода: я былъ въ одной рубашкѣ, безъ сюртука и жилета.

— Какъ холодно!—сказалъ я, накидывая пальто.

Степанъ взглянулъ на меня, но видимо не понялъ того, что я сказалъ.

— Ишь, говорятъ, тоже—фершалъ выискался!— продолжалъ онъ.—Иди, иди, говорятъ, а то мы тебя замуздаемъ по рылу!—Что жъ? говорю, я пойду! Повернулся,—вдругъ меня кто-то сзади по шеѣ. Бросились на меня, начали бить... Я вырвался, ударился бѣжать. Добѣжалъ до Серебрянки, остановился: куда идти? Никого у меня нѣту... Я пошелъ и заплакалъ. Думаю: пойду къ доктору. Скучно мнѣ стало, скучно: за что? Развѣ я мало старался?..

Онъ замолчалъ, глухо и прерывисто всхлипывая. У меня самого рыданія подступили къ горлу. Да, *за что*?

Ясный августовскій вечеръ смотрѣлъ въ окно, солнце красными лучами скользило по обоямъ. Степанъ сидѣлъ, понуривъ голову, съ вздрагивавшей отъ рыданій грудью. Узоръ его закапанной кровью рубашки былъ мнѣ такъ знакомъ! Сѣрая, истасканная штанина поднялась, изъ-подъ нея выглядывала голая нога въ нестоптанномъ штиблетѣ... Я вспомнилъ, какъ двѣ недѣли назадъ этотъ самый Степанъ, весь забрызганный холерною рвотою, три часа подрядъ на вѣсу продержалъ въ ваннѣ умиравшаго больного. А *тѣ* боялись даже пройти мимо барака...

И вотъ теперь, отвергнутый, избитый ими, онъ пошелъ за защитою ко мнѣ: я сдѣлалъ его нашимъ „сообщникомъ“, изъ-за меня онъ сталъ чуждъ своимъ.

— Завелись, говорятъ, доктора у насъ, такъ и хо-

лера пошла,—снова заговорилъ Степанъ.—Я говорю: вы подумайте въ своей башкѣ, дайте развитіе, —за что? Вѣдь у насъ вонъ сколько народу выздоравливаетъ; иной ужъ въ гробъ глядитъ, и то мы его отходимъ. Развѣ мы что дѣлали, развѣ съ нами какой вышелъ конфузъ?..

Въ комнату неслышно вошелъ высокій парень въ пиджакѣ и красной рубашкѣ, въ новыхъ, блестящихъ сапогахъ. Онъ остановился у порога и медленно оглядѣлъ Степана.

— Что вамъ нужно?—спросилъ я, невольно поблѣднѣвъ.

Онъ еще разъ окинулъ взглядомъ Степана и, не отвѣчая, повернулся и вышелъ. Я тогда забылъ запереть дверь, и онъ вошелъ незамѣченнымъ.

Закинувъ крючокъ на наружную дверь, я воротился въ комнату. Сердце мое билось медленно и такъ сильно, что я слышалъ его стукъ въ груди.

— Что это, изъ *тѣхъ* кто-нибудь? — спросилъ я задыхаясь.

— Ванька Ермолаевъ и есть. Сейчасъ всѣ здѣсь будутъ,—проговорилъ Степанъ, тупо взглянувъ на меня.

Что было дѣлать? Бѣжать?.. Но одна мысль объ этомъ униженіи бросала меня въ краску: выскочить въ окно, подобно вору пробираться задами... Странно! — мнѣ казалось, тогда бы въ душу Степана запало сомнѣніе... Да и куда было бѣжать?

Я молча ходилъ по комнатѣ. Ноги мои ступали нетвердо, по спинѣ непрерывно бѣгала мелкая, быстрая дрожь. Мнѣ вдругъ во всѣхъ подробностяхъ вспомнилась смерть доктора Молчанова... Безпричинность и неожиданность случившагося не удивляли меня теперь: мнѣ казалось, что въ глубинѣ души я давно уже ждалъ чего-либо подобнаго... На сердцѣ было страшно-тоскливо; но рядомъ съ этимъ какое-то гордо-увѣренное, радостное чувство поднималось во мнѣ: я не зналъ еще, что буду дѣлать, но я зналъ, что заслоню и защищу Степана.

Случайно я увидѣлъ въ зеркалѣ свое отраженіе: блѣдное, искаженное страхомъ лицо глянуло на меня холодно и странно, какъ чужое. Мнѣ стало стыдно Степана и досадно, что онъ видитъ меня въ такомъ состояніи... Ну, да теперь ужъ все равно...

Я остановился у окна. Надъ садомъ въ дымчато-голубой дали блестѣли кресты городскихъ церквей; солнце садилось; небо было синее, глубокое... Какъ тамъ спокойно и тихо!.. И опять эта непріятная дрожь пробѣжала у меня по спинѣ; я повелъ плечами и, засунувъ руки въ карманы, снова началъ ходить.

Въ наружную дверь раздался сильный ударъ; въ то же время оглушительно зазвенѣлъ звонокъ—разъ, другой, и колокольчикъ оборвался.

— Они!—апатично произнесъ Степанъ.

Въ дверь посыпались удары.

Со мною произошло то, что всегда бывало, когда я шелъ на что-нибудь страшное: во мнѣ вдругъ все словно замерло, и я сдѣлался спокоенъ. Но что-то странное въ этомъ спокойствіи: какъ будто другой кто увѣренно и находчиво дѣйствуетъ во мнѣ, а самъ я со страхомъ слѣжу со стороны за этимъ другимъ.

— Оставайтесь здѣсь!—сказалъ я Степану и, выйдя изъ комнаты, заперъ ее на ключъ. Ключъ я положилъ себѣ въ карманъ.

Дверь трещала отъ ударовъ, за нею слышенъ былъ громкій гулъ многочисленной толпы. Я скинулъ крючокъ и вышелъ на крыльцо.

Какой-то злобно-радостный ревъ встрѣтилъ меня. „Вотъ о-онъ!!“ раздались крики; кто-то пронзительно свистнулъ... Я быстро спустился съ крыльца.

— Что вы, братцы?—безпечно спросилъ я, входя въ середину толпы.

— Фершала давай своего!!

— Онъ ушелъ. А что такое? зачѣмъ онъ вамъ?—спросилъ я озабоченно.

— А ну-ка, братцы, дайте дорогу! Я ему покажу, зачѣмъ!—воскликнулъ худощавый старикъ съ маленькими красными глазами, торопливо засучивая рукавъ и бросаясь ко мнѣ.

— Да постой же, старикъ! — нетерпѣливо крикнулъ я, нахмурившись и шагнувъ ему навстрѣчу.— Ну, чего ты?.. Говори толкомъ, кто тебя обидѣлъ?

— Вы чего народъ морите?—оторопѣло пробормоталъ онъ.

— Мы? народъ моримъ?.. Скажи ты мнѣ, другъ: что это ты, по чистой совѣсти такой грѣхъ на меня взводишь? — громко проговорилъ я, ударивъ его по плечу и въ упоръ остановившись передъ нимъ. — Братцы,— быстро обернулся я къ толпѣ, — скажите мнѣ, неужто жъ вы вправду такъ думаете обо мнѣ?

Никто не отвѣчалъ; всѣ съ насмѣшливымъ, выжидающимъ любопытствомъ смотрѣли на меня. Мнѣ бросилось въ глаза лицо парня, вошедшаго тогда ко мнѣ въ комнату: закусивъ губу, онъ съ какою-то неопредѣленною усмѣшкою слѣдилъ за мной взглядомъ.

— Не боитесь вы Бога!—продолжалъ я.—Что я, вчера только пріѣхалъ сюда, что-ли? Вѣдь я ужъ мѣсяцъ цѣлый здѣсь... Вы могли видѣть, морилъ-ли я народъ: слава Богу, сколько выздоровѣло!.. Спросите вонъ Рыкова Ивана, Артюшина, Кепанова, Филиппова... Всѣ у меня въ больницѣ лежали,—спросите-ка ихъ, что они скажутъ... Да вѣдь развѣ вы и сами-то не знаете?.. Знаете, а вотъ поди-ты, всетаки пришли... Вѣдь вы бить меня пришли сюда, а?—спросилъ я улыбаясь.— Ну, вотъ что: пойдемте вмѣстѣ въ баракъ, спросимъ тѣхъ, что лежатъ тамъ, что они скажутъ: стоитъ-ли меня бить или нѣтъ? Если что скажутъ противъ меня,— ваша воля...

— Да пойдемъ, пойдемъ въ баракъ! Думаешь,

боимся барака твоего? —быстро произнесъ приходившій ко мнѣ парень, двинувшись съ мѣста.

— Пойдемте!

Толпа колыхнулась, и мы двинулись къ бараку.

— Вѣдь вотъ, господа,—заговорилъ я, закуривая папиросу,—пришли вы сюда, шумите... А изъ-за чего? Вы говорите, народъ помираетъ. Ну, а разсудите-ка сами, кто въ этомъ виноватъ. Вѣдь говорилъ я вамъ сколько разъ: поосторожнѣе будьте съ зеленью, не пейте сырой воды. Вѣдь зараза кругомъ ходитъ, сами видите. Разореніе вамъ какое, что-ли, воду прокипятить? А поди-ты вотъ, не хотите. А какъ схватитъ человѣка,—доктора виноваты. Вотъ у меня недавно одинъ умеръ: шесть арбузовъ натощакъ съѣлъ! Ну, скажите, кто тутъ виноватъ? Или вотъ съ водкой: говорилъ я вамъ, не пейте водки, отъ нея слабѣетъ желудокъ...

— Нѣтъ, господинъ, водка не вредитъ! — вмѣшался шедшій рядомъ мастеровой. — Она эту самую заразу убиваетъ, она въ пользу.

— Въ пользу? А вотъ приходите-ка въ больницу послѣ праздника: какъ настанетъ праздникъ, выпьетъ народъ, такъ на другой день сразу вдвое больше больныхъ; и эти всего легче помираютъ: вечеромъ принесутъ его, а утромъ онъ ужъ Богу душу отдастъ.

— И опохмѣлиться не поспѣвши, го-го! — засмѣялись въ толпѣ.

Вдали ужъ виднѣлся баракъ. Чтобъ не безпокоить больныхъ, я рѣшилъ поступить такимъ образомъ: взять съ собою двухъ-трехъ человѣкъ, а остальныхъ оставить ждать у околицы.

Вдругъ изъ-за угла улицы показался приземистый фабричный въ длинной синей чуйкѣ. Онъ видимо искалъ насъ и, завидѣвъ толпу, побѣжалъ намъ навстрѣчу. Я такъ живо помню его блѣдное лицо съ низкимъ лбомъ и огромною нижнею челюстью...

— Что это?.. Ай доктора поймали?—спросилъ онъ, торопливо оглядывая всѣхъ.

Толпа раздалась. Онъ быстро скользнулъ по мнѣ взглядомъ и вдругъ, коротко и страшно-сильно размахнувшись, ударилъ меня кулакомъ въ лицо. У меня замутилось въ глазахъ, я отшатнулся и схватился за голову. Въ ту же минуту второй ударъ обрушился мнѣ на шею. Все это произошло такъ быстро, что я не успѣлъ опомниться.

— Го-о... Бе-ей!!—раздался неистовый крикъ, и всѣ ринулись на меня.

Отъ толчка въ спину я пробѣжалъ нѣсколько шаговъ и, падая, ударился лицомъ о чье-то колѣно; это колѣно съ силою отшвырнуло меня въ сторону. Помню, какъ, вскочивъ на ноги и въ безумномъ ужасѣ цѣпляясь за чей-то рвавшійся отъ меня рукавъ, я кричалъ: „братцы!.. голубчики!..“ Помню пьяный ревъ толпы, помню мелкавшія передо мною красныя, пот-

ныя лица, сжатые кулаки... Вдругъ тупой, тяжелый ударъ въ грудь захватилъ мнѣ дыханіе, и, давясь хлынувшею изъ груди кровью, я безъ сознанія упалъ на землю.

19 августа.

Я ужъ третій день лежу въ больницѣ. У меня открылось сильное кровохарканіе, которое еле остановили; я знаю, что это значитъ; дѣло плохо. Меня два раза навѣстилъ губернаторъ, навѣстили еще какія-то важныя лица. Всѣ они говорятъ мнѣ что-то очень любезное, крѣпко жмутъ руку. Я смотрю на нихъ, но мало понимаю изъ того, что они говорятъ. Гвоздемъ сидитъ у меня въ головѣ воспоминаніе о случившемся, и сердце ноетъ нестерпимо; и я все спрашиваю себя: да неужели же вправду это было?.. И однако, это такъ: я лежу въ больницѣ, изувѣченный и умирающій; передо мною, какъ живыя, стоятъ перекошенныя злобой лица, мнѣ слышится хохотъ, слышится крикъ „бей его!..“ И они меня *били, били!* Били за то, что я пришелъ къ нимъ на помощь, что я несъ имъ свои силы, свои знанія,—все... Господи, Господи! Что же это,—сонъ-ли тяжелый, невѣроятный или голая правда?.. Не стыдно признаваться,—я и въ эту минуту, когда пишу, плачу, какъ мальчикъ. Да, теперь только вижу я, какъ любилъ я народъ, и какъ мучительно горька обида...

Нужно умирать. Не смерть страшна мнѣ: жизнь

холодная и тусклая, полная безплодныхъ угрызеній,— Богъ съ нею! Я объ ней не жалѣю. Но *такъ* умирать!.. За что ты боролся, во имя чего умеръ? Чего ты достигъ своею смертью? Ты только *жертва*, жертва безсмысленная, никому не нужная... И напрасно все твое существо протестуетъ противъ обидной ненужности этой жертвы: такъ и должно было быть...

20 августа.

Мнѣ не спится по ночамъ. Вытягивающая повязка на ногѣ мѣшаетъ шевельнуться, воспоминаніе опять и опять рисуетъ недавнюю картину. За стѣною, въ общей палатѣ, слышенъ чей-то глухой кашель, изъ рукомойника звонко и мѣрно капаетъ вода въ тазъ; я лежу на спинѣ, смотрю, какъ по потолку ходятъ тѣни отъ мерцающаго ночника,—и мнѣ хочется горько плакать. Были силы, была любовь. А жизнь прошла даромъ, и смерть приближается,—такая же безсмысленная и безплодная... Да, но какое я *право* имѣлъ ждать лучшей и болѣе славной смерти?

Они били меня, какъ забѣжавшую бѣшеную собаку,— меня, противъ котораго они ничего не могли имѣть. Пять недѣль работая среди нихъ, каждымъ шагомъ доказывая свою готовность помогать и служить имъ, я не смогъ добиться съ ихъ стороны простого довѣрія; я *принуждалъ* ихъ вѣрить себѣ, но довольно было рюмки водки, чтобъ все исчезло, и проснулось обычное стихійное чувство. Пять недѣль!.. Я въ пять недѣль ду-

малъ уничтожить въ нихъ то, что создавалось долгими годами. Съ какихъ это поръ привыкли они встрѣчать въ насъ друзей, когда видѣли они себѣ пользу отъ нашихъ знаній, отъ всего, что ставило насъ выше ихъ? Мы всегда были имъ чужды и далеки, ихъ *ничего* не связывало съ нами. Для нихъ мы были людьми другого міра, брезгливо сторонящимися отъ нихъ и не хотящими ихъ знать. И развѣ это неправда? Развѣ иначе была-бы возможна та до ужаса глубокая пропасть, которая отдѣляетъ насъ отъ нихъ?

Я знаю: то, что я здѣсь пишу,—избито и старо; мнѣ-бы самому въ другое время показалось это фальшивымъ и фразистымъ. Но почему-же теперь въ этихъ избитыхъ фразахъ чувствуется мнѣ столько мучительной, тяжелой правды, почему такъ жалко-ничтожною кажется мнѣ моя прошлая жизнь, моя дѣятельность и любовь? Я перечитывалъ дневникъ: жалобы на себя, на время, на все... Этимъ жалобамъ не было-бы мѣста, если-бы я тогда видѣлъ и чувствовалъ то, что такъ ярко и такъ больно бьетъ мнѣ теперь въ глаза...

23 августа.

Трудно писать, рука плохо слушается; процессъ въ легкихъ идетъ быстро, и жить остается немного. Я не знаю, почему теперь, когда все кончено, у меня такъ свѣтло и радостно на душѣ; часто слезы какого-то безграничнаго счастья подступаютъ къ горлу, и мнѣ хочется сладко, вольно плакать.

Я часто впадаю въ забытье; и когда я открываю глаза, я вижу сидящую у моихъ ногъ молчаливую, понурую фигуру Степана. Какъ онъ сюда попалъ? Я вскорѣ узналъ: онъ пришелъ къ главному врачу больницы, поклонился ему въ ноги и не вставалъ съ колѣнъ, пока тотъ не позволилъ ему оставаться при мнѣ безотлучно. Я не знаю, когда онъ спитъ: днемъ-ли проснешься, ночью,—Степанъ все сидитъ на своей табуреткѣ, — молчаливый, неподвижный... И я смотрю на этого дважды спасеннаго мною человѣка, и мнѣ хочется крѣпко пожать его руку. Я пошевельнусь—онъ встаетъ и поправляетъ сбившуюся подо мною подушку, даетъ мнѣ пить. И я опять забываюсь...

Передо мною стоитъ Наташа. Она горько плачетъ, закрывъ глаза рукою. Мнѣ странно, — неужели Наташа тоже умѣетъ плакать? И я тихо глажу ея трепещущую отъ рыданій руку и не могу оторвать отъ нея глазъ. И я говорю ей, чтобъ она любила людей, любила народъ; что не нужно отчаиваться, нужно много и упорно работать, нужно искать дорогу, потому что работы страшно много... И теперь мнѣ не стыдно говорить эти „высокія" слова. Она жадно слушаетъ и не замѣчаетъ, какъ слезы льются по ея лицу; а я смотрю на нее, и тихая радость овладѣваетъ мною; и я думаю о томъ, какая она славная дѣвушка, и какъ много въ жизни хорошаго, и... и какъ хорошо умирать...

ПОВѢТРІЕ.

Эскизъ.

I.

Богучаровскій земскій врачъ Сергѣй Андреевичъ Троицкій только что произвелъ горлосѣченіе на задыхавшейся отъ крупа дѣвочкѣ. Онъ накладывалъ швы на разрѣзъ раны, а фельдшерица Ольга Петровна, съ сухимъ, желтоватымъ лицомъ, въ бѣломъ фартукѣ, придерживала вставленную въ трахею трубочку.

Въ маленькой операціонной пахло хлороформомъ и карболкою; въ раскрытое окно глядѣли вѣтви бузины, вѣтеръ слабо шевелилъ свѣсившійся со стола конецъ простыни; глиняный тазъ на полу былъ полонъ окровавленными ватными шариками. Больная еще не проснулась отъ хлороформа; она лежала неподвижно, изрѣдка дѣлая глубокія, свободныя вдыханія; только когда Ольга Петровна шевелила трубочку, ребенокъ начиналъ кашлять, и тогда изъ отверстія трубочки съ характернымъ дующимъ шумомъ вылетали брызги кровавой слизи, а Сергѣй Андреевичъ и Ольга Петровна отшатывались въ стороны.

— Чуть-чуть мнѣ сейчасъ въ глазъ не попало!—сказала Ольга Петровна, жмуря лѣвый глазъ и ощупывая мизинцемъ щеку, на которой повисли двѣ алыхъ капельки.

— Эка штука! — съ шутливымъ пренебреженіемъ произнесъ Сергѣй Андреевичъ.

— Да-а!..—обиженно протянула Ольга Петровна.— Я вовсе еще не хочу ослѣпнуть.

— Съ чего вамъ, Ольга Петровна, слѣпнуть? Мы съ вами люди привычные: насъ никакая зараза не смѣетъ тронуть.

Ольга Петровна, скрывая улыбку, отвернулась, чтобъ достать баночку съ іодоформомъ; она дивилась, что такое сталось съ Сергѣемъ Андреевичемъ: всегда сумрачный и молчаливый, онъ сегодня въ теченіе всей операціи шутилъ и болталъ безъ умолку. Сергѣй Андреевичъ присыпалъ рану іодоформомъ и сталъ подводить подъ трубку марлевый передничекъ.

— А дѣвочка не дышитъ! —зловѣщимъ голосомъ проговорила вдругъ Ольга Петровна.

Сергѣй Андреевичъ бѣглымъ взглядомъ окинулъ оперированную и, не торопясь, докончилъ повязку.

— Сейчасъ мы ее попросимъ дышать, — сказалъ онъ и нажалъ грудную клѣтку дѣвочки.

Больная снова задышала и медленно раскрыла большіе, отуманенные глаза.

— Ну, Дунька, какъ дѣла?—спросилъ Сергѣй Ан-

древичъ, наклонившись къ ней и ласково трепля ее по пухлой, загорѣлой щекѣ.

Дѣвочка вздохнула и, отвернувъ голову, молча закрыла глаза. Сидѣлка взяла ее на руки и понесла изъ операціонной. Сергѣй Андреевичъ тщательно вымылъ сулемою лицо и руки, простился съ Ольгой Петровной и, надѣвъ фуражку, вышелъ на крыльцо.

Черезъ дорогу, за канавою, засаженною лозинами, желтѣла зрѣющая рожь; горизонтъ надъ рожью былъ свинцоваго цвѣта, сѣрыя тучи сплошь покрывали небо; но тучи эти не грозили дождемъ, и отъ нихъ только чувствовалось какъ-то уютнѣе и ближе къ землѣ. Съ востока слабо дулъ прохладный, бодрящій вѣтеръ.

Сергѣй Андреевичъ досталъ изъ портсигара толстую папиросу, поколотилъ ея мундштукомъ о крышку портсигара и, закуривъ, пошелъ изъ больницы домой. Онъ шелъ по дорогѣ вдоль заросшей канавы, растирая между руками цвѣтки полыни, и съ счастливымъ, жизнерадостнымъ чувствомъ дышалъ навстрѣчу вѣтру.

Сегодня у Сергѣя Андреевича былъ большой праздникъ: ему предстояло провести вечеръ съ двумя гостями, какихъ онъ рѣдко видѣлъ въ своей глуши. Мысль объ этихъ гостяхъ разсѣяла въ Сергѣѣ Андреевичѣ всѣ обычныя заботы и горести, и онъ чувствовалъ себя бодро, молодо и радостно. Въ такомъ настроеніи Сергѣй Андреевичъ находился очень рѣдко. Семья у него была громадная, въ восемь человѣкъ, жалованье ни-

щенское, работы по участку очень много; постоянно онъ былъ переутомленъ, постоянно кипѣлъ какимъ-то глухимъ раздраженіемъ; каждая мелкая непріятность или неожиданный расходъ повергали его въ тяжелое раздумье и заставляли падать духомъ. Теперь же при воспоминаніи объ этомъ Сергѣю Андреевичу становилось стыдно, что онъ способенъ мучиться изъ-за всякихъ пустяковъ.

Одинъ изъ гостей уже со вчерашняго вечера находился у Сергѣя Андреевича и теперь ожидалъ его дома. Гость этотъ былъ его старый университетскій товарищъ Киселевъ, о которомъ въ послѣднее время довольно много писали въ газетахъ. Года четыре назадъ Киселевъ началъ организовать среди кустарей Томилинской губерніи небольшія артели для оптовой закупки матеріала и сбыта продуктовъ; дѣло пошло наладъ. Киселеву удалось привлечь къ своимъ артелямъ сочувствіе губернскаго общества и администраціи; явились денежныя пожертвованія, въ учредители записались многіе губернскіе тузы; земство открыло артелямъ кредитъ. Душою дѣла попрежнему всецѣло оставался Киселевъ, и подъ вліяніемъ его энергичной и неутомимой дѣятельности томилинскія артели съ каждымъ годомъ росли и развивались... Этою зимою много заставилъ говорить о себѣ г. N своимъ докладомъ объ организованныхъ имъ на югѣ Россіи земледѣльческихъ артеляхъ. Предпріятіе г-на N заинтересовало

Киселева. Съ нижегородской выставки, гдѣ онъ экспонировалъ издѣлія своихъ кустарей, Киселевъ поѣхалъ на югъ къ г-ну N., чтобъ на мѣстѣ ознакомиться съ организаціей и положеніемъ дѣлъ въ его артеляхъ. По дорогѣ онъ на сутки заѣхалъ къ Сергѣю Андреевичу и сегодня вечеромъ уѣзжалъ.

Сергѣй Андреевичъ проговорилъ съ нимъ до поздней ночи и все утро послѣ амбулаторнаго пріема; онъ не могъ наслушаться Киселева, не могъ наговориться съ нимъ; глядя на этого человѣка, всю свою жизнь преложившаго на общее дѣло, Сергѣй Андреевичъ преисполнялся горделивою радостью за свое поколѣніе, которое дало жизни подобныхъ дѣятелей.

Другой гость, котораго сегодня ждалъ Сергѣй Андреевичъ, была дочь сосѣдняго помѣщика Наталья Александровна Чеканова. Сергѣй Андреевичъ не видѣлъ ея четыре года; въ то время Наташа только что кончила въ гимназіи и готовилась къ аттестату зрѣлости для поступленія на медицинскіе курсы; это была дѣвушка сорви-голова, съ бродившими въ душѣ смутными, широкими запросами, вся—порывъ, вся—безпокойное исканіе. Осенью, противъ воли отца, она неожиданно уѣхала въ Швейцарію и съ тѣхъ поръ какъ въ воду канула; дошли слухи, что черезъ два года она переѣхала въ Петербургъ. Отецъ надѣялся, что безъ денегъ Наташа долго не выдержитъ и сама воротится домой, но наконецъ потерялъ надежду; этою весною онъ

написалъ ей въ Петербургъ и приглашалъ пріѣхать на лѣто въ деревню. Наташа отвѣтила, что очень занята, и что наврядъ-ли ей удастся скоро пріѣхать. Тѣмъ не менѣе въ началѣ іюля она совершенно неожиданно явилась домой, не успѣвъ даже предупредить о своемъ пріѣздѣ. По пути со станціи она заѣхала къ Сергѣю Андреевичу. Когда онъ увидѣлъ Наташу, у него сжалось сердце отъ жалости; видимо, за эти четыре года ей пришлось пережить немало: она сильно похудѣла и поблѣднѣла, выглядѣла нервной; но за то отъ нея такъ и повѣяло на Сергѣя Андреевича бодростью, энергіей и счастьемъ. Онъ съ горячимъ интересомъ слушалъ торопливые, оживленные разсказы Наташи, наблюдалъ ее и думалъ: „она нашла дорогу и вѣритъ въ жизнь“. Наташа пробыла у него не долѣе получаса, и Сергѣй Андреевичъ не успѣлъ поговорить съ нею, какъ слѣдуетъ. Вчера онъ извѣстилъ ее о пребываніи у него Киселева, и Наташа обѣщалась пріѣхать.

— Что-то стало изъ нея?— съ любопытствомъ думалъ Сергѣй Андреевичъ, потирая руки.

И онъ улыбался при мысли о сегодняшнемъ вечерѣ, и радовался случаю освѣжиться и встряхнуться, вздохнуть чистымъ воздухомъ того міра, гдѣ не личныя заботы и печали томятъ людей.

Сергѣй Андреевичъ перешелъ деревенскую улицу, миновалъ запущенный барскій садъ и подошелъ къ

стоявшему противъ церкви ветхому домику; въ этомъ домикѣ онъ жилъ съ самаго своего водворенія въ Богучаровѣ. Изъ-подъ обросшей мохомъ тесовой крыши, словно исподлобья, смотрѣли на церковь пять маленькихъ оконъ, вокругъ дома тѣснились старыя, плакучія березы; возлѣ дороги бродилъ по муравкѣ рыжій теленокъ, привязанный длинною веревкою къ колышку; у церковной ограды сынъ Сергѣя Андреевича, гимназистикъ Володя, игралъ въ городки съ деревенскими ребятами.

Открывъ калитку, Сергѣй Андреевичъ вошелъ подъ березы. Вдоль боковой стѣны дома тянулась широкая, потемнѣвшая отъ дождей терраса съ покосившимися столбиками и подгнившими перилами; на террасѣ блестѣлъ самоваръ; дочь Сергѣя Андреевича, Люба, разливала чай; за столомъ сидѣли Киселевъ и сынъ богучаровскаго дьячка, студентъ-технологъ Даевъ.

II.

Когда Сергѣй Андреевичъ взошелъ на террасу, между Киселевымъ и Даевымъ кипѣлъ ярый споръ, и на него почти не обратили вниманія.

— Ну-ка, Любушка, плесни-ка и мнѣ чайку!— обратился Сергѣй Андреевичъ къ дочери.

Онъ взялъ налитый стаканъ чаю, положилъ въ него лимонъ и со стаканомъ въ рукахъ подсѣлъ къ спорившимъ.

*

Киселевъ былъ плотный и приземистый человѣкъ лѣтъ за сорокъ, съ широкимъ лицомъ и окладистою русою бородою; изъ-подъ высокаго и очень крутого лба внимательно смотрѣли маленькіе глазки, въ выраженіи которыхъ была какая-то странная смѣсь наивности и хитрой практической сметки. Всѣмъ своимъ видомъ Киселевъ сильно напоминалъ ярославца-цѣловальника, но только практическую сметку свою онъ употреблялъ не на „объегориваніе" и спаиваніе мужиковъ, а на дѣло широкой помощи имъ.

Взволнованно барабаня толстыми пальцами по скатерти, Киселевъ внимательно слушалъ студента.

— Что спорить? Сама по себѣ артель, разумѣется, дѣло хорошее,—говорилъ Даевъ, стройный парень съ черною бородкою и какою-то презрительно-надменною складкою между тонкими бровями.—Я не сомнѣваюсь, что этимъ путемъ вамъ удастся поднять на нѣкоторое время благосостояніе нѣсколькихъ десятковъ кустарей. Но всѣ силы, всю свою душу положить на такое безнадежное дѣло, какъ поддержка кустарной промышленности,—по моему, пустая трата силъ и времени.

— Почему же это кустарная промышленность—такое безнадежное дѣло?—спросилъ Киселевъ.

— Потому что существуетъ болѣе совершенная форма производства, съ которою не нашему кустарю бороться. Вы посмотрите, онъ ужъ по всей линіи отступаетъ передъ фабрикою, и вовсе не вслѣдствіе какихъ-нибудь

случайныхъ причинъ: машина съ неотвратимою последовательностью вырываетъ изъ его рукъ одинъ инструментъ за другимъ, и если кустарь покамѣстъ хоть кое-какъ еще конкурируетъ съ нею, то только благодаря своей пресловутой „связи съ землей“, которая позволяетъ ему цѣнить свой трудъ въ грошъ.

— Такъ что, значитъ, и пускай себѣ машина вырываетъ у него „одинъ инструментъ за другимъ“, пускай себѣ развивается фабрика? Такъ съ этимъ и нужно примириться?— спросилъ Киселевъ, юмористически поднявъ брови.

— Миритесь, не миритесь, а фабрика все равно задавитъ кустаря, — отвѣтилъ Даевъ, пожавъ плечомъ.

— Возмутительно! — воскликнулъ Киселевъ, ударивъ кулакомъ по столу. — Для васъ это—теорія, а для меня это трупомъ пахнетъ!

— Полноте, какая тутъ теорія! Нужно быть слѣпымъ, чтобъ не видѣть умиранія кустарничества, и,—вы меня извините,—нужно не знать азбуки политической экономіи, чтобъ думать, что артель способна его оживить.

Сергѣй Андреевичъ, наклонившись надъ стаканомъ и помѣшивая ложечкою чай, угрюмо и недоброжелательно слушалъ Даева. Когда-то, когда Даевъ былъ еще гимназистомъ, Сергѣй Андреевичъ любилъ его; ему тогда нравилась осанка владѣтельнаго принца у этого

сына бѣднаго деревенскаго дьячка, нравилась самостоятельность Даева, съ третьяго класса гимназіи жившаго собственнымъ трудомъ, и его дикое непокорство, обуздывать которое умѣлъ одинъ только Сергѣй Андреевичъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ Даевъ сталъ студентомъ и вышелъ изъ-подъ его вліянія, онъ становился все антипатичнѣе Сергѣю Андреевичу... То, что теперь говорилъ Даевъ, не было для Сергѣя Андреевича новостью: и раньше онъ ужъ не разъ слышалъ отъ Даева подобные взгляды, и по журнальной полемикѣ былъ знакомъ съ этимъ недавно народившимся у насъ безобразнымъ, доктринерскимъ ученіемъ, привѣтствующимъ развитіе въ Россіи капитализма и на мѣсто живой, дѣятельной личности кладущимъ въ основу исторіи слѣпую экономическую необходимость.

Слушая теперь Даева, Сергѣй Андреевичъ начиналъ раздражаться все сильнѣе; но ему хотѣлось удержать свое тихое и радостное настроеніе, и онъ постарался прекратить споръ.

— Эхъ, Иванъ Ивановичъ, ну, что ты съ нимъ связываешься?—обратился онъ къ Киселеву, обнявъ его за плечи и шутливо махнувъ рукою въ сторону Даева.—Эти новые люди—народъ отпѣтый, съ ними, братъ, не столкуешься. Намъ ихъ съ тобою и не понять,—всѣхъ этихъ декадентовъ, символистовъ, марксистовъ, велосипедистовъ...

— Сергѣй Андреевичъ, вы, я вижу, сильно отстали

отъ науки,—серьезно произнесъ Даевъ.—Кто-жъ теперь говоритъ „марксисты“? Нужно говорить: „*марксята*“, — больше поросятъ напоминаетъ.

— Да ужъ ладно! Какъ васъ тамъ ни называй, все равно! Секретъ-то у васъ у всѣхъ одинъ.

Сергѣй Андреевичъ старался придать своему голосу шутливо-добродушный тонъ, но улыбка его была неестественная и напряженная.

— Нѣтъ, кромѣ шутокъ,—обратился къ Даеву Киселевъ.—Почему это вы такъ пренебрежительно смотрите на артель?..

— Ну, а вотъ-она, наконецъ, и Наталья Александровна!—сказалъ Сергѣй Андреевичъ, вставая и шумно отодвигая стулъ.

III.

Къ калиткѣ, верхомъ на буланой лошади, подскакала дѣвушка въ соломеной шляпѣ и розовой кофточкѣ, перехваченной на таліи широкимъ кожанымъ поясомъ; круто осадивъ лошадь, она соскочила на землю и стала привязывать лошадь къ плетню.

— Наталья Александровна!.. Наконецъ-то! — радостно произнесъ Сергѣй Андреевичъ, идя навстрѣчу гостьѣ. — Здравствуйте!

Онъ крѣпко пожалъ ея руку. Наташа съ быстрою, немного сконфуженною усмѣшкою отвѣтила на его пожатіе и взошла на террасу. Отъ кофточки падалъ ро-

зоватый отблескъ на ея блѣдное лицо, и отъ этого Наташа казалась свѣжѣе и здоровѣе, чѣмъ тогда, когда Сергѣй Андреевичъ видѣлъ ее въ первый разъ. Она поцѣловалась съ Любой, Сергѣй Андреевичъ представилъ ей Киселева и Даева. Всѣ снова сѣли за столъ.

— Какая вы ужъ большая стали! — сказала Наташа, съ улыбкою оглядывая Любу.—Вы въ какомъ теперь классѣ?

Перешла въ восьмой,—краснѣя, отвѣтила Люба и стала наливать ей чай.

На минуту воцарилось молчаніе.

— Ну, вотъ, Наталья Александровна, опять вы въ нашихъ краяхъ,—заговорилъ Сергѣй Андреевичъ, съ отеческою любовью глядя на нее.—А намъ тутъ Иванъ Ивановичъ разсказывалъ объ организованныхъ имъ артеляхъ; я вамъ вчера писалъ о немъ.

— Вы давно ужъ ведете это дѣло? — спросила Наташа Киселева, украдкою приглядываясь къ нему.

— Четыре года веду,—неохотно отвѣтилъ Киселевъ, еще полный впечатлѣній отъ разговора съ Даевымъ.

— Вамъ, вѣроятно, ужъ надоѣло разсказывать?— нерѣшительно проговорила Наташа.

— Да разсказывать-то нечего.... Вотъ, если хотите, посмотрите нашъ артельный уставъ, тамъ все сказано.

Онъ досталъ изъ бумажника сложенный вчетверо листъ бумаги и передалъ его Наташѣ. Наташа быстро развернула его и съ любопытствомъ стала читать.

— Здѣсь сказано, что члены артели должны жить между собою „по Божьей правдѣ". А какъ поступаетъ артель съ членомъ, если онъ перестанетъ жить по правдѣ?—спросила она.

— Розно бываетъ. Чаще всего урезонишь его,—мужикъ и одумается, самъ пойметъ, что не дѣло затѣялъ. Ну, случается, конечно, что иного ничѣмъ не проймешь,—такого приходится исключить: шелудивая овца все стадо портитъ.

Наташа стала разспрашивать, какъ часты у нихъ вообще случаи исключенія участниковъ, на какихъ условіяхъ принимаются новые члены, насколько сильна въ артеляхъ самодѣятельность. Киселевъ мало по малу оживился и началъ разсказывать. Онъ разсказывалъ долго и подробно.

Сергѣй Андреевичъ слушалъ его съ наслажденіемъ; ему ужъ было извѣстно все, что разсказывалъ Киселевъ, но онъ былъ готовъ его слушать еще и еще разъ безъ конца. На душѣ у него опять стало тихо, хорошо и радостно. Вечерѣло, небо попрежнему было покрыто тучами; на западѣ, надъ прудомъ, тянулись золотистыя облака фантастическихъ очертаній. Теплый вѣтеръ слабо шумѣлъ въ березахъ; за загородью слы-

шались глухіе удары битъ и задорный голосъ Володи; въ саду кричали грачи.

— Да, господа, это дѣло — живое и плодотворное дѣло,— закончилъ Киселевъ.— Оно доставляетъ столько нравственнаго удовлетворенія, даетъ такіе осязательные результаты, такъ много обѣщаетъ въ будущемъ, что я всякому скажу: если хотите хорошаго счастья, если хотите съ пользою употребить свои силы, то идите къ намъ, и вы не раскаитесь... хотя вотъ г. Даевъ и не согласенъ съ этимъ.

Наташа быстро и внимательно взглянула на Даева.

— Я съ этимъ тоже несогласна,—сказала она, опустивъ глаза.

— Почему?—спросилъ Сергѣй Андреевичъ насторожившись.

— Это дѣло хорошее, но мнѣ не вѣрится, чтобъ оно много обѣщало въ будущемъ. Изъ разсказовъ самого-же Ивана Ивановича видно, что все держится только его личнымъ вліяніемъ; устранись Иванъ Ивановичъ,—и его артели немедленно распадутся, какъ было уже столько разъ.

— Почему же бы это имъ непремѣнно распасться?— спросилъ Киселевъ.

— Потому что вы слишкомъ многаго требуете отъ человѣка. Ваши артельщики должны жить „по Божьей правдѣ“; конечно, на почвѣ мелкаго производства единеніе только при такомъ условіи и возможно; но вѣдь

это значитъ совершенно не считаться съ природою человѣка: „по Божьей правдѣ“ способны жить подвижники, а не обыкновенные люди.

— Вотъ какъ!—протянулъ Сергѣй Андреевичъ, широко раскрывъ глаза.—„При мелкомъ производствѣ единеніе невозможно“... Наталья Александровна, да ужъ не собираетесь-ли и вы по этому случаю выварить нашего кустаря въ фабричномъ котлѣ?

— Ни у меня, ни у кого нѣтъ столько силъ, чтобъ сдѣлать это,—неохотно отвѣтила Наташа.—А что историческій ходъ вещей его выварить,—въ этомъ, разумѣется, не можетъ быть сомнѣнія.

— Опять этотъ „историческій ходъ вещей“!—воскликнулъ Киселевъ.—Господа, да постыдитесь-же хоть немного! Вы почтительно преклоняетесь передъ всякою мерзостью, которую готовъ сдѣлать вашъ „историческій ходъ вещей“. Если онъ обѣщаетъ расплодить у насъ фабрики, задавить кустаря,—то и пускай будетъ такъ, пускай кустарь погибаетъ?!

— Иванъ Ивановичъ! Какъ-бы вы ни смотрѣли на фабрику,—вмѣшался Даевъ,—но во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, вамъ слѣдовало бы хоть сколько-нибудь соблюдать перспективу: вы говорите о „гибели“ кустаря такимъ тономъ, какъ будто рѣчь идетъ о крушеніи какого-то очень большого благополучія. Но вѣдь это-же совершенно невѣрно; возьмите любой земскій сборникъ, и онъ развернетъ передъ вами такія картины „благопо-

лучія" нашего кустаря, что волосы станутъ дыбомъ. Знаете-ли вы, напр., что наши деревенскія ткачихи, работая *восемнадцать* часовъ въ сутки, вырабатываютъ *по одной копѣйкѣ* въ часъ? Въ той же избѣ, гдѣ стоятъ ихъ станки, онѣ и ѣдятъ, и спятъ, тутъ же работаютъ ихъ пяти—шестилѣтніе дѣти, тутъ же спятъ ихъ грудные ребята... Скажите, пожалуйста, какая фабрика можетъ „погубить" такую ткачиху? Это невозможно хотя бу ужъ по той-же причинѣ, по какой невозможно убить мертваго человѣка.

Киселевъ молча смотрѣлъ на Даева, качая головою.

— Я лучше васъ, г. Даевъ, знаю, какъ плохо живетъ нашъ кустарь,—сказалъ онъ;—но я знаю это не изъ книжекъ, а изъ жизни, и поэтому для меня отсюда вытекаетъ другой выводъ: кустарь живетъ плохо,—значитъ, нужно работать надъ тѣмъ, чтобъ ему жилось лучше; по вашему же, если онъ живетъ плохо, то пускай фабрика глотаетъ его: ему тамъ будетъ рай.

— По моему, ему тамъ будетъ рай?—переспросилъ Даевъ, поднявъ голову.—Иванъ Ивановичъ, когда я говорилъ что-нибудь подобное? Правда, ему тамъ будетъ не хуже, чѣмъ въ его кустарной свѣтелкѣ, но и нисколько не лучше, хотя, разумѣется, онъ зато найдетъ тамъ много такого, чего его свѣтелка никогда ему не дастъ... Но вопросъ теперь не въ этомъ; вопросъ въ томъ,—что можете *вы* дать ему? Въ лучшемъ случаѣ вамъ удастся поставить на ноги два-три десятка бѣд-

няковъ-кустарей, и ничего больше. Это будетъ очень хорошимъ, добрымъ дѣломъ, и дай вамъ Богъ побольше удачи; но какое-же это можетъ имѣть серьезное общественное значеніе?

Киселевъ переставилъ сливочникъ съ мѣста на мѣсто и смахнулъ со скатерти хлѣбныя крошки.

— Вы, господа, смотрите на жизнь черезъ книгу, вы настоящей, живой жизни не хотите знать!— съ негодованіемъ сказалъ онъ.—Повелъ бы я васъ къ нашимъ кустарямъ, посмотрѣли бы вы, какъ они живутъ,— языкъ бы у васъ не повернулся сказать, что работа на нихъ не имѣетъ общественнаго значенія!.. Мало жить головою, нужно, господа, и сердцемъ жить, а у васъ сердце атрофировалось!

— Но вѣдь сердечность и въ томъ,—возразилъ Даевъ,—чтобъ, скажемъ, накормить нищаго, ухаживать за больнымъ человѣкомъ? Если я устрою ночлежный домъ или богадѣльню, это вѣдь тоже будетъ очень хорошимъ, сердечнымъ дѣломъ, не такъ-ли?

— Я вовсе не такъ близорукъ, какъ вы думаете!— сказалъ Киселевъ, торжествующе взглянувъ на Даева.

— Все это важно. Филантропія—вещь необходимая, потому что на землѣ слишкомъ много горя. Но *причинъ* этого горя филантропія по самому своему существу не можетъ уничтожить.

— Къ чему вы мнѣ все это говорите? Я это давно знаю.

— Вотъ къ чему. Очень возможно, что ваши артели поднимутъ благосостояніе артельщиковъ, улучшатъ на нѣкоторое время ихъ положеніе,— противъ этого никто не станетъ спорить. Но вы при этомъ поможете *только даннымъ лицамъ*, вслѣдствіе вашей помощи *имъ* станетъ хорошо, и больше никому. А это и есть то, что называется филантропіей.

— Да!.. Да!.. — поддакивалъ Киселевъ, барабаня пальцами по столу и блуждая взглядомъ по потолку; онъ, видимо, не слушалъ, что говорилъ Даевъ, а просто ждалъ, чтобъ можно было сказать свое.

— Господа! Они гибнутъ отъ голода!— воскликнулъ онъ.—У нихъ нѣтъ лошаденки, чтобъ вспахать свою полосу, они задыхаются въ когтяхъ скупщиковъ,—а вы говорите: „туда незачѣмъ идти, наше дѣло не будетъ тамъ имѣть серьезнаго общественнаго значенія“... Неужели же вамъ не стыдно?!

Даевъ провелъ ладонью по лбу и молча сталъ прихлебывать изъ стакана чай. Наташа, подперевъ подбородокъ рукою и чуть замѣтно улыбаясь, сочувственнымъ взглядомъ слѣдила за Киселевымъ.

— Къ сожалѣнію, Иванъ Ивановичъ, голодныхъ и страдающихъ на землѣ такъ много,—сказала она,— что всѣмъ помочь рѣшительно нѣтъ возможности. Если дѣло идетъ не о частномъ случаѣ, а о характерѣ и направленіи всей нашей дѣятельности, то приходится выбирать, гдѣ эта дѣятельность дастъ наиболѣе суще-

ственные результаты. Вѣдь и сами вы идете именно къ кустарямъ не только потому, что они умираютъ съ голоду; вы кромѣ того убѣждены, что ваша помощь будетъ тамъ имѣть не минутное значеніе, что дѣло ваше „много обѣщаетъ въ будущемъ". А между тѣмъ именно это-то и сомнительно, потому что вы совершенно не считаетесь съ жизнью: вы разсчитываете достигнуть широкаго и прочнаго единенія кустарей въ то время, какъ всѣ условія производства ведутъ ихъ какъ разъ къ противуположному.

— Къ чему же ведутъ ихъ условія производства?— рѣзко спросилъ Сергѣй Андреевичъ, все время мрачно молчавшій.

— Они ведутъ ихъ къ раздѣленію на два прямо-враждебныхъ класса, между которыми не можетъ быть ничего общаго.

— Позвольте! Что же это такія за „условія производства"?—съ улыбкою спросилъ Киселевъ.—„Условія производства"... Вѣдь люди создаютъ эти условія, не такъ-ли? Ну, мы видимъ, что условія эти ведутъ къ худу. Что же нужно дѣлать? Вотъ и нужно убѣдить людей перемѣнить ихъ, ясное дѣло!

Наташа и Даевъ разсмѣялись.

— Ясно-то, ясно,—отвѣтила Наташа, —но только условія производства будутъ, пожалуй, посильнѣе всѣхъ уговоровъ и убѣжденій; вамъ не удастся убѣдить людей перемѣнить эти условія, если къ измѣненію не ведетъ самый ходъ экономическаго развитія.

Киселевъ, посмѣиваясь, переглянулся съ Сергѣемъ Андреевичемъ и развелъ руками.

— Ну, вы извините меня, я этого не могу понять, — сказалъ онъ.

— Ваши же артели, Иванъ Ивановичъ, очень скоро заставятъ васъ понять это самымъ яснымъ образомъ, — снова заговорилъ Даевъ. — Вы вотъ „убѣждаете“ людей соединяться въ артели, чтобъ бороться съ капитализмомъ; но такъ какъ экономическій ходъ вещей не за васъ, то результатомъ вашихъ „убѣжденій“ будетъ лишь еще большее развитіе именно той формы производства, противъ которой вы боретесь. Скажемъ, все у вашихъ артелей пойдетъ, какъ по маслу: онѣ обзаведутся крупными машинами, станутъ получать массу заказовъ, дѣло ихъ широко разовьется; въ такомъ случаѣ понадобятся еще рабочіе, не правда ли? Ясно, что новаго рабочаго артельщики не введутъ въ дѣло полноправнымъ членомъ, а *наймутъ* его. Разъ же появится наемникъ, то разсудите сами, — что же это будетъ за борьба съ капитализмомъ? А панять-то они его навѣрное наймутъ: согласитесь, вѣдь это имъ гораздо выгоднѣе.

— Не всегда люди дѣлаютъ то, что выгоднѣе! — возразилъ Киселевъ, значительно поднявъ брови.

— Но, къ сожалѣнію, весьма и весьма часто, какъ показываетъ опытъ съ тѣми же артелями. Заказали, напр., во Владимірской губерніи воскресенской артели

столяровъ столы для школъ; заказъ большой и выгодный; артельщики и *принаняли* себѣ въ помощь десять столяровъ. Въ Вятской губерніи смолу гонятъ артелями; если дѣла идутъ хорошо, артельщики *принанимаютъ* рабочихъ. Артели ножевщиковъ въ селѣ Павловѣ имѣютъ собственные керосиновые двигатели; когда сами артельщики не работаютъ, они отдаютъ эти двигатели въ пользованіе постороннимъ кустарямъ,—разумѣется, *за плату*. Я вамъ привожу первые пришедшіе на память примѣры. Правду говоря, мнѣ ихъ даже неловко приводить, до того дѣло само по себѣ ясно. Какъ наивно нужно смотрѣть на жизнь, чтобъ въ самую основу своей дѣятельности класть предположеніе, что люди „не всегда дѣлаютъ то, что выгоднѣе". Ваше предпріятіе имѣло бы серьезное значеніе лишь въ томъ случаѣ, если-бы люди *никогда* не дѣлали того, „что выгоднѣе". А послѣдняго, я думаю, даже и вы не рѣшитесь утверждать... При данныхъ условіяхъ хозяйственное единеніе трудящихся возможно лишь на почвѣ временнаго нравственнаго подъема, какъ у сектантовъ,—скажемъ, у балабановцевъ, рѣшившихъ жить „по правдѣ". Исчезъ нравственный подъемъ,—и единеніе исчезло.. Прочнымъ можетъ быть оно лишь въ томъ случаѣ, если опирается не на нравственныя чувства, а на самыя условія производства, которыя объединяютъ людей силою необходимости и воспитываютъ ихъ въ единеніи. Это-то вотъ и дѣлаетъ тотъ зловред-

ный капитализмъ, бороться съ которымъ вы считаете такою настоятельною необходимостью.

Сергѣй Андреевичъ почти съ ненавистью слушалъ Даева. Даевъ говорилъ какимъ-то пренебрежительно-учительскимъ тономъ, словно и не надѣясь на понятливость Киселева, и Сергѣю Андреевичу было досадно, что тотъ совершенно не замѣчаетъ ни тона Даева, ни его рѣзкостей.

Киселевъ глубоко вздохнулъ и поднялся съ мѣста.

— Я вижу только одно, господа,—сказалъ онъ:—вы не любите человѣка и не вѣрите въ него. Ну, скажите, неужели же вправду такъ-таки невозможно понять, что дружная работа выгоднѣе работы врозь, что лучше быть братьями, чѣмъ врагами? Вы злорадно указываете на неудачи... Что-жъ? Да, онѣ есть! Но вы знаете-ли, въ какихъ условіяхъ приходится жить мужику? Могутъ-ли широко развиться при нихъ тѣ задатки любви и отзывчивости, которые заложены въ его душѣ? А задатки въ немъ заложены богатые, смѣю васъ увѣрить! Вы смѣетесь надъ этимъ. Но меня вотъ что удивляетъ: вы молоды, жизни не знаете, знакомы съ нею только изъ книгъ,—и въ рабочихъ людяхъ видите звѣрей. Я знаю ихъ, живу среди нихъ вотъ уже пятнадцать лѣтъ,—и говорю вамъ, что это—*люди*, хорошіе, честные люди!—горячо воскликнулъ онъ.

— И я могу подтвердить это!—торжественно произнесъ Сергѣй Андреевичъ.

Даевъ слушалъ, сдвинувъ брови и вертя въ рукѣ коробочку отъ спичекъ.

— Если мы думаемъ, что люди—не ангелы, то это еще не значитъ, что мы видимъ въ нихъ звѣрей,— рѣзко сказалъ онъ. — Любимъ-ли мы человѣка или нѣтъ, рѣшайте, какъ хотите; но именно въ интересахъ этого человѣка я рѣшительно протестую противъ вашего оптимизма, какъ онъ на первый взглядъ ни симпатиченъ. Вы вѣрите, что ваши артельщики никогда не станутъ дѣлать того, что имъ „выгодно". Вѣра очень благородная; но благодаря этой вѣрѣ, вы съ спокойною душою основываете гнѣздышки маленькихъ буржуа, тратите на это земскія деньги, сколоченныя изъ кровныхъ мужицкихъ грошей, снабжаете вашихъ кліентовъ усовершенствованными машинами, даете имъ завладѣть рынкомъ,—словомъ, дѣлаете все, чтобъ доставить имъ возможность стать предпринимателями; но предпринимателями, по вашему, они ни за что не захотятъ стать, потому что они — „хорошіе, честные люди". Когда-же вамъ указываютъ на то, что эти честные люди, пользуясь своимъ положеніемъ, весьма не прочь поэксплуатировать своихъ менѣе счастливыхъ товарищей, то вы зажмуриваете на это глаза и утѣшаетесь мыслью, что имѣете дѣло лишь съ случайною „неудачею"... Да, *такой* вѣры въ людей у насъ нѣтъ, потому что намъ слишкомъ дороги интересы тѣхъ, на чью судьбу вы закрываете глаза.

*

— Поэтому, вѣроятно, вы такъ и заботитесь о томъ, чтобъ ихъ стало у насъ побольше,—ядовито замѣтилъ Сергѣй Андреевичъ.

Даевъ вздохнулъ.

— Заботимся объ этомъ не мы, а историческій ходъ вещей, да вотъ еще Иванъ Ивановичъ,—прибавилъ онъ съ улыбкою,—Иванъ Ивановичъ, который охотно сдѣлалъ бы своихъ артельщиковъ даже крупными фабрикантами въ разсчетѣ, что они станутъ „честно" дѣлиться барышами со своими рабочими. Наша забота совсѣмъ другая...

— Люба! Не знаешь ты, который теперь часъ?— вдругъ громко спросилъ Володя. Онъ ужъ съ десять минутъ стоялъ на террасѣ, нетерпѣливо и выразительно поглядывая на отца, но тотъ, занятый споромъ, не замѣчалъ его.

Киселевъ поспѣшно вынулъ часы.

— Ого, ужъ восьмой часъ!—сказалъ онъ.— Пора, Сергѣй Андреевичъ, лошадь запрягать, а то я къ поѣзду не поспѣю.

— Папа, Нежданчика запречь?—быстро спросилъ просіявшій Володя.

Всѣ засмѣялись.

— Э, братъ, у тебя тутъ, я вижу, тонкая политика была!—протянулъ Даевъ, схвативъ Володю сзади подмышки.—То-то его вдругъ заинтересовало, который теперь часъ!

— Папа, Степану нужно на ночное ѣхать! — крикнулъ Володя.

— Да ужъ придется тебѣ отвезти Ивана Ивановича,— отвѣтилъ Сергѣй Андреевичъ.—Пускай только Степанъ лошадь запряжетъ.

— Ни одного вѣдь словца, разбойникъ, безъ политики не скажетъ! — проговорилъ Даевъ, щекоча Володю.—Бить, братъ, тебя некому, вотъ что!

— А вамъ?—возразилъ Володя, ежась и стараясь поймать пальцы Даева.

— Да вѣдь ты же не даешься, злодѣй!

— Ну, напримѣръ, за что вы меня щекочете?

— Скажи ты мнѣ, къ какой собственно мысли этотъ твой „примѣръ“ служитъ иллюстраціей?

Володя вывернулся изъ рукъ Даева и взобрался на перила.

— Никакой я вашей балюстраціи не понимаю!— крикнулъ онъ, спускаясь на землю, и черезъ куртины помчался въ конюшню.

Даевъ взялъ свой пустой стаканъ и подошелъ къ Любѣ.

IV.

Сергѣй Андреевичъ, сидя съ Киселевымъ и Наташей, ревниво поглядывалъ на Даева. Онъ видѣлъ, какъ радостно вспыхнула Люба, когда Даевъ заговорилъ съ нею: неужели же онъ и его взгляды не возмущаютъ ее?..

Даевъ сѣлъ на концѣ стола возлѣ Любы и вступилъ съ нею въ разговоръ.

— Какъ для васъ, господа, всѣ эти вопросы съ высоты теоріи легко рѣшаются!—говорилъ между тѣмъ Киселевъ.—Для васъ кустарь, мужикъ, фабричный,—все это отвлеченныя понятія, а между тѣмъ они—люди, живые люди съ кровью, нервами и мозгомъ. Они тоже страдаютъ, радуются, имъ тоже хочется ѣсть, не глядя на то, разрѣшаетъ-ли имъ это „историческій ходъ вещей"... Вотъ я въ Нижнемъ получилъ отъ моихъ палашковскихъ артельщиковъ письмо...

Киселевъ досталъ изъ бумажника грязную, исписанную каракулями бумагу, медленно надѣлъ на носъ пенснэ и, откинувъ голову, сталъ читать:

— „Дражайшему благодѣтелю нашему Ивану Ивановичу Киселеву отъ Ерофея Тукалина, Ивана Егорова и т. д. письмо."—Письмо!—съ улыбкою повторилъ онъ, мигнувъ бровями.—„Писали мы вамъ, что Косяковъ Пётра продалъ кузницу цѣною за 81 р. сер. и хотитъ, чтобъ взять деньги въ свою пользу. То поэтому, Иванъ Ивановичъ, какъ хотите, такъ и дѣлайте съ нимъ. Но мы же онымъ не нуждаемся, потому что мы въ той кузнѣ еще не работали и не нуждаемся оной, а вы, какъ знаете, такъ дѣлайте распоряженіе"... Ну, и такъ дальше... „И еще кланяемся вамъ съ благодарностью, и просимъ не оставлять насъ, за это будемъ объ васъ Бога молить за ваши благодѣ-

тельства насъ, бѣдныхъ людей"... Подписано: „братья артели" такіе-то... Да, господа, и что вы тамъ ни говорите, а я ихъ не оставлю!—произнесъ онъ прерывающимся голосомъ, снимая пенснэ.

— Какое письмо славное! — сказала Наташа съ заблестѣвшими глазами.

— Ну, во-отъ! Не правда-ли?—просіялъ Киселевъ. — Вѣдь невозможно, господа, такъ относиться! Книжки вамъ говорятъ, что по политической экономіи артелями ничего нельзя достигнуть,—вамъ и довольно. А вѣдь это все живые люди; можно-ли такъ разсуждать?.. Мнѣ и не то еще приходилось слышать: переселенія, напр., тоже вещь нежелательная, ихъ незачѣмъ поощрять, потому что, видите-ли, въ такомъ случаѣ у насъ останется мало безземельныхъ работниковъ.

— Ну, это вы слышали отъ какого-нибудь молодца съ Страстного бульвара! — съ улыбкою сказала Наташа.

Въ глазахъ Киселева мелькнулъ лукавый огонекъ.

— Нѣтъ, я это полчаса назадъ за этимъ столомъ слышалъ, — медленно произнесъ онъ, вѣжливо улыбаясь.

Наташа вспыхнула и въ замѣшательствѣ наклонилась надъ чашкою.

— На очную ставку готовъ стать съ господиномъ Даевымъ,—прибавилъ Киселевъ.

— Я въ этомъ отношеніи несогласна съ Даевымъ,— быстро сказала Наташа, выпрямившись и глядя въ глаза Киселеву, съ неуспѣвшею еще сойти съ лица краскою.—По моему, переселенія прямо *желательны*, потому что они повысятъ благосостояніе и переселенцевъ, и остающихся; а это поведетъ къ расширенію внутренняго рынка.

Киселевъ слушалъ ее съ чуть замѣтною усмѣшкою.— „Не хочетъ раскрыть картъ!"—думалъ онъ. Сергѣй Андреевичъ откинулся на спинку стула и молчалъ, съ безпощаднымъ, вызывающимъ ожиданіемъ глядя на Наташу.

— Ну-съ, и что же дальше? Для васъ это—только маленькое „разногласіе" съ г. Даевымъ?.. Странно!— усмѣхнулся онъ, пожавъ плечами.—Сейчасъ только сами же вы признали его взгляды достойными Страстного бульвара, а теперь вдругъ выходитъ, что это для васъ—такъ себѣ, лишь незначительное разногласіе!.. Гмъ! Ну, теперь мнѣ совершенно ясно, почему именно на этомъ-то бульварѣ вы и встрѣтили самое горячее сочувствіе!

Даевъ, съ стаканомъ въ рукахъ, подошелъ къ спорившимъ и остановился, помѣшивая ложечкою въ стаканѣ.

— Скажите, пожалуйста, Василій Семеновичъ, какъ вы относитесь къ переселенческому вопросу? — обратился къ нему Сергѣй Андреевичъ; спросилъ онъ это

самымъ невиннымъ голосомъ, но глаза его смотрѣли мрачно и враждебно.

— Слава Богу, у насъ, оказывается, и переселяться-то некуда,—отвѣтилъ Даевъ, видимо, забавляясь негодованіемъ Сергѣя Андреевича. — Можно-ли серьезно говорить у насъ о перенаселеніи? Культура земли самая первобытная, три четверти населенія околачивается вокругъ земли; эдак намъ скоро и всего земного шара не хватитъ. Выходъ отсюда для насъ тотъ-же, что былъ и для западной Европы,—развитіе промышленности, а вовсе не бѣгство въ Сибирь.

Наташа стала возражать. Промышленность сразу не разовьется,—для этого нужно время, число-же безработныхъ растетъ, и нельзя забывать, что дѣло тутъ идетъ о живыхъ людяхъ; ужъ поэтому одному переселенія желательны; притомъ, повысивъ благосостояніе мужика, переселенія увеличили бы его покупательную силу, а это важно для развитія той-же промышленности.

Сергѣй Андреевичъ слушалъ, горя негодованіемъ. По такому существенному вопросу они спорили неохотно, съ готовностью дѣлая другъ другу уступки,—видимо, чтобъ только поскорѣе столковаться и прійти къ концу.

— Къ чему вы, Наталья Александровна, упоминаете о „живыхъ людяхъ“, что они для васъ?—воскликнулъ Сергѣй Андреевичъ.—Будьте ужъ откро-

венны до конца: говорите о вашей промышленности и оставьте живыхъ людей въ покоѣ. Если-бы они грозили остановить развитіе вашего милаго капитализма, то развѣ вы стали-бы съ ними считаться? Что значитъ для васъ эта сотня тысячъ какихъ-то „живыхъ людей", умирающихъ съ голоду!

И сейчасъ-же оба они соединились противъ него, доказывая, что *если бы* кто-нибудь могъ остановить развитіе капитализма, то и разговоръ былъ бы другой, при данныхъ же условіяхъ ничто остановить его не въ силахъ. Сергѣй Андреевичъ сталъ яро возражать, но положеніе его въ этомъ спорѣ было довольно неблагопріятное: въ экономическихъ вопросахъ онъ былъ очень несиленъ и только помнилъ что-то о рынкахъ, отсутствіе которыхъ дѣлаетъ развитіе русскаго капитализма невозможнымъ; противники-же его, видимо, именно экономическими-то вопросами преимущественно и интересовались, и засыпали его доказательствами. Сергѣй Андреевичъ чувствовалъ, что они видятъ слабость его позиціи, и его одинаково раздражалъ и снисходительный тонъ возраженій Даева, и сожалѣніе къ нему, свѣтившееся въ глазахъ Наташи.

Къ спорящимъ присоединился и Киселевъ. Споръ тянулся долго,—горячій, но утомительно-безплодный, потому что спорящіе стояли на слишкомъ различныхъ точкахъ зрѣнія. Для Сергѣя Андреевича и Киселева взгляды ихъ противниковъ были полны непримири-

мыхъ противорѣчій, и они были убѣждены, что тѣ не хотятъ видѣть этихъ противорѣчій только изъ упрямства: Даевъ и Наташа объявляли себя врагами капитализма,—и въ то-же время радовались его процвѣтанію и усиленію; говорили, что для широкаго развитія капитализма необходимы извѣстныя общественно-политическія формы,—и въ то же время утверждали, что самъ же капитализмъ эти формы и создастъ; историческая жизнь, по ихъ мнѣнію, направлялась неподчиняющимися человѣческой волѣ экономическими законами, идти противъ которыхъ было нелѣпо,—но отсюда для нихъ не вытекалъ выводъ, что при такомъ взглядѣ человѣкъ долженъ сидѣть, сложа руки. — Развѣ все это не ясныя до очевидности противорѣчія?— спрашивали Сергѣй Андреевичъ и Киселевъ. Даевъ и Наташа въ отвѣтъ пожимали плечами, удивляясь, какъ можно такъ плоско понимать вещи. Впрочемъ, серьезно спорить и доказывать продолжала только Наташа; Даевъ больше забавлялся, наблюдая, какую нелѣпо-уродливую форму принимали ихъ взгляды въ пониманіи Сергѣя Андреевича и Киселева.

— А всетаки, Наталья Александровна, что вы тамъ теперь ни говорите,—закончилъ Сергѣй Андреевичъ,—но я запомню одно: взгляды вашего единомышленника вы нечаянно признали достойными Страстного бульвара. Этимъ вы сами произнесли своему ученію самый лучшій приговоръ.

— Напрасно вы, Сергѣй Андреевичъ, такъ торжествуете по этому поводу, — сказалъ Даевъ. — Разногласіе, конечно, существенное, но вовсе ужъ не такое, чтобъ намъ изъ-за него предать другъ друга анаѳемѣ, какъ вы желаете. Напомню вамъ, что даже въ западной Европѣ, гдѣ столковаться было гораздо больше и времени, и возможности, именно въ подобныхъ вопросахъ разногласій еще весьма много. Общее у насъ съ Натальей Александровной во всякомъ случаѣ вотъ что: дорога къ лучшему будущему лежитъ у насъ черезъ капитализмъ, разовьется онъ у насъ неизбѣжно, и никакія артели, общины и переселенія его не предотвратятъ; по моему, чѣмъ скорѣе онъ разовьется, тѣмъ для производителя лучше; Наталья Александровна думаетъ, что переселенія могутъ нѣсколько „смягчить“ процессъ, — и только. И, конечно, лишь полнѣйшая невозможность болѣе полезной работы могла бы заставить ее посвятить свои силы дѣлу переселеній или артелей.

Сергѣй Андреевичъ молча прошелся по террасѣ.

— Нѣтъ, господа, чтобъ до такой можно было дойти узости, до такой чудовищной черствости и безсердечія, — этого я не ожидалъ! Ну, и времячко же теперь, нечего сказать, — довелось мнѣ дожить!

— На время грѣхъ жаловаться, — серьезно возразилъ Даевъ, — время хорошее и интересное. А что касается вашихъ упрековъ въ безсердечіи, то увѣряю

васъ, Сергѣй Андреевичъ, убѣдить ими кого-нибудь очень трудно. Мы утверждаемъ, что Россія вступила на извѣстный путь развитія, и что заставить ее свернуть съ этого пути ничто не въ состояніи; *докажите*, что мы ошибаемся; но вы это дѣлаете крайне неохотно, зато на всѣ лады стараетесь намъ втолковать, что нашъ взглядъ „возмутителенъ“. Странное отношеніе къ дѣйствительности! Пора бы ужъ перестать судить о ея явленіяхъ съ точки зрѣнія нашихъ идеаловъ.

— Вы полагаете, что пора? — съ любопытствомъ спросилъ Сергѣй Андреевичъ.

— Да, я думаю, давно уже пора. Жизнь развивается по своимъ законамъ, не справляясь съ вашими идеалами; нечего и приставать къ ней съ этими идеалами; нужно принять тѣ, которые диктуетъ сама дѣйствительность.

— Боже мой, Боже мой! И это—молодежь, надежда страны!..—воскликнулъ Сергѣй Андреевичъ.

Онъ схватился за голову и взволновано зашагалъ по террасѣ.

Наташа съ неопредѣленною улыбкою смотрѣла на скатерть. Даевъ слѣдилъ за Сергѣемъ Андреевичемъ съ нескрываемою ироніею.

— Если объ этомъ говорить, то... Не завидую я странѣ, которой приходится довольствоваться надеждою на молодежь,—сказалъ онъ.

— Да ужъ не на васъ же, конечно, ей... разсчитывать...

Голосъ Сергѣя Андреевича сорвался. Онъ махнулъ рукою и отошелъ къ концу террасы.

Тянувшіяся на западѣ облака сіяли ослѣпительнымъ золотымъ свѣтомъ, весь западъ горѣлъ золотомъ; казалось, будто тамъ раскинулись какія-то широкія, необъятныя равнины; длинные золотые лучи пронизали ихъ, расходясь до половины неба; на сѣверѣ кучились и громоздились тяжелыя облака съ бронзовымъ оттѣнкомъ. Зелень орѣшниковъ и кленовъ стала странно-яркаго цвѣта, золотой отблескъ легъ на далекія нивы и деревни, окна барскаго дома въ Санинѣ блестѣли, какъ при пожарѣ.

Сергѣй Андреевичъ, угрюмо прикусивъ губу, смотрѣлъ на ярко и торжествующе горѣвшее небо; слезы душили его: такъ вотъ что стало изъ Наташи, вотъ въ чемъ нашла она выходъ и успокоеніе!.. На Даева Сергѣй Андреевичъ давно ужъ махнулъ рукою: прежде онъ недоумѣвалъ, какъ могла боевая натура Даева примириться съ такимъ апоѳеозомъ квіетизма, потомъ однако рѣшилъ, что жестокость этого ученія вполнѣ соотвѣтствовала черствому и недоброму характеру Даева. Но Наташа!

Сергѣй Андреевичъ вспомнилъ, какъ однажды, четыре года назадъ, она заѣхала къ нему съ прогулки верхомъ вмѣстѣ съ своимъ двоюроднымъ братомъ, докторомъ Чекановымъ. Столько въ ея глазахъ было тогда жизни и счастья, столько молодости, радостно рву-

щейся на просторъ, отзывчивой и любящей! Сергѣй Андреевичъ самъ весь тотъ день чувствовалъ себя какъ бы помолодѣвшимъ. Потомъ онъ увидѣлъ Наташу два мѣсяца спустя: она только что воротилась изъ Слесарска, гдѣ на ея рукахъ умеръ докторъ Чекановъ, на смерть избитый толпою во время холерныхъ безпорядковъ. Измѣнилась она страшно: глаза ея горѣли глубокимъ, сосредоточеннымъ огнемъ, всѣми помыслами, всѣмъ своимъ существомъ она какъ-бы ушла въ одно желаніе,—желаніе страданія и жертвы. Въ то время Наташа часто бывала у Сергѣя Андреевича и настойчиво разспрашивала его, что теперь всего нужнѣе дѣлать, на что отдать свои силы. Онъ полюбилъ ее, какъ дочь, и жизнь для него стала какъ-то свѣтлѣе; никогда онъ не работалъ столько, какъ въ то время, и работалъ радостно, безъ обычнаго раздраженія и ворчаній. Вскорѣ Наташа уѣхала на югъ сестрою милосердія, затѣмъ, по окончаніи холеры, заграницу... И вотъ что теперь стало изъ нея!

А между тѣмъ по прежнему она была симпатична Сергѣю Андреевичу... Что же это за проклятая зараза, откуда забрала она столько всепокоряющей силы?!

Изъ-за сарая выѣхалъ въ шарабанѣ Володя; онъ нахлестывалъ кнутомъ Нежданчика, поглядывая на балконъ, не слѣдитъ-ли за нимъ отецъ, и лихо подкатилъ къ калиткѣ. У стола раздался шумъ отодвигаемыхъ стульевъ. Сергѣй Андреевичъ воротился къ гостямъ.

Киселевъ застегивалъ пальто и надѣвалъ дорожную сумку.

— Ну, прощайте, господа! — сказалъ онъ, протягивая свою широкую руку Наташѣ и Даеву.—Желаю вамъ всего хорошаго. Дѣлайте ваше „историческое“ дѣло,—открывайте фабрики, старайтесь обезземелить крестьянъ, разрушить артель и кустарные промыслы,— можетъ быть, вамъ когда-нибудь и станетъ стыдно за это. А мы, — мы съ нашими „братьями-артельщиками“ не боимся васъ... Вы не обижайтесь на меня!..—быстро прибавилъ онъ, добродушно улыбаясь и крѣпко пожимая обѣими руками руку Даеву.—Сердца у васъ хорошія, только теорія васъ душитъ, вотъ въ чемъ горе!

Даевъ разсмѣялся и горячо пожалъ въ отвѣтъ руку Киселева.

— А мнѣ позвольте *совершенно искренно* пожелать вамъ возможно большаго успѣха,— отвѣтилъ онъ.

Киселевъ въ сопровожденіи присутствующихъ спустился съ террасы. Сергѣй Андреевичъ послѣ всего происшедшаго чувствовалъ къ нему приливъ особенной любви и нѣжности; разговаривая съ Киселевымъ, онъ не спускалъ съ него мягкаго и любовнаго взгляда.

Киселевъ, ощупывая наполненные карманы своего пальто, остановился передъ шарабаномъ.

— Доѣдетъ молодой человѣкъ? — спросилъ онъ, оглядывая маленькую фигурку Володи.

Володя покраснѣлъ и съ обиженной улыбкой быстро взглянулъ на отца.

— Ничего, доѣдетъ... Только, братъ, вотъ что,— сурово обратился Сергѣй Андреевичъ къ Володѣ:— кнутъ пускай въ дѣло порѣже и назадъ возвращайся черезъ Басово, а не черезъ Игнашкинъ Яръ.

Лицо Киселева внезапно стало серьезнымъ.

— Ну, Сергѣй Андреевичъ, оставайся здоровымъ!— вздохнулъ онъ, раскрывая объятія.—Богъ вѣсть, когда теперь свидимся.

Они крѣпко поцѣловались три раза накрестъ; затѣмъ Сергѣй Андреевичъ еще разъ прижалъ къ себѣ Киселева и долго, горячо поцѣловалъ его, какъ бы желая этимъ поцѣлуемъ выразить всю силу своего уваженія и любви къ нему.

Киселевъ ступилъ на подножку шарабана, тяжело накренившагося подъ нимъ, усѣлся и еще разъ ощупалъ карманы. Володя тронулъ Нежданчика.

V.

Сергѣй Андреевичъ воротился на террасу. Въ душѣ у него все кипѣло, его мучило, что на всѣ его упреки Наташа и Даевъ отвѣчали только пожиманіемъ плечъ и сдержанной улыбкой; и ему хотѣлось хоть въ чемъ-нибудь пристыдить ихъ.

Наташа, Люба и Даевъ сидѣли у самовара и раз-

говаривали. Сергѣй Андреевичъ, насупившись, нѣсколько разъ прошелся по террасѣ.

— Извините, господа,—сказалъ онъ.—Ну, можно-ли было завязывать съ Иваномъ Ивановичемъ такой споръ? Неужели вы не чувствовали, до чего это было грубо и безтактно?

— Почему?—спросилъ Даевъ, удивленно поднявъ брови.

— Какая была у васъ цѣль? Неужели—убѣдить Ивана Ивановича, что дѣло всей его жизни—пустяки, что отъ него надо отказаться?

— Я рѣшительно не понимаю такого страха передъ свободнымъ обсужденіемъ. Тогда и я васъ упрекну: зачѣмъ вы съ нами спорите? Можетъ быть, и вы насъ убѣдите отказаться отъ нашей дѣятельности. А относительно Киселева вы напрасно безпокоитесь: онъ настолько вѣритъ въ свое дѣло и настолько тупъ, что его никто не переубѣдитъ. И вы меня извините, Сергѣй Андреевичъ,—я думаю, что возраженія наши больше огорчили не его, а васъ, потому что вы въ душѣ и сами не слишкомъ-то вѣрите въ чудеса артели.

— Никто о чудесахъ и не говорилъ,—устало произнесъ Сергѣй Андреевичъ.—Дѣло это, во всякомъ случаѣ, хорошее, и къ нему непозволительно относиться такъ свысока, какъ вы это дѣлаете.

— Позвольте, Сергѣй Андреевичъ: Иванъ Ивановичъ говорилъ именно о чудесахъ,—возразила На-

таша.—Но мнѣ хотѣлось бы знать вотъ что: вы все время возражали намъ, защищали Киселева; какъ же однако сами вы смотрите хоть бы на ту же общину или артель? Мнѣ это осталось неяснымъ. Представляетъ-ли, по вашему, наша община благопріятную почву для развитія братскихъ чувствъ общинниковъ, могутъ-ли кустари на почвѣ артелей объединиться, побить фабрику и искоренить въ Россіи капитализмъ?

— Если я вамъ даже дамъ на все это отрицательный отвѣтъ, то что же отсюда слѣдуетъ? Можно, Наталья Александровна, не закрывать глазъ на темныя стороны общины, можно не видѣть въ артеляхъ радикальнаго средства, и всетаки быть очень далекимъ отъ тѣхъ звѣрскихъ выводовъ, которые вы изъ этого дѣлаете.

— Какіе же выводы дѣлаете вы? Допустимъ, что мы сознали „звѣрство“ нашихъ выводовъ и готовы отъ нихъ отречься. И вотъ мы обращаемся къ вамъ: гдѣ въ современной дѣйствительности тѣ живые ключи, изъ которыхъ бьетъ новая жизнь? Что несетъ съ собою эта жизнь, какимъ путемъ пойдетъ развитіе Россіи?

— Не знаю, Наталья Александровна! Это только для васъ все будущее ясно, какъ на ладони; по моему, жизнь сложнѣе всякихъ схемъ, и никто, относящійся къ ней сколько-нибудь добросовѣстно, не возьмется вамъ отвѣчать.

— Но вѣдь выдвигаетъ же эта жизнь какія-нибудь историческія задачи? Во что же вѣрить, какимъ путемъ итти? Что нужно дѣлать?

Это были тѣ же вопросы, которые Сергѣй Андреевичъ слышалъ отъ Наташи и четыре года назадъ. Тогда она съ тоскою ждала отъ него, чтобъ онъ далъ ей вѣру въ жизнь и указалъ дорогу, — и ему было тяжело, что онъ не можетъ дать ей этой вѣры и что для него самого дорога неясна; теперь, когда Наташа вѣрила и стояла на дорогѣ, Сергѣя Андреевича приводила въ негодованіе самая возможность тѣхъ вопросовъ, которые она ему задавала.

Волнуясь и раздражаясь, онъ сталъ доказывать, что жизнь предъявляетъ много разнообразныхъ запросовъ, и удовлетвореніе всѣхъ ихъ одинаково необходимо, а что будущее само ужъ должно рѣшить, „исторической"-ли была данная задача или нѣтъ; что нельзя гоняться за какими-то отвлеченными историческими задачами, когда кругомъ такъ много насущнаго дѣла и такъ мало работниковъ.

— Ну, да, то же самое я слышала отъ васъ и четыре года назадъ,—сказала Наташа:—„не знаю",— и поэтому всякое дѣло одинаково-хорошо и важно; только тогда вы не думали, что иначе и не можетъ быть...

Наташа быстро прошлась по террасѣ.

— Какъ можете вы съ этимъ жить!—произнесла

она, съ дрожью поведши плечами.—Киселевъ наивенъ и живетъ внѣ времени, но онъ, по крайней мѣрѣ, вѣритъ въ свое дѣло; а во что вѣрите вы? Въ окружающей жизни идетъ коренная, давно невиданая ломка, въ этой ломкѣ падаетъ и гибнетъ одно, незамѣтно нарождается другое, жизнь перестраивается на совершенно новый ладъ, выдвигаются совершенно новыя задачи. И вы стоите передъ этимъ хаосомъ, потерявъ подъ ногами всякую почву; старое вы бы рады удержать, но понимаете, что оно гибнетъ безповоротно; къ нарождающемуся новому не испытываете ничего, кромѣ недовѣрія и ненависти. Гдѣ же для васъ выходъ? На все вы можете дать только одинъ отвѣтъ: „не знаю"! Вѣдь передъ вами такая пустота, такой кромѣшный мракъ, что подумать жутко!.. И во имя этой-то пустоты вы вооружаетесь противъ насъ, и готовы обвинить чуть не въ ренегатствѣ всѣхъ, кто покидаетъ вашъ лагерь! Да оставаться въ вашемъ лагерѣ невозможно ужъ по одному тому, что это значитъ прямо обречь себя на духовную смерть.

— И не оставайтесь, Наталья Александровна, ищите дорогу! Когда вы ее найдете, мы первые же съ радостью пойдемъ за вами. Но вмѣсто того, чтобъ искать ее, вы зажмуриваете глаза, самоувѣренно объявляете: „мы знаемъ"! тамъ, гдѣ знать ничего не можете, и съ легкимъ сердцемъ готовы губить все, что не подходитъ подъ вашу схему. Развѣ это значитъ

найти дорогу?.. Нѣтъ, Наталья Александровна, колоссальный успѣхъ вашей, съ позволенія сказать, „программы“ я могу лишь объяснить совсѣмъ другимъ,—тѣмъ всеобщимъ одичаніемъ, которое вызвано теперешнимъ безвременьемъ.

— Я думаю, успѣхъ ея объясняется тѣмъ, что сама жизнь слишкомъ неопровержимо доказала ея правильность... А за все то, что мы будто бы собираемся губить, вы можете быть совершенно спокойны: какъ можемъ мы что-нибудь губить? Мы никакой силы изъ себя не представляемъ.

Сергѣй Андреевичъ молча оглядѣлъ Наташу съ ногъ до головы.

— Да, резюме, во всякомъ случаѣ, получается весьма поучительное,—произнесъ онъ съ ѣдкою усмѣшкою,—и ужъ, конечно, гдѣ жъ тутъ можетъ быть рѣчь о „духовной смерти“! *Мы силы никакой не представляемъ. Идеалы наши подчиняемъ дѣйствительности. Нигдѣ никому помочь не можемъ...*

Наташа хотѣла возразить, нервно пожала плечами и замолчала. Даевъ, посмѣиваясь, слѣдилъ за нею.

— Я думаю, споръ давно ужъ пора кончить,—сказалъ онъ:—ясно, что мы говоримъ на разныхъ языкахъ и никогда не столкуемся.

— Дѣйствительно, пора кончить: мнѣ ужъ давно время ѣхать,—проговорила Наташа и быстро встала.

— Вотъ-те разъ! Наталья Александровна, пол-

поте, куда это вамъ?—всполошился Сергѣй Андреевичъ.—Сейчасъ ужинъ готовъ. Много-ли вамъ ѣхать-то,—всего пять верстъ!

— Нѣтъ, не пять, а тридцать пять,—улыбнулась Наташа.—Я въ городъ ѣду, къ вамъ по дорогѣ заѣхала.

— Въ такомъ случаѣ ѣхать ужъ слишкомъ поздно. Когда вы теперь въ городъ пріѣдете,—завтра на зарѣ! Вѣдь вы не мужчина, Наталья Александровна; мало-ли что можетъ случиться по дорогѣ! Ночи теперь темныя. Оставайтесь-ка лучше у насъ ночевать. Переночуете съ Любой, а завтра утромъ напьетесь себѣ чаю и поѣдете.

— Вотъ еще!—разсмѣялась Наташа.—Какая, подумаешь, опасная дорога! У меня въ городѣ дѣло есть, завтра утромъ непремѣнно нужно быть; да и жарко ѣхать днемъ.

Сергѣй Андреевичъ помолчалъ.

— Такъ хоть поужинайте съ нами. Ей-Богу, если вы такъ уѣдете, я буду думать, что вы обидѣлись на меня.

— Извините, Сергѣй Андреевичъ, я вамъ не повѣрю, потому что для меня это слишкомъ оскорбительно,—нетерпѣливо сказала Наташа.—А ужинать я бы съ удовольствіемъ осталась, если бы хотѣла ѣсть.

— Ну, Господь съ вами!—смирился Сергѣй Андреевичъ.

Наташа спустилась съ лѣсенки и стала отвязывать отъ загороди лошадь. Сергѣй Андреевичъ, задумчиво теребя бороду, молча смотрѣлъ, какъ Наташа взнуздывала лошадь, какъ Даевъ подтягивалъ на сѣдлѣ подпруги. Оправивъ у лошади чолку, Наташа перекинула поводья на луку.

— Спасибо вамъ, Наталья Александровна, что заѣхали,—медленно произнесъ Сергѣй Андреевичъ.—Но долженъ сознаться,—съ горечью прибавилъ онъ,—не *такою* думалъ я васъ увидѣть.

— Какая есть!—отвѣтила Наташа съ своею быстрою усмѣшкою.

Сергѣй Андреевичъ нахмурился и молча пожалъ ея протянутую руку.

VI.

Наташа уѣхала. Сергѣй Андреевичъ постоялъ, засунувъ руки въ карманы, надѣлъ фуражку и медленно пошелъ по деревенской улицѣ.

Западъ ужъ не горѣлъ золотомъ; онъ былъ покрытъ ярко-розовыми, клочковатыми облаками, выглядѣвшими, какъ вспаханное поле. По дорогѣ гнали стадо; среди сплошного блеянія овецъ слышалось протяжное мычаніе коровъ и хлопанье кнута. Мужики, верхомъ на устало шагавшихъ лошадяхъ, съ запрокинутыми сохами возвращались съ пахоты.

Сергѣй Андреевичъ свернулъ въ переулокъ и черезъ обсаженные ивами конопляники вышелъ въ поле. Онъ долго шелъ по дорогѣ, понурившись и хмуро глядя въ землю. На душѣ у него было тяжело и смутно.

Дорога мимо полосъ крестьянской ржи сворачивала къ Тормину. Сергѣй Андреевичъ присѣлъ на высокую межу, заросшую икотникомъ и полевою рябинкою. Заря гасла, розовый цвѣтъ держался только на краяхъ облаковъ и наконецъ исчезъ; облака стали скучнаго свинцово-сѣраго цвѣта. По широкой равнинѣ мягко темнѣли среди хлѣбовъ деревни, въ дубовыхъ кустахъ Игнашкина Яра замигалъ костеръ; мужикъ, съ полнымъ мѣшкомъ за плечами, шелъ по тропинкѣ черезъ рожь. Попрежнему было тепло и чувствовалась близость къ землѣ, и попрежнему медленно двигались въ небѣ сѣрыя тучи, не угрожавшія дождемъ.

Мужикъ съ мѣшкомъ вышелъ на дорогу и повернулъ по направленію къ Тормину.

— Прогуляться вышелъ по холодочку? — ласково обратился онъ къ Сергѣю Андреевичу, поровнявшись съ нимъ.

— Это ты, Капитонъ!.. Добрый вечеръ! Откуда Богъ несетъ?—спросилъ Сергѣй Андреевичъ.

Капитонъ спустилъ мѣшокъ на землю и досталъ изъ кармана кисетъ.

— Ходилъ къ мельничихѣ, вотъ мучицы забралъ до новины: не хватило до новаго-то хлѣба.

Онъ набилъ табакомъ трубку и спряталъ кисетъ въ карманъ.

— Ну, дай, посижу съ тобою, передохну маленько,— сказалъ онъ, садясь на межу рядомъ съ Сергѣемъ Андреевичемъ, и сталъ закуривать.

— Какъ старуха твоя поживаетъ?—спросилъ Сергѣй Андреевичъ.

— Опухъ въ ногахъ уничтожился, слава Богу. Подъ сердце нѣтъ-нѣтъ, да и подкатитъ, а только работаетъ нынче хорошо, дай Богъ тебѣ здоровья.

Они помолчали.

— Вотъ рожь-то какая уродилась! И косить нечего будетъ,—сказалъ Сергѣй Андреевичъ, кивнувъ на тянувшуюся передъ ними полосу; рѣдкіе, чахлые колосья ржи совершенно тонули на ней въ морѣ густыхъ васильковъ и полыни.

Капитонъ поглядѣлъ на полосу.

— Скосишь, братъ, и такую,—неохотно отвѣтилъ онъ.—Моя вотъ полоска такая же точно.

— Посѣялся поздно, что-ли?

— А то съ чего же?.. Проѣли къ филиппову дню хлѣбушко, ну, и набралъ по четверти,—у мельничихи, у Кузьмича, у санинскаго барина. Отдать-то отдай четверть, а отработать за нее надо, ай нѣтъ? Тамъ скоси десятинку, тамъ скоси,—анъ свой сѣвъ-то и ушелъ. Вотъ и коси теперь васильки... А тутъ еще конь палъ у меня на Аграфенинъ день,—прибавилъ онъ помолчавъ.

— Ну, братъ, плохо твое дѣло! Какъ же ты теперь жить будешь?

— Да ужъ... Какъ хошь, такъ и живи,—медленно отвѣтилъ Капитонъ, разводя руками.

— „Какъ хошь"... Вѣдь какъ-нибудь надо же прожить,—угрюмо возразилъ Сергѣй Андреевичъ.

— Какъ же не надо? Знамо дѣло,—надо.

— Такъ какъ же ты проживешь?

— Какъ! Н-ну... — Капитонъ подумалъ. — Кабы сынъ былъ у меня, въ люди бы его отдалъ: все кой-что домой бы принесъ.

— Такъ вѣдь нѣтъ же сына у тебя!

— То-то, что нѣтъ! Вотъ я же тебѣ и объясняю: какъ хошь, молъ, такъ и живи.

Сергѣй Андреевичъ замолчалъ; Капитонъ тоже молчалъ, задумчиво попыхивая трубкою.

— Жизнь томная, это что говорить. То-омная жизнь!—произнесъ онъ словно про себя.

Сергѣй Андреевичъ, угрюмо сдвинувъ брови, смотрѣлъ вдаль. Онъ припоминалъ сегодняшній споръ и думалъ о томъ, что бы испытывали Наташа и Даевъ, слушая Капитона. Сергѣй Андреевичъ былъ убѣжденъ, что они ликовали бы въ душѣ, глядя на этого горькаго пролетарія, котораго даже по недоразумѣнію никто бы не назвалъ самостоятельнымъ хозяиномъ.

Капитонъ докурилъ трубку, простился съ Сергѣемъ Андреевичемъ и пошелъ своею дорогою.

Равнина темнѣла, въ деревняхъ засвѣтились огоньки; по дорогѣ между овсами проскакалъ на ночное запоздавшій парень въ рваномъ зипунѣ. Послѣдній отблескъ зари гасъ на тучахъ; трудовой день кончился, надвигалась теплая и темная облачная ночь.

Сергѣй Андреевичъ стоялъ, оглядывая даль; онъ чувствовалъ, какъ дорога и близка ему эта окружающая его бѣдная, тихая жизнь, сколько удовлетворенія испытывалъ онъ, отдавая на служеніе ей свои силы; и онъ думалъ о Киселевѣ, думалъ о сотняхъ разсѣянныхъ по широкой русской землѣ безвѣстныхъ работниковъ, дѣлающихъ въ глуши свое трудное, полезное и невидное дѣло... Да, ими всѣми уже сдѣлано кое-что, они съ гордостью могутъ указать на плоды своего дѣла. *Тѣ*, узкіе и черствые, относятся къ этому дѣлу свысока... Что-то сами они сдѣлаютъ? И тяжелая злоба къ нимъ шевельнулась въ Сергѣѣ Андреевичѣ, и онъ почувствовалъ, что никогда не примирится съ ними, никогда не протянетъ имъ руки...

Черезъ всю свою жизнь, полную ударовъ и разочарованій, онъ пронесъ нетронутымъ одно, —горячую любовь къ народу и его душѣ, облагороженной и просвѣтленной великою властью земли; и эта любовь, и его тоска передъ тѣмъ, что такъ чужда ему народная душа,—все это для *нихъ* смѣшно и непонятно; имъ смѣшны сомнѣ-

ніе и раздуміе надъ путями, какими пойдетъ выбивающаяся изъ колеи народная жизнь: къ чему раздумывать и искать, къ чему бороться? Слѣпая историческая необходимость—для нихъ высшій судъ, и они съ трезвенною покорностью склоняютъ передъ нею головы...

— Да, что-то они сдѣлаютъ?—повторялъ Сергѣй Андреевичъ, мрачно глядя въ темноту.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

На мертвой дорогѣ (изъ лѣтнихъ встрѣчъ) 1
Товарищи (уѣздная картинка) 24
Порывъ (разсказъ) 37
Прекрасная Елена (очеркъ) 82
Загадка (очеркъ) 92
Безъ дороги.
Часть первая 100
Часть вторая 182
Повѣтріе (эскизъ) 237

